

Харлан КОБЕН
УКОРОЧЕННЫЙ УДАР
[Астрель, 2008]

*Анне и Шарлотте
от самого счастливого мужа
и отца на свете*

ГЛАВА 1

- Цезарь Ромеро, – проговорил Майрон.
- Ты серьезно? – удивлённо поднял глаза Уин.

На корте теннисисты менялись сторонами. Клиент Майрона, Дуэйн Ричвуд, громил пятнадцатого посеянного какого-то Ивана: вёл в третьем сете 5:0, выиграв первые два со счётом 6:0, 6:2. Впечатляющий дебют на Открытом чемпионате США для двадцатиоднолетнего выскочки с улиц Нью-Йорка. Он ведь даже в число посеянных не входил!

- Цезарь Ромеро, – повторил Майрон, – может, не знаешь?
- Джокер, – вздохнул Уин.
- Фрэнк Горшин.
- Риддлер.

Девяностосекундную рекламную паузу Майрон с Уином коротали за увлекательной игрой «Угадай Бэт-злодея». Речь, естественно, шла о телесериале «Бэтмен», о «Бэтмене» с Адамом Уэстом, Бертом Уордом и воздушными шарами, наполненными ядовитым газом. О настоящем «Бэтмене»!

– А кто играл второго? – коварно спросил Майрон.

– Второго Риддлера?

Болитар кивнул.

С корта им самоуверенно улыбнулся Дуэйн Ричвуд. На парне «авиаторские» очки в яркой кислотно-зелёной оправе. С последним писком от «Рэй-Бан» Дуэйн практически не расставался, превратив обычный аксессуар в визитную карточку. Естественно, производители были в полном восторге.

Майрон с Уином сидели в одной из двух лож, зарезервированных для команд спортсменов и почётных гостей. Во время большинства матчей свободных мест не оставалось. Накануне вечером, когда играл Агасси, в его ложу было не пробиться: родственники, друзья, прилипалы, молодые красотки, соответствующие статусу Андре кинозвезды и волосатые парни – ни дать ни взять фанаты группы «Аэросмит». А вот за Дуэйна болели только трое: спортивный агент Майрон Болитар, финансовый консультант Уин Локвуд и тренер Генри Хобман. Ванда, любимая девушка Ричвуда, слишком переживала и предпочитала ждать дома.

– Джон Астин, – ответил Уин.

Майрон кивнул.

– А как насчёт Шелли Уинтерс?

– Ма Паркер.

– Милтон Берл?

– Сиреневый Луи.

– Либерас?

– Манделл Великий.

– А ещё?

– Что «ещё»? – На лице Локвуда мелькнуло удивление.

– Не «что», а «кого»! Кого ещё из злодеев играл Либерас?

– Ты о чем? Он появляется только в той серии, одной-единственной!

– Уверен? – откинувшись на спинку сиденья, засмеялся Майрон.

Устроившись на стуле рядом с судейской вышкой, Дуэйн с наслаждением осушил бутылку «Эвиан», причём держал её так, чтобы этикетка попала в объектив камер. Умница, знает, как порадовать спонсоров!

Недавно Майрон заключил со всемирно известным производителем минеральной воды простую, но гениальную сделку: в течение Открытого чемпионата США Дуэйн будет пить «Эвиан» из специально маркированных бутылочек, а французская фирма заплатит десять тысяч. Это только один «питьевой» спонсор, а в данный момент шли переговоры с «Пепси» и «Гаторейд».

Ох уж этот теннис!

– Либерас сыграл только в той серии, – заявил Уин.

– Ответ окончательный?

– Да, он появился только раз.

Генри Хобман буквально ел глазами корт: подбирая нужный ракурс, и так голову наклонял, и эдак, жаль только, спортсмены ещё не вышли.

– Генри, может, вы подскажите?

В ответ гробовое молчание.

Что же, всё как обычно...

– Либерас сыграл только в той серии, – надменно подняв подбородок, повторил Уин.

– Пим-пим-пим! – пропищал Майрон. – Простите, но ответ неверный! Дон, какой приз получает проигравший? Майрон, Уиндзору мы дарим диски с электронной версией нашей игры плюс годичный запас автокосметики от «Тертл вакс!» Огромное спасибо за участие!

– Либерас сыграл только в одной серии, – равнодушно произнёс Уин.

– Это что, твоя новая мантра?

– Если не докажешь обратное, то да.

Уин, которого при рождении назвали торжественно и длинно Уиндзором Хорном Локвудом-третьим, сложил тщательно наманикюренные пальцы башенкой. Башенка и веер – любимые фигуры, но распальцовка ему шла равно как и имя Уиндзор. Про таких говорят: белая кость, голубая кровь. Молодой человек будто сошёл с обложки журнала «Денди», явился из мира, где управляют семейным бизнесом, пьют martini в загородных клубах, а девушки с именами вроде Бэбс носят жемчуг и украшенные монограммой свитера. Платиновые волосы, аристократическое лицо с тонкими чертами, белоснежная кожа, неестественно правильное произношение выпускника Академии Филиппа Эксетера.[1] Вот только в случае Уина векам селекционной работы противостоял неожиданный генетический сбой. В некоторых отношениях молодой Локвуд был именно тем, кем казался, однако куда чаще – и от этих исключений порой оторопь брала – совсем иным.

– Я жду, – напомнил Уин.

– Ты помнишь, что Либерас исполнил роль Манделла Великого? – спросил Майрон.

– Конечно.

– Но забыл, что в той же серии он играл Гарри, злобного близнеца Манделла.

– Шутишь! – поморщился Уин.

– Почему?

– Злобные двойники не в счёт!

– И где это написано?

Локвуд надменно выпятил нижнюю губу.

Влажность можно было носить вместо сорочки – такой плотной она казалась, особенно на второй по значимости арене «Флашинг-Медоус», где сегодня царило полное безветрие. Арена, почему-то названная в честь Луиса Армстронга, походила на огромный рекламный щит с кортом посередине. На спидометре, замерявшем скорость подачи, красовался логотип «Ай-би-эм», у задней линии – символика кредитных карт «Виза», «Ситизен» подсчитывал астрономическое время и продолжительность матчей. Оставшуюся площадь поделили «Рибок», «Инфинити», «Фуджи филм» и «Клэйрол». А ещё «Хайникен».

Толпа собралась довольно пёстрая. Внизу, на лучших местах, зрители посостоятельнее, но и здесь каких только нарядов нет! Кто в строгом костюме с галстуком, как Уин, кто в повседневной одежде в стиле «Банана рипаблик», как Майрон, кто в джинсах, кто в шортах. Самому Майрону больше всего нравились фанаты в полной теннисной экипировке: футболке, юбке или шортах, носках, кроссовках, джемпере для разминки, напульсниках и обязательно с ракеткой. С ракеткой... Можно подумать, их на корт пригласят! Будто Пит Сампрас или Штеффи Граф вдруг остановят матч и, глядя на трибуны, позовут: «Эй ты, с ракеткой! Мне нужен партнёр для парной игры!»

Теперь спрашивает Уин.

– Родди Макдауэлл! – начал он.

– Книжный червь.

– Винсент Прайс.

– Яйцеголовый.

– Джоан Коллинз.

– Джоан Коллинз? – переспросил Болитар. – Из «Династии»?

– Подсказывать не намерен.

Майрон лихорадочно перебирал в уме серии.

«Время!» – проговорил судья. Девяностосекундная пауза кончилась, и теннисисты встали. Болитар был готов поклясться, что Генри подмигнул своему подопечному.

– Сдаёшься? – поинтересовался Уин.

– Тише! Они начинают.

– А ещё называешь себя фанатом «Бэтмена»!

Вышедшие на корт теннисисты – по сути те же рекламные щиты, только поменьше. Например, у Дуэйна теннисная ракетка от «Хэд», форма от «Найк», а на рукавах логотипы «Макдоналдса» и «Сони». Его соперник в форме от «Рибок» с логотипами «Шарп» и «Бик». «Бик» – производитель бритвенных станков и ручек. Наверное, рекламодатели думают, что человек придёт на теннисный матч, увидит рекламу и тут же купит себе ручку.

Майрон наклонился к Уину.

– Ладно, сдаюсь, – прошептал он. – Так кого сыграла Джоан Коллинз?

– Не помню, – пожал плечами Локвуд.

– Что?

– Она мелькнула в какой-то серии, но имя героини из головы вылетело.

– Это не по правилам!

– А где так написано? – улыбнулся Локвуд, показав ровные белые зубы.

– Ты должен знать ответ.

– Зачем? – удивился Уин. – Разве Пат Саджак может разгадать все головоломки на «Колесе Фортуны»? Или Алексу Требеку известны ответы на каждый вопрос в «Риске»?

Майрон сделал паузу.

– Отличное сравнение, Уин, просто класс!

– Спасибо.

– Сирена! – проговорил чей-то голос.

Майрон с Уином огляделись по сторонам: похоже, Генри!

– Вы что-то сказали?

Казалось, рот тренера даже не пошевелился.

– Сирена, – не отрывая глаз от корта, повторил Хобман. – В «Бэтмене» Джоан Коллинз сыграла Сирену.

Друзья переглянулись.

– Знаете, Генри, всезнаек мало кто любит!

Тем временем Дуэйн начал гейм с эйса, чуть не зашибив судью на линии. На спидометре «Ай-би-эм» скорость – 205 километров в час. Майрон ошеломлённо покачал головой, Иван Какойтов сделал то же самое. Ричвуд приготовился подавать во второй квадрат, когда зазвонил сотовый Болитара.

Спортивный агент тут же ответил. Естественно, на трибунах по телефону разговаривали и другие, но в ложе для почётных гостей – лишь он. Майрон уже собрался отключиться, когда подумал, что, возможно, звонит Джессика.

Джессика... От одной мысли сердце понеслось бешеным галопом.

– Алло!

– Это не Джессика!

Звонила Эсперанса, компаньонка.

– Я так и думал.

– Ну конечно! – поддела она. – Значит, по телефону ты всегда скулишь, как выпоротый щенок!

Майрон попытался спрятать трубку в ладони. На звонок оборачивались разгневанные зрители.

– Что ты хотела? – зашипел он. – Я во «Флашинг-Медоус»!

– Знаю. А ты небось на крутыша похож: болтаешь по сотовому во время матча!

Вот, и она туда же...

Теперь гневные лица напоминали сверкающие кинжалы. По мнению зрителей, Болитар совершил смертный грех вроде использования салатной вилки за главным блюдом.

– В чём дело?

– Тебя сейчас показывают по телевизору. Господи, это правда!

– Что правда?

– На экране ты действительно кажешься толще.

– В чём дело, Эсперанса?

– Кроме этого, ни в чем. Не знаю, интересно ли тебе, но я организовала встречу с Эдди Крейном.

– Не может быть!

Из юных дарований Америки Эдди Крейн – один из самых многообещающих, в области тенниса, конечно. Поэтому и ведёт переговоры лишь с четырьмя крупнейшими агентствами: «Ай-си-эм», «Тру-Про», «Эдвантидж интернешнл» и «Просерв».

– Ещё как может. С парнишкой и его родителями ты встречаешься у шестнадцатого корта сразу после матча Дуэйна.

– Слушай, я тебя люблю!

– Так жалованье повысь!

Мощный удар слева по диагонали – и Ричвуд выиграл очко, 30:0.

– Что-нибудь ещё?

– Ничего серьёзного. Только Валери Симпсон трижды звонила.

– Что хотела?

– Мне не сказала, но голос у Снежной Королевы взволнованный.

– Не называй её так!

– Ладно, как скажешь!

Майрон отсоединился.

– Что-то случилось? – спросил Уин.

Валери Симпсон... Парадокс, хотя и очень грустный! Отчаявшись найти агента, эта бывшая звезда юношеского тенниса два дня назад сама пришла в офис Майрона.

– Нет, ничего.

Дуэйн вёл 40:0, тройной матчбол. Готовясь к послематчевому интервью, известный теннисный журналист Бад Коллинз уже спустился к корту. Над яркими брюками Бада измывались все телезрители страны, а сегодня он надел нечто абсолютно жуткое.

Взяв у мальчика два мяча, Ричвуд направился к линии подачи. Для мира тенниса Дуэйн – диковинка. Во-первых, темнокожий, причём не из Индии, Африки или хотя бы Франции. Парень родился и вырос в Нью-Йорке. Во-вторых, в отличие от любого другого игрока «Эй-Ти-Питур» Дуэйн не готовился к дебюту на турнире «Большого шлема» всю жизнь. Его не подталкивали амбициозные, бесконечно заботливые родители, а лучшие тренеры мира с младенческих лет не пестовали на кортах Флориды и Калифорнии. Судьба Ричвуда сложилась иначе: не признающий авторитетов хулиган сбежал из дома в пятнадцать лет и каким-то чудом выжил на улице. Играть в теннис он научился на муниципальных кортах, где пропадал целыми днями и вызывал на спор любого, кто умел держать в руках ракетку.

Ричвуд был в полушаге от победы в первом матче на турнире «Большого шлема», когда грянул выстрел.

Приглушенный звук донёсся из-за пределов стадиона, и большинство зрителей не обратили внимания, решив, что это хлопушка или лопнувшая крыша. Но Майрон с Уином слышали подобное слишком часто. Вскочив со своих мест, они поспешили к проходу ещё до того, как начались крики. На трибунах поднялся ропот. «Тише, пожалуйста, тише!» – нетерпеливо кричал в микрофон бесконечно мудрый арбитр.

Майрон с Уином понеслись вверх по металлической лестнице, перескочили через белую цепь, которую натянули секьюрити, чтобы никто не уходил с трибун во время розыгрышей, и покинули арену Луиса Армстронга.

Некоторые из собравшихся в небольшом кафе, льстиво названном «Гастро-корт», бились в истерике, другие даже не шелохнулись. В конце концов, это Нью-Йорк, очереди за гамбургерами довольно длинные, место людям терять не хотелось.

Девушка лежала лицом вниз перед стойкой, на которой предлагали шампанское «Моз» по семь с половиной долларов за бокал. Майрон узнал её ещё до того, как наклонился и перевернул.

ГЛАВА 2

– Может, не стоит ввязываться? – спросил Уин.

Свернув на магистраль ФДР, «ягуар» помчался на юг. В салоне работало радио: на волне 105,1 FM звучал «софт-рок», как изволил выразиться ди-джей, а именно римейк старой классики «Фор Топс»[2] в исполнении Майкла Болтона. Впечатление тягостное, с таким же успехом Беа Артур[3] могла сняться в новой версии фильма с Мэрилин Монро. Или софт-рок означает «дрянной рок»?

– Я переключу? – предложил Майрон.

– Конечно.

Локвуд повернул, чтобы встать в другой ряд. Манеру вождения Уина точнее всего было бы назвать нестандартной или творческой. Чем меньше внимания обращаешь на его «художества», тем целее нервы. Лучше поставить кассету с записью первой постановки «Как преуспеть в бизнесе, ничего не делая». У Уина, как и у самого Майрона, неплохая коллекция классических бродвейских мюзиклов. Роберт Морс пел о девушке по имени Розмари, но все мысли Майрона Болитара были о девушке по имени Валери.

Валери Симпсон умерла, погибла от пробившей грудь пули. Кто-то застрелил её в «Гастро-корте» Национального теннисного центра США во время первого раунда единственного турнира «Большого шлема», что проводился в Америке. При этом многочисленные посетители ничего не видели.

– У тебя опять такое лицо... – начал Уин.

– Какое «такое»?

– Мол, хочу спасти мир. Она ведь даже клиенткой не была.

– Собиралась стать.

– Между «быть» и «стать» огромная разница. Судьба этой девушки тебя не касается.

– Сегодня Валери трижды звонила в офис, – напомнил Майрон, – а потом отправилась в теннисный центр. Там её и застрелили.

– Грустная история, – кивнул Уин. – Но ты тут ни при чем.

Стрелка спидометра подползла к отметке сто тридцать километров в час.

– Эй, Уин!

– Да?

– Вообще-то левая сторона шоссе предназначена для встречного транспорта.

Лихо крутя руль, Локвуд из первого ряда перестроился сразу в третий, и через несколько минут «ягуар» свернул к стоянке Кинни на Пятьдесят второй улице. Ключи Уин швырнул охраннику Марио. На Манхэттене жара, настоящее городское пекло; раскалённый асфальт обжигает ноги даже через обувь. Влажность, висящая в воздухе, словно яблоко на дереве, впитывает выхлопные газы. Дышать невыносимо трудно, зато потеть легко. Задача горожанина – при ходьбе потеть как можно меньше, а попав в офис, высушить под кондиционером одежду и не заболеть пневмонией.

Майрон с Уином прошли по Парк-авеню на юг к многоэтажке «Лок-Хорн секьюритиз». Небоскрёб принадлежал семье Уина.

– Я был с ней знаком! – объявил финансовый консультант в лифте.

– С кем?

– С Валери Симпсон. Это я её к тебе направил.

– А почему раньше не говорил?

– Не видел причин.

– Вы дружили?

– Смотря что значит «дружить»... Её родители живут в Филадельфии, семья довольно известная и зажиточная. Вроде моей. Мы входили в одни и те же клубы и благотворительные фонды, в детстве даже гостили друг у друга. Но я сто лет ничего не слышал о Валери.

— И она ни с того ни с сего позвонила? – полюбопытствовал Майрон.

– Ну, можно и так сказать.

– А как бы сказал ты?

– Это допрос?

– Нет. Есть какие-то соображения относительно того, кто мог убить Валери?

Буквально на секунду Уин замер.

– Поболтаем чуть позже, – пробормотал он, – сначала нужно разобраться с делами.

Лифт остановился на двенадцатом этаже, выплюнул пассажира и уехал выше, на четырнадцатый, где был офис Уина. Майрон немного постоял, словно ожидая, что кабина вернётся, потом зашагал по коридору к двери, на которой красовалась вывеска: «Эм-Би спортс».

Из-за конторки выглянула Эсперанса:

– Боже, ну и видок у тебя!

– Про Валери слышала?

Компаньонка кивнула. Если она и жалела, что назвала девушку Снежной Королевой всего за несколько минут до её гибели, то виду не подала.

– У тебя на пиджаке кровь.

– Знаю.

– В конференц-зале ждёт Нед Тануэлл из «Найк».

– Тогда, пожалуй, пройду сразу к нему, – заявил Болитар. – Хандрить некогда...

Эсперанса посмотрела на него пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Не тревожься, – попросил Майрон, – со мной всё в порядке.

– Стараюсь держаться, – отозвалась девушка. Надо же, мисс Сострадание!

Едва Майрон открыл дверь конференц-зала, Нед Тануэлл бросился к нему, словно соскучившийся щенок к хозяину. Пожимая руку, он широко улыбался и хлопал спортивного агента по спине. «Сейчас прыгнет на колени и лизнёт в щеку», – подумал Болитар.

На вид Неду Тануэллу слегка за тридцать; неисправимый оптимист, эдакий вечно спешащий кришнаит или, ещё хуже, участник телешоу «Семейная вражда». Синий пиджак, хрустящая белая рубашка, брюки цвета хаки и, естественно, кроссовки от «Найк» из новой, разработанной для Дуэйна Ричвуда линии. Тануэлл – настоящий блондин, даже усы цвета топлёного молока.

Немного успокоившись, Нед протянул видеокассету.

– Не терпится услышать твоё мнение! Просто фантастика!

– Давай посмотрим.

– Говорю тебе, фантастика, самая настоящая фантастика! Нечто совершенно удивительное! Наши ролики с Курье и Агасси ни в какое сравнение не идут. Честное слово, Бог свидетель: фантастика...

Щёлкнув пультом дистанционного управления, Тануэлл вставил кассету в магнитофон, а опустившийся в кресло Майрон изо всех сил пытался отогнать стоявшую перед глазами картину – труп Валери Симпсон. Нужно сосредоточиться: встреча с Тануэллом, то есть обсуждение первого рекламного ролика Дуэйна, который будут крутить по национальному телевидению, очень важна. По правде говоря, имидж в первую очередь создаётся именно такими роликами и уже потом качеством выступлений и умением общаться с журналистами. Реклама стала визитной карточкой спортсмена. Например, благодаря кроссовкам и спортивным сумкам, Майкла Джордана всё чаще называют Эйр Джордан, а что касается Ларри Джонсона, немногие фанаты помнят, что он играл в «Шарлотт Хорнетс», зато все знают, как переодевался в бабушку для рекламы кроссовок «Конверс». Правильная рекламная кампания создаёт имя и репутацию, а неправильная способна разрушить карьеру.

– Когда запустят этот ролик? – поинтересовался Болитар.

– Во время четвертьфиналов. По всем каналам пройдемся, разгоним зрителям кровь!

Кассета почти перемоталась. Итак, Дуэйн вот-вот станет самым высокооплачиваемым теннисистом мира, причём не только благодаря победам на корте, хотя они лишними не будут, но и благодаря выгодным контрактам. Во многих видах спорта звезды зарабатывают рекламой куда больше, чем на соревнованиях, а в теннисе особенно. Гонорары представителей десятки сильнейших лишь процентов на пятнадцать состоят из призовых, всё остальное – доход от рекламы, показательных матчей и гарантий, то есть премий, которые выплачивают лидерам за одно появление на конкретном турнире, вне зависимости оттого, как они сыграют.

Теннису срочно нужна свежая кровь, и за последние несколько лет Дуэйн – самое тонизирующее вливание. Курье и Сампрас пресные, как сухой собачий корм, шведы – страшные зануды, а вызывающее поведение Агасси начало приедаться. И тут появляется Дуэйн Ричвуд. Яркий, смешной, слегка противоречивый, но ещё не вызывающий ненависть. Дуэйн темнокожий и вырос на улице, зато он «свой» темнокожий и со «своих» улиц, а за «своих» будут болеть даже расисты, чтобы показать: на самом деле никакие они не расисты.

– Майрон, только глянь на этого парня! Говорю тебе, наш ролик просто... просто... – Тануэлл огляделся по сторонам, будто надеясь отыскать нужное слово.

– Фантастика? – подсказал Болитар.

Нед щёлкнул пальцами и ткнул в экран:

– Подожди, сейчас сам увидишь! Мне уже не только смотреть, даже думать об этом ролике сложно. Господи, до чего хорош!

Тануэлл нажал на «Воспроизведение». Два дня назад в этом самом зале сразу после встречи с Дуэйном Ричвудом Майрон принимал Валери Симпсон.

Контраст потрясающий! Обоим молодым людям чуть за двадцать, но у одного спортивная карьера только начинается, а у другой стремительно близится к закату. Двадцатичетырёхлетнюю Валери всё чаще причисляли к «бывшим» и «так и недостигшим». Держалась девушка холодно и надменно (поэтому Эсперанса и прозвала её Снежной Королевой), хотя, возможно, вообще была замкнутой и флегматичной. Жизненную энергию, которая так и бурлит в её ровесниках, Валери не излучала. Невероятно, но Болитару показалось: после смерти в неподвижных глазах Валери стало больше жизни, чем когда она сидела в мягком кресле напротив него.

Зачем кому-то понадобилось убивать Валери Симпсон? Зачем она так настойчиво сюда звонила? Зачем приехала: посмотреть соревнования или встретиться с ним, Майроном?

– Ты только глянь! – не унимался Тануэлл. – Фантастика, Богом клянусь, я даже кончил, честно, прямо в штаны!

– Боюсь, я это пропустил, извини.

Нед оглушительно захохотал.

Наконец, начался ролик: Дуэйн в спортивной экипировке и фирменных солнцезащитных очках носился взад-вперёд по теннисному корту. Быстрая смена кадров, множество крупных планов с особым акцентом на кроссовки, дикое буйство красок, быстрая ритмичная музыка, перемежающаяся со свистом стремительно летящего через сетку мяча. Очень в стиле Эм-ти-ви: этаким клип современной рок-группы. Затем послышался голос Дуэйна: «Приходите: скамейка на моем корте лучше...»

Ещё пара мощнейших ударов с отскока, несколько крупных планов, и шоу кончилось. Дуэйн исчез, яркие цветные кадры стали черно-белыми, на секунду воцарилась тишина, а потом неожиданно показался судья, строго взирающий на скамью подсудимых.

«...лучше, чем в его зале», – снова послышался голос Дуэйна, загремел рок, и вернулись пёстрые краски. Сверкая очками, Ричвуд лупил по мячу и улыбался. Затем в кадре появился логотип «Найк», а под ним надпись: «Приходите на корт Дуэйна!»

Через секунду всё исчезло, а Нед Тануэлл буквально застонал от удовольствия.

– Может, сигарету?

Широкая улыбка стала ещё шире.

– Ну, Майрон, что я говорил, фантастика, правда?

Болитар кивнул. Ролик хороший, даже отличный. Профессионально сделанный, стильный, с чёткой идеей и не слишком нравоучительный.

– Мне понравилось.

– Я же говорил! Говорил ведь? Клянусь, у меня снова встаёт – до того хорош ролик. Могу кончить сейчас, прямо перед тобой.

– Валяй.

Истерически захохотав, Тануэлл потрепал Майрона по плечу.

– Нед...

Смех менеджера «Найк» затихал постепенно, как последние аккорды песни.

– Майрон, ты меня убиваешь! Даже успокоиться не могу. Ты буквально меня убиваешь!

– Да, я настоящий клоун!.. Кстати, ты слышал про убийство Валери Симпсон?

– Конечно, по радио только об этом и говорят! В своё время я с ней работал.

– Фирма «Найк» спонсировала мисс Симпсон?

– Ага, и знаешь, мы здорово на ней прогорели! Ну, в смысле казалось, с Валери сюрпризов не будет. Девочке было всего шестнадцать, когда мы подписали с ней контракт, в тот год она успела стать финалисткой Ролан Гарроса. Стопроцентная американка, очень привлекательная, причём уже сложившаяся, ну, если понимаешь, о чём я... Валери не была очаровательной малышкой, которая через пару лет может превратиться в чудовище, как получилось с Каприатти. В шестнадцать девочку уже считали красавицей.

– Так что произошло?

Нед Тануэлл пожал плечами.

– Нервный срыв. Ну, об этом во всех газетах писали.

– От чего?

– Понятия не имею, сплетен-то много ходило.

– Например?

Тануэлл уже открыл рот, чтобы ответить, но в последний момент передумал.

– Я забыл.

– Забыл?

– Слушай, Майрон, многие считают, что девочка просто не выдержала. Такая нагрузка, постоянное напряжение... Валери сломалась. Детишки часто ломаются. Тренируются, достигают невиданных высот, а потом – бах! – воздушный шарик лопаётся. Не представляешь, каково терять все! Будто... будто... – Нед запнулся, а потом понуро опустил голову. – О черт!

Болитар молчал.

– Майрон, прости, поверить не могу, что сказал тебе такое!

– Ладно, забыли.

– Нет, то есть я, конечно, могу притвориться, что не сморозил глупость, только вот...

– Нед, травма колена и нервный срыв – совершенно разные вещи, – отмахнулся спортивный агент.

– Понимаю, и все-таки... Когда отобрали в «Келтикс», тебя кто спонсировал, «Найк»?

– Нет, «Конверс».

– И они тебя бросили? В смысле сразу после травмы?

– Я не жалуюсь.

Эсперанса открыла дверь, даже не удосужившись постучаться. Не удивительно, она никогда не стучит. Нед Тануэлл снова заулыбался. Он физически не способен подолгу хмуриться. Менеджер «Найк» смотрел на Эсперансу с явным одобрением. Впрочем, как и все мужчины.

– Майрон, можно тебя на секунду?

– Привет, Эсперанса! – помахал рукой Нед.

Повернув голову, девушка глянула прямо сквозь него, продемонстрировав лишь один из своих многочисленных талантов.

Извинившись, Болитар вышел вслед за коллегой.

Фотографий на рабочем столе Эсперансы только две. На одной Хлоя – её любимая мохнатая дворняжка получала первый приз на выставке собак. Компаньонка Майрона обожала выставки. Нельзя сказать, что среди кинологов много испаноязычных американцев, но девушку это не смущало.

На втором снимке Эсперанса боролась с женщиной. То есть профессионально боролась. Гибкая и изящная, Эсперанса Диас Пончо дралась на ринге под прозвищем Маленькое Пончо и индейская принцесса. Целых три года Маленькое Пончо была любимицей публики и лидером Женской Лиги, которую все называли ЖАБ (кто-то предложил назвать её Борцовским клубом красавиц, но сокращённый вариант не понравился журналистам). В исполнении Эсперансы почти голая (обычно в микроскопическом бикини) Маленькое Пончо выглядела сущей секс-бомбой и под громкие вопли и похотливые взгляды зрителей бесстрашно крошила своих коварных и злобных соперниц. «Моралите», как выразились бы любители театра, очередное воплощение извечной битвы добра и зла. А вот для Майрона еженедельные бои напоминали фильмы о женских тюрьмах: Эсперанса – прекрасная, очень наивная узница блока В, а её соперница – садистка-надзирательница Ольга.

– Дуэйн на линии, – объявила компаньонка.

Болитар взял телефонную трубку:

– Привет, что случилось?

– Скорее приезжай ко мне! – зачастил теннисист. – Прямо сейчас!

– В чём дело?

– Копы нагрянули, дурацкие вопросы задают.

– Какие?

– О девушке, которую сегодня застрелили. Думают, я как-то в этом замешан.

ГЛАВА 3

– Позови к телефону полицейского, – велел Болитар.

В трубке послышался другой голос:

– Говорит детектив отдела убийств Ролан Димонт. – В грубоватом баритоне звенело типично коповское раздражение. – А вы кто, черт побери?

– Меня зовут Майрон Болитар, я адвокат мистера Ричвуда.

– Адвокат, значит? А я думал, агент!

– Обе должности совмещаю, – пояснил Майрон.

– Неужели?

– Именно.

– У вас есть диплом юриста?

– Висит на стене в моем кабинете. Хотите – могу принести.

Димонт усмехнулся.

– Бывший спортсмен, бывший федерал, а теперь, выходит, ещё и чёртов юрист?

- Можете назвать меня Человеком эпохи Возрождения, – милостиво позволил Майрон.
- Вот спасибо! Скажите, Болитар, юрфак какого университета вас приютил?
- Гарварда, – скромно ответил Майрон.
- Ба-а, да вы крутыш.
- Сами спросили!
- Значит так, умник, у тебя есть полчаса, чтобы ко мне приехать, иначе твой парень отправится в участок, понял?
- Да, Ролли, понял.
- Двадцать пять минут. И не называй меня Ролли!
- В моё отсутствие мистера Ричвуда не допрашивайте, договорились?

Ролан Димонт не ответил.

- Договорились? – переспросил спортивный агент.
- Болитар, связь очень плохая! – наконец заявил Димонт и отсоединился.

Какой милый парень...

Майрон вручил онемевшую трубку Эсперансе.

- Обработай Неда сама, ладно?
- Без проблем.

Спустившись на первый этаж, Болитар со всех ног помчался на стоянку Кинни. «Скорей, О. Джей!»[4] – закричал какой-то парень. Боже, в Нью-Йорке каждый считает себя комиком! Хорошо хоть Марио швырнул ключи, даже не оторвавшись от газеты.

Машина стояла у самого входа. В отличие от Уина Болитар не являлся страстным автолюбителем. Считая автомобили простым средством передвижения, он водил «форд-таурус». Серый «форд-таурус»... Когда владелец спортивного агентства выезжал на улицу, девочки не сбегались на него посмотреть.

Позади осталось кварталов двадцать, и Майрон заметил сине-зелёный «кадиллак» с канареечно-жёлтой крышей. Что-то в машине вызывало беспокойство... Может, цвет? Сине-зелёный, а крыша ярко-жёлтая. Столь жуткое сочетание для Манхэттена? Где-нибудь во Флориде, в царстве пенсионеров, подобное вполне допустимо. Но на Манхэттене... К тому же по пути в гараж он вроде бы обогнал то же страшилище... Неужели слежка?

Возможно, хотя вряд ли. Это ведь Мидтаун, и Майрон двигался по Седьмой авеню. Вокруг миллионы машин. Так что, наверное, ничего страшного.

Дуэйн недавно снял квартиру на углу Двенадцатой улицы и Шестой авеню, в доме, построенном ещё при Джоне Адамсе, у самой Гринич-Виллидж. Грубо нарушив правила, Болитар припарковался у китайского ресторана на Шестой авеню, прошёл мимо консьержа и поднялся на лифте в квартиру номер семь.

Дверь открыл мужчина, который, по всей видимости, и был детективом Роланом Димонтом. Джинсы, зелёная рубашка с «огурцами», чёрный кожаный жилет и самые уродливые ботинки а-ля змеиная кожа (белоснежные, с малиновыми разводами) из тех, что когда-либо видел Майрон. Волосы жирные, несколько прядей пристали колбу, словно мухи к липкой бумаге. Из рта торчит зубочистка, да, самая настоящая зубочистка! На бледном лице глубоко посаженные глаза, будто в последний момент кто-то воткнул в непропеченный блин уголья.

- Привет, Ролли! – ухмыльнулся Майрон.

– перейдём к делу, Болитар. Я всё про тебя знаю: и про славные времена у федералов, и про то, как ты любишь играть в колов. Извини, мне на это плевать, и на то, что твой клиент – знаменитость, тоже. У каждого своя работа... Слышишь, что тебе говорят?

Спортивный агент приложил руку к уху.

– Что-то связь плохая!

Скрестив руки на груди, Ролан Димонт пронзил Майрона испепеляющим взглядом. У псевдозмеиных туфель имелось что-то вроде платформы, поднимавшей детектива почти до метра восьмидесяти, но всё равно у Болитара имелся над ним перевес сантиметров в десять – двенадцать.

Прошла целая минута: Ролан не сводил испепеляющего взгляда. Ещё минута: Ролан сосредоточенно жевал зубочистку и даже ни разу не мигнул.

– У меня душа в пятки ушла! Не мею от благоговейного трепета.

– Болитар, иди в задницу!

– Здорово ты придумал зубочистку жевать. Манера довольно приевшаяся, но тебе подходит.

– Смотри и учись, умник!

— Можно войти? Пока я не обделался от страха?

Димонт шагнул прочь от двери.

Своего подопечного Майрон нашёл на диване. Парень по-прежнему в солнцезащитных очках, что, впрочем, совершенно не удивительно, нервно щиплет кучую бородку. Подруга Дуэйна Ванда притаилась у кухни. Девушка высокая, под метр семьдесят пять, скорее сухая и подтянутая, чем мускулистая. Настоящая красавица, но сейчас она выглядела испуганной и подавленной.

Квартирка маленькая, со стандартной для съёмного жилья Нью-Йорка отделкой. Дуэйн с Вандой переехали всего несколько недель назад и платили помесечно. Вносить большой аванс казалось бессмысленным: Ричвуд вот-вот начнёт зарабатывать хорошие деньги и сможет поселиться со своей любимой, где пожелает.

– Сказал им что-нибудь? – поинтересовался Майрон.

– Ещё нет, – отозвался Дуэйн.

– Может, объяснишь, что происходит?

Парень покачал головой:

– Я ничего не знаю.

В гостиной был ещё один полицейский, совсем молодой, на вид двенадцатилетний мальчишка. Небось только что стал детективом, вот и демонстрирует рвение: и ручка, и блокнот в боевой готовности.

Болитар повернулся к Ролану Димонту: скрестив руки на груди, тот излучал высокое самомнение.

– В чём дело? – спросил Майрон.

– Просто хотим задать вашему клиенту пару вопросов.

– О чем?

– Об убийстве Валери Симпсон. Болитар взглянул на Дуэйна.

– Я знать ничего не знаю, – бросил Дуэйн.

Даже опускаясь в кресло, Димонт ухитрился устроить целый спектакль. Эдакий король Лир в белых ботинках.

– Значит, согласитесь ответить на наши вопросы?

– Да, конечно, – без особой уверенности и оптимизма проговорил теннисист.

- Где вы были, когда раздался выстрел?
- Теперь уже Ричвуд взглянул на своего агента, и тот кивнул.
- На арене Луиса Армстронга.
- Чём занимались?
- Играл в теннис.
- С кем?
- Ролли, ты умница, – похвалил Майрон.
- Заткнись, Болитар!
- С Иваном Рестовичем, – ответил Дуэйн.
- Матч продолжался и после выстрела?
- Да, у меня как раз был матчбол.
- Вы слышали выстрел?
- Да.
- И что сделали?
- Сделал?
- Ну, когда его услышали?
- Ничего, – пожал плечами Ричвуд. – Просто стоял на задней линии, пока арбитр не велел продолжить игру.
- Значит, с корта не уходили?
- Нет.

Молодой коп так и строчил в блокноте.

- А потом чём занимались? – допытывался Димонт.
- Потом? – переспросил Дуэйн.
- После матча.
- Давал интервью.
- Кому?
- Баду Коллинзу и Тиму Майотту.

Юный помощник детектива озадаченно поднял глаза.

- Майотт, – подсказал Болитар, – М-А-Й-О-Т-Т.

Парень кивнул и вернулся к писанине.

- О чём говорили? – не унимался Ролан.
- М-м-м?

- Какие вопросы задавали во время интервью?

Детектив с вызовом взглянул на Майрона. Тот ответил по-дружески тёплым кивком и, словно успешно приземлившийся пилот, поднял вверх оба больших пальца:

- Болитар, уймись, в последний раз предупреждаю!
- Я в восторге от твоей тактики.
- Ещё немного, и будешь восторгаться из-за тюремной решётки.

– Нет, нет!

Очередной испепеляющий взгляд в сторону Майрона, и Ролан Димонт снова сосредоточился на Дуэйне:

– Вы знали Валери Симпсон?

– В смысле лично?

– Да.

– Нет, – покачал головой Дуэйн.

– Вообще ею не знали?

– Нет.

– И никогда не общались?

– Никогда.

Положив ногу на ногу, Ролан Димонт стал поглаживать, именно поглаживать, бело-малиновые ботинки из псевдозмеиной кожи. Будто это не обувь, а любимый пёс!

– А вы, мисс?

– Что, простите? – испуганно вздрогнула Ванда.

– Когда-нибудь встречались с Валери Симпсон?

– Нет, – чуть слышно ответила девушка.

Детектив снова повернулся к Дуэйну:

– До сегодняшнего дня когда-нибудь слышали о Валери Симпсон?

Болитар закатил глаза, но на этот раз заставил себя сдержаться. Палку перегибать не стоит. Димонт не так глуп, как кажется, в его вопросах нет ничего необычного: он пытается усыпить бдительность парня, а потом – бац! – ударит в спину. Значит, нужно помешать зомбированию несколькими меткими фразами.

Что же, Майрону Болитару не привыкать к танцам на туго натянутом канате.

– Вообще-то слышал, – пожал плечами Ричвуд.

– В каком качестве?

– Валери участвовала в туре. Кажется, с тех пор уже года два прошло...

– В теннисном туре?

– Нет, тусовочном! – вставил Майрон. – Мисс Симпсон играла в Вегасе у Энтони Ньюли![5]

Все, мистер Самообладание испарился, его место занял разъярённый бык с мечущими молнии глазами.

– Болитар, ты начинаешь меня бесить.

– Может, перейдём к делу?

– Опрос свидетелей – занятие ответственное, я не люблю спешить.

– А в обувном аналогичную тактику применять не пробовал? – невинно поинтересовался спортивный агент.

Димонт побагровел и, не сводя испепеляющего взгляда с Майрона, спросил:

– Мистер Ричвуд, как долго вы играете в «Эй-Ти-Питур»?

– Полгода.

– И за это время ни разу не видели Валери Симпсон?

- Ни разу.
- Хорошо, теперь проверим, точно ли я представляю ход событий: выстрел прозвучал, когда шёл третий сет. Вы закончили игру и пожали руку своему оппоненту. Вы ведь пожали руку тому теннисисту?
- Дуэйн кивнул.
- Потом давали интервью.
- Правильно.
- А в душ вы пошли до или после беседы с журналистами?
- Все, хватит, – поднял руки Майрон.
- Болитар, тебя что-то не устраивает?
- Твои вопросы даже идиотскими не назовёшь, и я рекомендую своему подопечному прекратить этот балаган.
- Почему? Ему есть что скрывать?
- Да, Ролли, ты нас расколол. Дуэйн убил Валери Симпсон. Когда прозвучал выстрел, несколько миллионов телезрителей следили за ним по национальному телевидению плюс ещё несколько тысяч присутствовали непосредственно на матче. Но то играл не Дуэйн, а его давно потерянный брат-близнец. Однако ты сумел расколоть нас, Ролли, мы сдаёмся.
- Этот вариант я тоже не исключаю, – пробормотал Димонт.
- Что не исключаешь?
- «Мы» – вариант. Возможно, вы оба здесь замешаны: ты и твой психопат яппи.
- Речь идёт об Уине. Многие копы его знают, и почти никто не любит. Впрочем, их чувства совершенно взаимны.
- Выстрел мы оба услышали на стадионе, – без труда отбился Майрон. – Это могут подтвердить десятки свидетелей. А если вы хорошо знакомы с мистером Локвудом, то знаете: он ни за что не стал бы стрелять с такого близкого расстояния.
- Димонт замаялся, а потом кивнул, впервые с начала беседы согласившись с Болитаром.
- Так вы закончили с мистером Ричвудом?
- Детектив неожиданно улыбнулся. Улыбка счастливо-выжидающая, как у школьника, в морозный день сидящего у радиоприёмника. Майрону она очень не понравилась.
- Уделите мне ещё минутку, – с приторной фальшивостью попросил Ролли и, встав, вразвалочку подошёл к коллеге. Юный мистер Блокнот строчил не переставая. – Ваш подопечный утверждает, что не знал Валери Симпсон.
- Блокнот наконец поднял голову: глаза безучастные, как у стенографиста в суде. По сигналу Димонта парень протянул маленький кожаный блокнот в пластиковом пакете.
- Это ежедневник Валери, – объявил Димонт. – Последнюю запись сделали вчера. – Довольная улыбка стала ещё шире. Голова гордо поднята, грудь раздута – ни дать ни взять наступающий на курицу петух.
- Ладно, ладно, умник, – пробормотал Болитар. – Что там написано?
- Детектив передал ему ксерокопию. Вчерашняя запись оказалась элементарно простой: на всю страницу крупным почерком выведено:
Позвонить Д.Р.! 5558705
- 5558705 – номер Дуэйна, ну а Д.Р., вне сомнений, сам Дуэйн Ричвуд.
- На лице Димонта отразилось ликование.
- Мне бы хотелось поговорить со своим клиентом, – попросил Майрон. – Наедине.
- Нет.

- Что, простите?
- Вы у меня на крючке, так что улизнуть не позволю.
- Я его адвокат.
- Да будь ты хоть председателем Верховного суда, мне плевать! Малейшая провокация – увезу парня в участок в наручниках.
- У тебя против него ничего нет! – осадил детектива Майрон. – Запись в ежедневнике ещё не улика.

Димонт кивнул.

– Зато представь, как это выглядит со стороны, для прессы, например, или для фанатов. Дуэйна Ричвуда, восходящую звезду тенниса, увозят в участок. Боюсь, спонсорам не понравится...

– Ты нам угрожаешь?

Детектив прижал руки к сердцу.

- Нет, святые небеса, нет! Крински, разве я на такое способен?
- Ни в коем случае, – продолжая строчить, отозвался Блокнот.
- Вот видишь!

– Я подам в суд за незаконный арест! – пригрозил Майрон.

– И возможно, даже выиграешь. Лет через несколько, когда суд наконец рассмотрит дело. Польза будет колоссальная!

Теперь Димонт уже не напоминал тупого барана.

Неожиданно вскочив, Дуэйн принялся мерить комнату шагами, сорвал очки, потом, будто передумав, надел обратно.

– Слушайте, я не знаю, откуда мой номер в ею книжке. Я не знаком с этой девушкой и никогда не разговаривал с ней по телефону.

– Мистер Ричвуд, ваш телефон в справочнике не указан?

– Верно.

– Вы ведь только что переехали. Как давно существует этот номер? Две недели?

– Три, – поправила Ванда. Подруга теннисиста обнимала себя за плечи, будто замерзая на пронизывающем ветру.

– Три, – повторил детектив. – Дуэйн, откуда у Валери ваш телефон? Как совершенно незнакомая девушка вычислила ваш новый, не указанный ни в одном справочнике номер?

– Не знаю.

Перешагнув стадию скептицизма, Ролан сразу перешёл к полному недоверию и весь следующий час терзал Ричвуда вопросами. Дуэйн стоял на своём: он не был знаком с Валери, никогда с ней не встречался, не разговаривал и не знает, откуда у девушки его номер. Майрон слушал не перебивая. Благодаря «рэй-банам» выражение глаз не разглядеть, но мимика и жесты Дуэйна абсолютно не вязались с его историей.

Шумно и раздражённо выдохнув, Ролан Димонт наконец поднялся.

– Крински!

Блокнот вскочил.

– Пошли отсюда.

Буквально за секунду собрав принадлежности, парень бросился за шефом.

– Я вернусь! – рявкнул Димонт и, ткнув пальцем в пустоту, поинтересовался: – Болитар, ты меня слышал?

– Ты вернёшься, – послушно повторил Майрон.

– Можешь не сомневаться, кретин!

– А выезжать из города запретишь? Обожаю, когда копы это делают.

Сложив ладонь пистолетом, детектив прицелился в Болитара и спустил курок – большой палец. Через секунду они с Блокнотом исчезли за дверью.

Несколько минут в гостиной царил тишина, и Майрон собрался ею нарушить, когда Дуэйн захохотал.

– Слушай, ты просто супер! В лохмотья ему задницу изодрал!

– Дуэйн, нам нужно...

– Майрон, я очень устал, – теннисист фальшиво зевнул, – хочу выспаться.

– Нам нужно серьезно поговорить.

– О чем?

Майрон пронзил клиента многозначительным взглядом.

– Странное совпадение, правда? – ухмыльнулся Дуэйн.

Болитар повернулся к Ванде. Её по-прежнему была нервная дрожь. Девушка тут же потупилась.

– Знаешь, если у тебя проблемы...

– Эй, лучше про ролик расскажи! – перебил Ричвуд. – Нормально получился?

– Не то слово, отлично!

– Слава Богу! А я как вышел?

– Настоящий красавец, скоро придётся отбиваться от назойливых режиссёров.

Дуэйн рассмеялся – слишком громко и натужно. Веселье показное, белыми нитками шитое, и ни Ванда, ни Майрон им не заразились.

Ещё один фальшивый зевок, и Ричвуд поднялся.

– Мне действительно нужно передохнуть, – заявил он. – Впереди серьёзные матчи. Жаль, что приходится отвлекаться на такую ерунду.

Теннисист проводил Болитара, а Ванда будто примёрзла к кухонной двери. Наконец ею взгляд метнулся к спортивному агенту.

– До скорого, – проговорила она.

Дверь закрылась. Майрон спустился на первый этаж и прошёл к машине. Под «дворниками» штрафной талон за парковку. Вытащив его, Болитар завёл «форд».

Тремя кварталами позднее на глаза попался сине-зелёный «кадиллак» с канареечно-жёлтой крышей.

ГЛАВА 4

Яппибург.

Четырнадцатый этаж «Лок-Хорн секьюритиз» всегда напоминал Майрону средневековую крепость: в центре свободное пространство, а по периметру неприступная стена кабинетов руководства и ведущих специалистов. В сердце «крепости» разместились сотни молодых людей, в основном мужского пола – солдаты строевой службы. Воистину пушечное мясо: ими жертвовали не задумываясь, а на замену легко подбирали новых. Целый легион безликих работников, сливающихся в серый офисный ковер: одинаковые столы, одинаковые кресла, системные блоки, мониторы и факсы. Как и полагается солдатам, они носили форму: белые рубашки, подтяжки, яркие, сдавливающие сонную артерию галстуки, пиджаки, развешанные на спинках одинаковых кресел. То и дело слышались крики, звонки, а иногда и напоминающие предсмертный стон звуки. Повсюду страшная суeta, хаос, паника, вечный цейтнот и хронический стресс.

Одна из последних твердынь истинных яппи, храм, где они, не таясь, могли исповедовать популярную в восьмидесятые религию, превозносящую неприкрытую жадность и всеоправдывающее стремление к наживе. Никакого лицемерия: инвестиционные группы

существуют не для того, чтобы служить человечеству, помогать страждущим и творить добро. Цель совершенно иная и благодаря чёткому определению максимально проста: делать деньги.

Уин занимал просторный угловой кабинет с видом на Парк-авеню и Пятьдесят вторую улицу. Лучший вид для лучшего сотрудника компании.

Майрон постучался.

– Войдите! – отозвался Локвуд.

Он сидел на полу в позе лотоса: на лице безмятежное спокойствие, руки разведены, большие и указательные пальцы образуют круги. Медитация. Ею Уин занимался ежедневно, и, как правило, не один раз.

Однако, подобно другим жизненным ситуациям, эти моменты внутреннего уединения и душевной гармонии у Локвуда проходили немного иначе, чем у других. Во-первых, он предпочитал медитировать с открытыми глазами, хотя большинство гуру советуют их закрывать. Во-вторых, вместо того чтобы представлять идиллические сцены вроде водопадов или пасущихся оленей, Локвуд крутил кассеты из домашней видеотеки. На них он сам и пёстрая стайка подружек сливались в экстазе самыми изощрёнными способами.

– Можно выключить? – поморщившись, спросил Майрон.

– Лиза Гольдштейн, – представил финансовый консультант, показывая на переплетённые тела.

– Уверен, она тобой очарована.

– По-моему, вы незнакомы.

– Трудно сказать, – пробормотал Болитар. – Я ведь пока даже не знаю, где её лицо.

– Милая девушка, еврейка.

– Лиза Гольдштейн? Ты что, шутишь?

Локвуд улыбнулся, р-раз – одним плавным движением встал на ноги, нажал на кнопку выброса, а затем положил кассету в коробку с надписью Л.Г. Коробка, в свою очередь, была помещена в ящик с буквой «Г» дубового шкафчика, буквально помившегося от кассет.

– Ты понимаешь, что это самое настоящее извращение? – поинтересовался Майрон.

Уин закрыл шкафчик на ключ.

– Должно же быть у человека хобби!

– Ты чемпион по боевым искусствам и в гольф играешь – вот это и есть хобби! А другое – чистой воды извращение. Хобби и извращение, чувствуешь разницу?

– Мораль мне читаешь, – улыбнулся Уин, – как здорово!

Болитар не ответил. Они обсуждали эту тему сотни тысяч раз, с тех пор как поступили в университет Дьюка, но договориться так и не смогли.

У Локвуда типичный для топ-менеджера кабинет: на обшитых деревом стенах картины, изображающие охоту на лис. Мягчайшие цвета бургунди кресла выгодно подчёркивают густую зелень ковра. Старинный деревянный глобус стоит рядом с дубовым столом, за которым вполне можно играть в теннис. В общем, впечатление не слабое, кратко выражается двумя словами: Большие Деньги.

Майрон опустился в одно из кожаных кресел.

– Уделишь минутку?

– Конечно!

В одном из отделений бара, что притаился за письменным столом, оказался встроенный холодильник. Уин достал банку с холодным «Йо-Хо» и протянул Майрону. Болитар точно следовал инструкциям (встряхнуть и насладиться вкусом!), в то время как Локвуд приготовил себе мартини.

Сперва Майрон рассказал, как к Дуэйну Ричвуду нагрянула полиция. Локвуд слушал без особого интереса и улыбнулся всего раз, узнав, что Димонт назвал его психопатом яппи. Но едва речь зашла о сине-зелёном «кадиллаке», откинулся на спинку кресла и сложил пальцы башенкой. Финансовый консультант ни разу не перебил приятеля, а когда тот закончил, встал из-за стола и взял клюшку для гольфа.

– Получается, наш друг мистер Ричвуд что-то скрывает?

– Совсем не обязательно.

Уин скептически поднял бровь.

– Есть идеи относительно того, что связывало Дуэйна Ричвуда и Валери Симпсон?

– Нет, я надеялся, ты подскажешь.

– Моi?[6]

– Вы же общались, – напомнил спортивный агент.

– Валери была просто знакомой.

– Но какие-то соображения есть?

– Относительно связи Дуэйна и Валери? Нет.

– А относительно чего есть?

Локвуд прошёл в угол кабинета: там, выложенные в аккуратную линию, хранились мячи для гольфа. Уин начал загонять один за другим в воображаемые лунки.

– Ты серьёзно решил этим заняться? Ну, убийством Валери?

– Ага.

– Возможно, тебя это вообще не касается.

– Возможно, – согласился Майрон.

– Или есть неплохой шанс раскопать нечто неприятное. Такое, что ты предпочёл бы не знать.

– Да, шанс определённо есть.

Кивнув, Локвуд проверил, ровно ли лежит ковёр.

– Не в первый же раз.

– Далеко не в первый. Ты будешь участвовать?

– Это ведь совершенно не наше дело, – заметил Уин.

– Вероятно.

– И заработать не на чем.

– Абсолютно.

– Вообще-то ни один из твоих «крестовых походов» прибыльным не назовёшь.

Болитар молчал.

Локвуд нанёс ещё один удар.

– Не делай такое лицо! Я с тобой.

– Отлично, тогда расскажи, что тебе известно.

- Практически ничего, сплошные предположения.
- Я весь внимание.
- Ты ведь в курсе, что у Валери был нервный срыв? – спросил Уин.
- Да.
- Случилось это шесть лет назад. Ей было всего восемнадцать. По официальной версии, девочка не выдержала нагрузок.
- По официальной версии?
- Её взлёт был воистину головокружительным, а надежды, которые на неё возлагали теннисные специалисты, ещё фантастичнее. Зато последовавший за взлётом спад – по крайней мере до срыва – получился долгим и болезненным. Вот у тебя всё сложилось по-другому. Твой крах, если позволишь так выразиться, прошёл куда быстрее. Р-раз – и словно гильотина опустилась: в одну секунду ведущий игрок «Келтикс», а в другую – уже никто. Все, конец. Но в отличие от мисс Симпсон ты получил коварную травму и стал неуязвим для недоброжелателей. Тебе даже сочувствовали. В случае с Валери казалось: карьере погубила она сама. Её считали слабачкой, неудачницей и, в восемнадцать лет, совсем взрослой. В глазах общественности спортивное будущее Майрона Болитара уничтожила ветреная Фортуна, а Валери Симпсон всё сделала своими руками. Мол, характера не хватило, моральной стойкости. Воистину медленное, мучительно-жестокое падение.
- Но как это связано с убийством?
- Возможно, никак, однако меня всегда беспокоили обстоятельства, при которых у Валери не выдержали нервы.
- Почему?
- Её игра действительно подседа, хотя тренер – известный специалист, который консультирует всех знаменитостей...
- Павел Менанси.
- Не важно! Так вот, тренер считал, что Валери ещё способна вернуться к прежнему уровню. Он постоянно это повторял.
- Тем самым давя на неё ещё больше.
- Пожалуй, – неуверенно отозвался Уин. – Но было и кое-что другое. Помнишь убийство Александра Кросса?
- Сына сенатора?
- Сенатора от Пенсильвании, – уточнил Локвуд.
- Парень стал жертвой грабителей, напавших на его загородный клуб пять или шесть лет назад.
- Шесть, и клуб был теннисный.
- Ты его знал?
- Конечно, – кивнул Уин. – Наша семья знакома со всеми видными политиками Пенсильвании со времён Уильяма Пенна.[7] Я вырос рядом с Александром Кроссом и вместе с ним поступил в академию.
- А при чём тут Валери Симпсон?
- У Валери и Александра был, скажем так, роман.
- Серьёзный?
- Вполне. Когда Александра убили, они как раз собирались объявить о помолвке, кажется, даже в тот самый вечер. Майрон быстренько подсчитал: шесть лет назад Валери было восемнадцать.
- Попробую угадать: нервный срыв случился у мисс Симпсон сразу после этого убийства.
- Именно.

– Тогда я что-то не понял: об убийстве Кросса месяцами рассказывали в каждом выпуске новостей, почему же я ни разу не слышал имени Валери?

– Вот это, – Локвуд ударил по очередному мячу, – меня и беспокоит.

Повисла пауза.

– Нужно встретиться с родственниками Валери, – заявил Майрон. – А может, и с семьёй сенатора.

– Да.

– Это люди твоего круга. С тобой, как с равным, они будут говорить охотнее.

– Наоборот, ни за что не станут, – покачал головой Локвуд. – Принадлежность к их кругу – огромное препятствие. С таким, как я, они удвоят бдительность, а вот при тебе об условиях никто беспокоиться не станет. Ты для них личность мелкая, незначительная, с чьим мнением и считаться зазорно. Так, ничтожество.

– Боже, как приятно.

Уин улыбнулся:

– Такова правда жизни, мой друг. Время идёт, но эти люди до сих пор считают себя настоящими американцами, а таких, как ты, – наёмной силой, которую привезли из гулагов и гетто России и Восточной Европы.

– Надеюсь, мою ранимую душу они не растревожат, – проговорил Майрон.

– Завтра утром устрою тебе встречу с матерью Валери.

– Думаешь, миссис Симпсон согласится меня принять?

– Если попрошу, да.

– Здорово!

– И в самом деле. – Локвуд отложил клюшку для гольфа. – чём думаешь заняться сегодня?

Болитар посмотрел на часы.

– Минут через сорок на арене Артура Эша играет одна из подопечных Павла Менанси. Пожалуй, стоите ним пообщаться.

– А мне?

– Всю прошлую неделю Валери жила в отеле «Плаза», – объявил Майрон. – Может, съездишь туда, выяснишь, что к чему? Проверь её телефонные звонки.

– Чтобы выяснить, не связывалась ли она с Дуэйном Ричвудом?

– Да.

– А если связывалась?

– Тогда будем копать и в том направлении.

ГЛАВА 5

Национальный теннисный центр США уютно прижимался к трём главным достопримечательностям Куинса: стадиону Ши, являющемуся домашней площадкой бейсбольной команды «Нью-Йорк метс», парковому комплексу «Флашинг-Медоус», где проходила знаменитая Нью-Йоркская выставка 1964–1965 годов, и аэропорту Ла-Гардия, знаменитому, увы, задержками рейсов.

Одно время игроки жаловались на соседство с аэропортом по той простой причине, что гул самолётов делал центральные арены похожими на стартовую площадку «Аполлона». Тогдашний мэр Нью-Йорка Дэвид Динкинс, известный упорной борьбой с несправедливостью, тут же приступил к действию. Используя всё своё политическое влияние, мэр – по чудесному, почти невероятному

стечению обстоятельств страстный фанат тенниса – распорядился, чтобы во время турнира аэропорт работал по сокращённому графику. Теннисные миллионеры были счастливы и бесконечно благодарны. В качестве ответной любезности мэр Дэвид Динкинс регулярно украшал своим присутствием все ключевые матчи чемпионата, отсутствуя лишь в годы – ещё одно невероятное совпадение, – когда проводились выборы.

Вечерние матчи проходили только на двух аренах: Артура Эша и Луиса Армстронга. Майрону казалось, что дневная программа намного интереснее: одновременно могут идти пятнадцать, а то и шестнадцать матчей. Гуляя по теннисному центру, можно поймать интересный пятисетовик на каком-нибудь отдалённом корте, открыть юное дарование, увидеть игры одиночного, парного, смешанного разряда, и всё на ярком ласковом солнышке. А вечером приходится сидеть на одном месте и следить за матчем при искусственном освещении. Тем более в начале турнира в этих матчах обычно происходило «избиение младенца»: кто-то из первых посеянных громил пробившегося через квалификацию дебютанта.

Припарковавшись на стоянке у стадиона Ши, Болитар прошёл по эстакаде над поездом № 7. Некий предприимчивый тип уже поставил будочку с радарганом, чтобы зрители могли измерить скорость собственной подачи. Воистину бизнес не знает границ... Перекупщики билетов тоже не дремали, равно как и торговцы «левыми» футболками с символикой чемпионата. Бойкие парни сбывали футболки за пять долларов, а на территории теннисного центра практически такие же, только фирменные, продавались за двадцать пять. Естественно, после первой же стирки подделки садились до размеров куклы Барби, тем не менее...

Павел Менанси разместился в ложе игрока, как накануне сам Майрон. На часах 18:45, дневная программа закончилась, а первый матч вечерней сессии с участием нынешней протезе Менанси, четырнадцатилетней Джанет Коффман, начинался в 19:15. Пользуясь перерывом, обслуживающий персонал и зрители сновали туда-сюда, и Майрон заметил работавшего днём билетёра.

– Как дела, мистер Болитар? – спросил тот.

– Отлично, Билл, вот решил поприветствовать старого знакомого.

– Конечно, сэр, никаких проблем.

Майрон начал спускаться по ступенькам. Неожиданно перед ним вырос молодой мужчина в синем пиджаке и темных авиаторских очках. Крупный, под метр девяносто ростом и килограммов сто весом – примерно той же комплекции, что и сам Болитар. Аккуратно стриженные волосы обрамляли приятное, но довольно жёсткое и решительное лицо. Загородив Майрону дорогу широкой, как шкаф, грудью, детина поинтересовался:

– Сэр, чём я могу вам помочь?

Хм, по тону больше напоминает «Греби отсюда, парень!»

– Вы знаете, что очень похожи на Арнольда Шварценеггера? – храбро поинтересовался Болитар. Никакой реакции. – Ну, Шварценеггер, он Терминатора играл, а сейчас губернатор Калифорнии!

– Сэр, я должен просить вас уйти.

– Пожалуйста, не обижайтесь, миллионы женщин считают Арнольда привлекательным.

– Сэр, в последний раз говорю по-хорошему.

Майрон взгляделся в перекошенное от напряжения лицо.

– У вас даже ухмылка, как у Шварценеггера, немного мрачная, помните? – Болитар наглядно продемонстрировал ухмылку, на случай, если парень забыл Терминатора.

Фальшивая невозмутимость сменилась гримасой раздражения.

– Ну все, убирайся!

– Я просто хотел поговорить с мистером Менанси.

– Боюсь, сейчас это невозможно.

– Ну ладно, – чуть громче сказал Майрон, – тогда передайте мистеру Менанси: агент Дуэйна Ричвуда собирался обсудить нечто очень важное. Если ему неинтересно, пойду в другое место.

Павел Менанси обернулся как по мановению кукловода. Р-раз, будто зажигалкой щёлкнули – и на апатичном лице загорелась улыбка. Тренер встал: глаза полуоткрыты, весь облик источает иностранный шарм, который одним женщинам казался притягательным, другим – невыразимо тошнотворным.

Менанси – румын по национальности, один из первой волны теннисных «плохишей», партнёр по парной игре Илие Настасе. Приближающийся к пятидесятилетию Павел загорел так, что кожа лица казалась дублёной, а когда улыбался, чуть ли не скрипела.

– Прошу прощения, – начал он мягким, вкрадчивым голосом, в котором слышалось что-то румынское, что-то американское, что-то от Рикардо Монтальбано, расхваливающего «крайслер-кордоба», – вы ведь Майрон Болитар, верно?

– Да.

Небрежным кивком тренер отослал «Шварценеггера». Терминатору это явно не понравилось, но он послушно освободил дорогу. Подобно металлической решётке большое тело сдвинулось в сторону, так что войти в ложу смог только Болитар. Павел Менанси протянул холеную ладонь, и на какую-то секунду Майрону показалось: румын хочет, чтобы его поцеловали. Однако закончилось всё обычным рукопожатием.

– Прошу вас, садитесь! – гостеприимно предложил Павел. – Вот сюда, рядом со мной.

Пластиковое кресло тут же освободилось. Майрон сел, а следом и хозяин ложи.

– Хочу извиниться за чрезмерную старательность своего охранника, но попробуйте понять! Зрителям нужен автограф, родителям – детальный разбор игры их детей, а здесь, – Менанси обвёл руками трибуны, – не место и не время.

– Понимаю, – кивнул спортивный агент.

– Я немного слышал о вас, мистер Болитар.

– Пожалуйста, зовите меня Майрон.

У Павла улыбка заядлого курильщика, negligéant[8] гигиеной полости рта.

– Только если согласитесь звать меня Павлом.

– Договорились.

– Вот и славно! Так это вы открыли Дуэйна Ричвуда?

– Ну, мне его порекомендовали.

– Но вы первым разглядели его потенциал, – настаивал Менанси. – Парень не учился в колледже и не играл юношеские турниры. Наверное, поэтому крупные агентства его и упустили, правда?

– Да, пожалуй.

– Ну, теперь у вас один из ведущих игроков. С сильными мира сего решили посостязаться?

Болитар знал: Павел Менанси работает с «Тру-Про» – спортивным агентством из числа крупнейших. Конечно, сотрудничество с «Тру-Про» не делает автоматически человека подонком, но подводит к критической черте на опасно близкое расстояние. Павла это агентство ценило на вес золота, однако вовсе не поэтому, что он зарабатывал не меньше, чем юные дарования, которых пестовал. Подобно Свенгали,[9] он контролировал малолетних вундеркиндов, предоставляя «Тру-Про» шанс заключить с ними контракт. Вообще-то «Тру-Про» никогда не было на хорошем счёту, скорее, наоборот, но в прошлом году окончательно попало под влияние мафии, а именно

братьев Эйк из Нью-Йорка. Эйки предоставляли полный спектр гангстерских услуг: вымогательство, торговлю наркотиками, контроль проституции и игорных заведений. Милые парни!

– Ваш Дуэйн Ричвуд сыграл сегодня отличный матч, – продолжал Менанси, – я бы даже сказал великолепный. Потенциал у парня неограниченный, согласны?

– Дуэйн очень много работает, – уточнил Болитар.

– Не сомневаюсь. Скажите, Майрон, кто его сейчас тренирует?

– Генри Хобман.

– Понятно, – энергично закивал Павел, будто получив ответ на какой-то сложный вопрос. Естественно, он и так знал, кто работает с Дуэйном. Менанси наверняка известно, кто тренирует каждого из профессиональных теннисистов. – Генри Хобман очень компетентный специалист. – «Компетентный» получилось больше похожим на «дрянной». – Хотя я мог бы поднять игру вашего подопечного на более высокий уровень.

– Я пришёл говорить не о Дуэйне.

– Что? – Управляемое невидимым кукловодом лицо омрачилось.

– Хочу кое-что узнать о другом клиенте. Точнее, о девушке, которая не успела стать моей клиенткой.

– Кто же эта особа?

– Валери Симпсон.

Болитар поднял глаза, пытаясь поймать реакцию Павла, и это ему удалось: Менанси закрыл лицо ладонями.

– О Господи!

В ложе поднялся взволнованный ропот. К плечу тренера потянулись предлагающие сочувствие и поддержку руки, встревоженные голоса окликали по имени. Но Павел отмахнулся – не до вас, мол. Вот какой он сильный и бесстрашный!

– Мисс Симпсон приходила в моё агентство несколько дней назад, – пояснил Майрон. – Планировала вернуться в большой спорт.

Набрав в грудь воздуха, Менанси разыграл пьесу под названием «Как превозмочь себя» и лишь потом смог заговорить.

– Бедное дитя! Трудно поверить... – Павел осёкся, не в силах совладать с нервами. – Знаете, я ведь тренировал девочку. В годы её расцвета...

Болитар кивнул.

– Надо же, застрелили как собаку, – мелодраматично покачал головой румын.

– Когда вы в последний раз видели Валери?

– Несколько лет назад.

– После её нервного срыва не встречались?

– Нет, с тех самых пор, как она легла в больницу.

– Разговаривали с ней, общались по телефону?

Павел снова покачал головой, а потом закрыл лицо руками.

– Не могу простить себе то, что случилось с девочкой. Нужно было лучше за ней приглядывать.

– О чём вы?

– Когда тренируешь кого-то столь юного, приходится отвечать за него и вне корта. Валери была ребёнком, растущим в центре всеобщего внимания. Журналисты ведь настоящие дикари, знаете? Не понимают, что можно скармливать обывателям, что нельзя. Я пытался принять часть ударов на себя, пытался защитить, чтобы слава изнутри не разъела. Увы, ничего не получилось.

Прозвучало вполне искренне, но Майрон знал: сказать можно все, что угодно. Люди – виртуозные лжецы. Чем естественнее воспринимаются их слова, чем пристальнее они смотрят в глаза и честнее кажутся, тем большими психопатами и извращенцами могут быть на самом деле.

– По-вашему, кто мог желать ей смерти?

Подобного вопроса тренер явно не ожидал.

– Майрон, почему вы об этом спрашиваете?

– Я кое-что расследую.

– Что именно, если, конечно, позволите узнать?

– Ну, тут личное дело.

Несколько секунд тренер пристально смотрел на Майрона. От румына так мерзко пахло табаком, что Болитар хотел отвернуться.

– Скажу вам то же самое, что полиции, – пообещал Менанси. – По-моему, нервный срыв произошёл у Валери не только от обычных теннисных нагрузок.

Болитар ободряюще кивнул: продолжай, мол. Павел воздел руки к небу, будто взывая к помощи Всевышнего.

– Возможно, я ошибаюсь, возможно, верю в то, что хочется, пытаюсь – как говорят американцы – переложить ответственность на чужие плечи. Не знаю, судить уже трудно, но я работал со многими молодыми игроками, в том числе и с совсем юными, и таких проблем, как у Валери, ни у кого не возникало. Нет, Майрон, её беды не только от тенниса.

– Тогда от чего?

– Поймите, я не психолог, поэтому наверняка утверждать не могу. Однако нелишним будет заметить, что Валери угрожали.

Болитар ждал подробностей и, не дождавсь, спросил сам:

– Угрожали?

– Преследовали, – щёлкнув пальцами, уточнил румын. – Этот, как его, сталкер, по-моему, теперь их так называют... Валери довёл сталкер.

– Сталкер?

– Душевно больной человек, больной и очень страшный. Столько лет прошло, а я до сих пор помню его имя: Роджер Куинси. Грязное животное, писал девочке любовные письма, постоянно звонил, отирался возле её дома, отеля, кортов, на которых она играла...

– Когда это было?

– Естественно, во время её выступлений в туре, а началось месяцев за шесть до того, как Валери попала в больницу.

– Его пытались остановить?

– Конечно, даже в полицию обращались. Они ничем не смогли помочь. Мы хотели получить решение суда, но с юридической точки зрения этот Куинси Валери не угрожал, просто твердил: «Я тебя люблю», «Хочу быть с тобой» и так далее. Мы старались, как могли: меняли отели, использовали вымышленные имена... Но вспомните о возрасте Валери! В итоге у девочки началась паранойя. Вообще-то нервное напряжение и без того было колоссальным, а из-за Куинси она начала ежесекундно оглядываться по сторонам. Роджер Куинси – безумное чудовище, да, иначе и не скажешь. Вот кого следовало застрелить, а не Валери!

Майрон кивнул, выдержал небольшую паузу, потом спросил:

– А как к Куинси относился Александр Кросс?

Вопрос оглушил Павла не хуже, чем неожиданный хук слева, и Майрон тут же вспомнил бой Леннокса Льюиса с Фрэнком Бруно. Менанси чуть равновесие не потерял. В этот момент под шум аплодисментов вышли участницы матча.

– Почему вы об этом спрашиваете? – пролепетал Менанси.

– Разве у Александра Кросса не было романа с Валери Симпсон?

– Ну, можно сказать, что был.

– Серьёзный?

– Валери много разъезжала, с одного турнира на другой. Но, пожалуй, да, они очень друг друга любили.

– Получается, их роман протекал сводное время с домогательством Куинси?

– Да, в один и тот же период, верно...

– Так что вопрос вполне естественный: как бойфренд Валери реагировал на поведение Куинси?

– Вопрос действительно естественный, хотя и немного странный. Александр Кросс умер несколько лет назад.

Каким образом его реакция связана с тем, что произошло с Валери вчера?

– Во-первых, их обоих убили.

– Намекаете, что два случая взаимосвязаны?

– Я ни на что не намекаю, просто не могу понять, почему вы не хотите ответить на мой вопрос.

– Дело не в желании, а в моральных принципах, – парировал Менанси. – Вы копаетесь в том, что вас вообще не касается. В личной жизни моей подопечной, которая к нынешней ситуации не имеет ни малейшего отношения. Общаясь с вами, я чувствую, что злоупотребляю ею доверием, понимаете?

– Нет.

Павел оглянулся на Шварценеггера. Бесстрастное лицо исказила гримаса, Шкаф поднялся, раздувая широченную грудь.

– Матч вот-вот начнётся, – напомнил Менанси. – Не хочу быть грубым, но вынужден просить вас уйти.

– Неужели я за живое задел?

– Да, Валери была мне как дочь.

– Речь не об этом.

– Прошу вас, покиньте ложу, мне нужно сосредоточиться на матче.

Майрон не пошевелился, и Терминатор положил на его плечо огромную, как лопата, ручищу.

– Слышал, что тебе говорят? Выметайся!

– Убери лапу! – потребовал Болитар.

– Все, шутки в сторону, – покачал головой Шварценеггер. – Убирайся.

– Если сейчас же не уберёшь лапу, будет больно, возможно, даже очень.

В скрытых темными очками глазах мелькнула улыбка – надо же, и Терминаторы улыбаются! – а огромная ручища ещё сильнее сжала плечо Майрона. Молниеносным движением Болитар схватил телохранителя за большой палец и резко дёрнул на себя фалангу. У Шварценеггера даже колени подогнулись.

Майрон прильнул к его уху.

– Слушай, не хочу устраивать сцену, поэтому сейчас отпущу, – прошептал он. – Но только увижу с твоей стороны что-нибудь, кроме улыбки, сделаю больно, очень больно. Если понял, кивни.

Побледневший Терминатор кивнул. Болитар отпустил палец.

– До скорого, Павел!

Менанси не ответил.

Спортивный агент прошёл мимо Шварценеггера: тот послушно улыбался.

– Пока, Арни!

ГЛАВА 6

Сталкер.

Неужели всё так просто? Неужели безумный фанат всадил пулю в Валери Симпсон, потому что ему приказали голоса? Тогда где связь с Дуэйном Ричвудом? Возможно, ею нет вообще, а возможно, она не имеет отношения ни к убийству, ни к делам «Эм-Би спортс». («Эм-Би спортс». Компания Майрона. Майрон Болитар – отсюда «Эм-Би». Представляет спортсменов – значит «спортс».)

Болитар свернул на Хобарт-Гэп-роуд. Он всего в миле от родительского дома в Ливингстоне, штат Нью-Джерси.

Сине-зелёный «кадиллак» с канареечно-жёлтой крышей наконец отцепился, перескочив на автостраду имени Кеннеди. Неведомый преследователь наверняка догадался: Майрон едет ночевать домой, значит, сидеть на хвосте бессмысленно. Если «кадиллак» появится завтра, придётся разобраться с гостем из солнечной Флориды.

Сейчас лучше сосредоточиться на сталкере.

Предположим, Валери убил Роджер Куинси, тогда почему любезнейший Менанси так задёргался, стоило упомянуть Александра Кросса? Или румын, по его собственному утверждению, просто не хотел злоупотреблять доверием бывшей подопечной? Однако разве не кажется, что Павлу просто выгоднее промолчать? Сенатор Кросс – личность влиятельная, и болтать о его погибшем сыне не самое разумное решение.

«Форд-таурус» остановился на подъездной аллее. Мамина машина в гараже, а папиной не видно. Дверь Болитар открыл своим ключом.

– Майрон!

Майрон... Боже, ну и имя! Вообще-то за тридцать с лишним лет можно было привыкнуть, однако порой ужас возвращался. Его окрестили Майроном в самый последний момент, как утверждали родители. Чудесная идея пришла маме уже в роддоме. Здорово, конечно, но назвать ребёнка Майроном Болитаром... Разве это справедливо? Разве этично?

Мальчишкой Майрон старательно придумывал себе прозвища: Майк, Микки и даже Попрыгун – в честь фирменного «зависания» над корзиной. Конечно, хорошо, что Попрыгун не прижился, но все-таки...

Отсюда назидание молодым родителям: выбирая ребёнку имя, сто раз подумайте.

– Майрон, – снова позвала мама, – это ты?

– Да, мам!

– Я в маленькой комнате.

Облачившись в тренировочный костюм, миссис Болитар смотрела кассету с записью каких-то упражнений. И не просто смотрела, а активно выполняла упражнения, стоя на одной ноге в позе журавля из «Малыша-каратиста». «Теперь медленно переносим вес тела...» – вкрадчиво увещевал знакомый голос.

всё понятно: комплекс упражнений тай-чи Дэвида Каррандина. Как мило!

– Привет, мам!

– Ты опоздал.

– Не знал, что в этом доме комендантский час.

– Сам обещал вернуться к семи, а сейчас уже девять, десятый.

– И что с того?

– Я переживала! Слышала в новостях: в теннисном центре застрелили девушку. Откуда мне было знать, что с тобой всё в порядке?

Майрон сдержал тяжёлый вздох.

– В новостях сказали, что я убит? Или упомянули неопознанные тела? Или сообщили, что застрелена девушка по имени Валери Симпсон?

– Они могли врать!

– Что?

– Такое случается сплошь и рядом. Полиция не говорит журналистам всю правду, пока не известит ближайших родственников.

– Ты же весь день была дома!

– Думаешь, у полицейских есть наш телефон?

– Они ведь могли... – Майрон сдался: что толку спорить? – В следующий раз, когда в радиусе пяти километров от меня произойдёт убийство, обязательно позвоню.

– Хорошо! – Миссис Болитар вынула кассету, потом, положив в угол подушку, встала на голову.

– Мама!

– Да?

– Что ты делаешь?

– А сам как думаешь? Упражнение улучшает ток крови, общее состояние организма и даже внешний вид! Знаешь, кто ежедневно стоял на голове?

Спортивный агент покачал головой.

– Давид Бен-Гурион!

– Всем известно, как он выглядел! – напомнил Майрон.

– Ладно тебе, умник!

Миссис Болитар полноправно считалась незаурядной личностью. С одной стороны, вот уже двадцать лет она занималась адвокатской практикой. И это при том, что представляла второе поколение эмигрантов. Первое, то есть бабушка и дедушка Майрона, вырвались в США откуда-то из-под Минска, где жизнь очень напоминала сюжет мюзикла «Скрипач на крыше» по мотивам повести Шолом-Алейхема. В шестидесятые новоиспечённая миссис Болитар слыла крайней радикалкой, жгла бюстгальтеры и всю экспериментировала с галлюциногенными препаратами (поэтому и назвала сына Майроном). Она не занималась готовкой. Никогда. Понятия не имела, где в доме хранится пылесос, как пользоваться утюгом и вообще есть ли у неё утюг. В залах суда ходили легенды о её умении подавать встречные иски и апелляции. Главные свидетели рыдали, когда их допрашивала миссис Болитар, такая яркая, ужасающе пронизательная, современная.

Но когда речь заходила о сыне, все эти качества бесследно исчезали. Миссис Болитар буквально голову теряла, становясь похожей на свою мать, только гораздо эмоциональнее. Успешная американка-адвокат превращалась в гиперзаботливую еврейскую мамашу.

– Отец поехал за китайской едой. Я и на тебя заказала.

– Спасибо, что-то аппетит пропал.

– Майрон, я заказала свиные рёбрышки и цыплёнка в кунжуте, а ещё... – она сделала эффектную паузу, – креветки под омаровым соусом!

– Мне действительно не хочется.

– Креветки под омаровым соусом! – повторила миссис Болитар.

– Мама...

– Из «Логова дракона» Фонга.

– Нет, спасибо.

– Что? Ты же обожаешь его креветки под омаровым соусом!

– Хорошо, только чуть-чуть.

Всё это время миссис Болитар стояла на голове, а тут начала свистеть. Как ни в чём не бывало...

– Ну, – с деланным равнодушием начала она, – как дела у Джессики?

– Мама, не вмешивайся.

– Кто вмешивается? Я задала тебе простой вопрос.

– А я дал простой ответ: не вмешивайся.

– Ладно, только если что-то пойдёт не так, не прибегай ко мне жаловаться!

Можно подумать, такое хоть раз случилось!

– Почему Джессики так долго нет? чём она занимается в своей служебной поездке?

– Спасибо, что не вмешиваешься!

– Просто беспокоюсь, – заявила миссис Болитар. – Надеюсь, ей ничего такого в голову не придёт?

– Не вмешивайся!

– Тебе что, кроме «не вмешивайся», больше сказать мне нечего? Или в попугая превратился? Где твоя девушка?

Майрон открыл рот, огромным усилием воли закрыл, а потом бросился в подвал. В своё царство! Тридцать два исполнилось, а он по-прежнему живёт с родителями. Вообще-то в последние несколько месяцев в этом доме Майрон почти не бывал, почти ежедневно ночуя в Нью-Йорке у Джессики. Они даже подумывали о том, чтобы съехаться, однако решили не торопить события. Пусть всё идёт своим чередом. Естественно. Ну, сказать легче, чем сделать. Сердце не знает, что такое «естественность». А мама, по обыкновению, задела за живое. Джессика улетела в Европу, но куда именно? Целых две недели от неё не было никаких вестей. Майрон очень скучал, да и в голову лезло всякое.

В дверь позвонили.

– Это отец! – громко объявила миссис Болитар. – Никак снова ключи забыл! Бог свидетель, старость не радость.

Через несколько секунд дверь в подвал открылась. Сначала показалась мамина нога, затянута в тренировочные брюки, потом всё остальное. Миссис Болитар поманила сына пальцем.

– Что такое?

– К тебе девушка! – объявила она и, понизив голос, добавила: – Чёрная!

– О Господи! – изображая приступ, схватился за сердце Майрон. – Надеюсь, соседи не вызвали полицию!

– Слушай, умник, я не это имела в виду, что прекрасно тебе известно. В нашем районе живут и темнокожие. Уилсоны, например, очень славные люди. Поселились на Ковентри-драйв, в бывшем доме Дехтманов.

– Знаю, мама, знаю.

– Я просто описывала внешность и с таким же успехом могла сказать, что у неё светлые волосы, приятная улыбка или, скажем, заячья губа.

– Угу.

– Или что она хромая или высокая, низкорослая или толстая. Или...

– Мама, смысл я уловил. Ты спросила, как её зовут?

Миссис Болитар покачала головой.

– Зачем совать нос в чужие дела? Вот именно!

Поднявшись по лестнице, Майрон увидел подругу Дуэйна Ванду. Почему-то он несколько не удивился. Девушка слабо улыбнулась и помахала рукой.

– Всё нормально, проходи!

Они спустились в подвал, который Болитар разделил на две части. В маленькую гостиную он почти не входил, так что комнатка блистала чистотой и производила хорошее впечатление. Зато вторая, то есть спальня, больше напоминала студенческое общежитие после вечеринки.

Ванда испуганно оглядела подвал. Совсем как днём, когда к ним в квартиру нагрянул Димонт.

– Ты здесь живёшь?

– Лишь с тех пор, как шестнадцать исполнилось.

– Жить с родителями это так мило!

– Если бы вы только знали! – послышалось с первого этажа.

– Мама, закрой дверь!

Бах!

– Пожалуйста, садись!

Смущённая и очень скованная, Ванда все-таки села.

– Чувствую себя круглой душой...

Майрон включил ободряющую улыбку в стиле Фила Донахью: «Алло, мы вас слушаем!»

– Дуэйн тебя уважает, – выдавила Ванда. – Очень.

– Взаимно.

– Нам постоянно звонят агенты самых крупных компаний. Говорят, «Эм-Би спортс» не готов вести дела такого перспективного теннисиста. Мол, они помогут заработать куда больше...

– Возможно, они правы, – отозвался Болитар.

– Дуэйн так не думает, – покачала головой Ванда. – И я тоже.

— Как мило с твоей стороны!

– Знаешь, почему он не хочет встречаться с другими агентами?

– Боится, что я начну рыдать?

Подруга Ричвуда улыбнулась. Ай да Майрон, мастер разрядить обстановку, гений иронии и самобичевания!

– Дуэйн тебе доверяет.

– Очень рад.

– Ты занимаешься им не только из-за денег.

– Ванда, спасибо за добрые слова, но на Дуэйне я недурно зарабатываю, вряд ли стоит это отрицать.

– Понимаю и не хочу казаться наивной, но у тебя на первом месте он, а не доллары. Ты считаешь Дуэйна Ричвуда человеком, он тебе небезразличен.

Болитар молчал.

– Дуэйн почти один, – продолжала Ванда, – даже семьи нет. Он жил на улице с четырнадцати лет, побирался. Естественно, ангелом в ту пору не был, совершал поступки, о которых лучше не вспоминать. Однако страданий никому не причинил и ничего непоправимого не сделал. Всю жизнь ему было не на кого положиться, приходилось заботиться о себе самому.

Снова молчание.

– Дуэйну известно, что ты здесь? – наконец спросил Майрон.

– Нет.

– Где он?

– Не знаю, просто ушёл. Иногда с ним такое случается. – Неловкая пауза. – Как я уже сказала, Дуэйн почти один. Он тебе доверяет. Уину, твоему лучшему другу, тоже.

– Ванда, ты говоришь чудесные слова, но мной движет не альтруизм. Я делаю работу, за которую получаю хорошие деньги.

– Тебе не всё равно!

– Генри Хобману тоже.

– Он использует славу Дуэйна; так сказать, обратный билет в большой спорт.

– Это и ко мне относится, – возразил Майрон. – Вот только билет не обратный: я никогда раньше не работал с теннисными чемпионами.

Из крупных игроков Дуэйн – мой единственный клиент. Кроме него, на нынешнем чемпионате я никого не курирую.

На секунду Ванда задумалась.

– Возможно, так и есть, но в критической ситуации, как, например, сегодня, Дуэйн обратился к тебе. А когда критическая ситуация сложилась для меня, я тоже обратилась к тебе. Для меня это важно.

Дверь на первый этаж приоткрылась.

– Ребята, принести вам выпить?

– Ну, если только растворимый сок пригостишь...

Ванда рассмеялась.

– Слушай, умник, может, твоя гостья проголодалась?

– Нет, спасибо, миссис Болитар! – крикнула девушка.

– Точно, дорогая моя? Может, кофе или колу?

– Спасибо, ничего не нужно.

– А хотите пирожные? Как раз сегодня купила свежие в швейцарской кондитерской. Майрон их обожает.

– Мама...

– Всё, всё, намёк понятен.

Конечно, миссис Понятливость и Тактичность!.. Дверь на первый этаж захлопнулась.

– Она такая милая, – улыбнулась Ванда.

– Просто чудо! – Майрон подался вперёд. – Может, расскажешь, что привело тебя ко мне?

Девушка явно нервничала.

– Я беспокоюсь за Дуэйна.

– Если из-за того, что Димонт приходил, то переживать не стоит. Детективам по уставу полагается быть сволочами и мерзавцами.

– Дело не в этом. Дуэйн мухи не обидит, я уверена. Но что-то не так. Он стал напряжённым. Меряет квартиру шагами, из-за любых мелочей срывается.

– Он сейчас под таким прессингом... Вероятно, просто нервы.

Ванда покачала головой.

– Под прессингом Дуэйну даже лучше, он ведь обожает соревнования. Однако в последние пару дней всё иначе. Что-то сильно его беспокоит.

– Тебе известно, что именно?

– Нет.

– Задам вопрос, который напрашивается сам собой: Валери Симпсон ему звонила?

– Не могу сказать, – после небольшой паузы ответила девушка.

– Он ею знал?

– Тоже не в курсе. Зато я знаю Дуэйна. Мы вместе уже три года, с тех пор как нам по восемнадцать исполнилось. Когда познакомились, он ещё жил на улице. Мой папа тогда страшно перепугался. Он хиропрактик, неплохо зарабатывает и всю жизнь старался огородить нас от невзгод. И вот сюрприз: любимая дочь встречается с беспризорником! – Девушка усмехнулась. Майрон терпеливо ждал продолжения.

– Никто не верил, что у нашего романа есть будущее. Я бросила колледж и пошла работать ради того, чтобы Дуэйн мог играть в теннис. А теперь он оплачивает мне учёбу в Нью-Йоркском университете. Мы очень любим друг друга, любили ещё до начала серьёзного тенниса и будем любить после того, как Дуэйн закончит выступать. Но сейчас впервые за всё время он от меня отгораживается.

– И ты думаешь, что тут как-то замешана Валери Симпсон?

– Да, – неуверенно кивнула Ванда.

– Каким образом?

– Понятия не имею.

– А от меня чего ты хочешь?

Поднявшись, девушка зашагала по крошечной комнате.

– Я слышала, что говорили полицейские: в своё время ты неплохо преуспел на государственной службе. И ты, и Уин. Занимался чем-то секретным с ФБР, ну, после того, как травму получил. Это правда?

– Да.

– Я подумала, может, тебе стоит этим заняться?

– Хочешь, чтобы я проверил Дуэйна?

– Майрон, он что-то скрывает, мне необходимо выяснить, в чём дело.

– Вдруг я раскопаю такое, о чём ты предпочла бы не знать? – проговорил спортивный агент, вторя недавнему высказыванию Уина.

– Нынешняя ситуация куда страшнее, – повернулась к нему Ванда. – Такты сможешь Дуэйну?

– Постараюсь, – кивнул Болитар.

ГЛАВА 7

Зазвонил телефон. Майрон потянулся к нему, с трудом выплывая из сна.

– Алло! – схватив трубку, прохрипел он.

– Служба мужского эскорта?

Знакомый голос тотчас разогнал остатки сна.

– Джесс?

- О черт, – выругалась Джессика, – ты, наверное, спал...
- Спал? – Майрон взглянул на будильник. – В пятнадцать минут пятого? Я же Герой-Полуночник, ты, наверное, шутишь.
- Прости, совсем забыла про разницу во времени.

Болитар сел в кровати.

- Где ты сейчас?
- В Греции и очень соскучилась.
- Наверное, только по сексу.
- Ну, не без того.
- Герой-Полуночник готов помочь.
- Бесстрашный мой, а ты сам ни капельки не соскучился и не проголодался?
- Герой-Полуночник блюдет непорочность.
- Это что, часть образа?
- Именно, – согласился Майрон.
- Без тебя так тоскливо...

У Болитара даже сердце дрогнуло.

- Возвращайся домой!
- Вернусь.
- Когда?
- Скоро. – Вот, в этом вся Джессика Калвер, Мисс Точность и Пунктуальность. – Расскажи, что происходит?
- Ты слышала про убийство во «Флашинг-Медоус»?
- Конечно, смотрела новости на Си-эн-эн.

Майрон рассказал про Валери Симпсон.

- Не надо было ломать тому придурку палец!
- Получилась настоящая разборка в стиле мачо, – отметил Майрон.
- Зрелище завораживающее, не сомневаюсь.
- Жаль, тебя там не было.
- Правда, жаль... Так, значит, ты будешь искать убийцу.
- Попытаюсь.
- Ради Валери? Или ради Ванды с Дуэйном?
- Ради всех. Но в основном ради Валери. Джесс, ты бы ею видела! Девочка так старалась казаться замкнутой и угрюмой. Зачем, в еѹ-то возрасте?!
- У тебя есть план?
- Конечно. Завтра первым делом поеду к еѹ матери в Филадельфию.
- А потом?
- Ну, план ещѹ не до конца продуман...
- Пожалуйста, будь осторожен!
- Герой-Полуночник всегда осторожен.

- Видишь ли, я беспокоюсь не столько о Герое-Полуночнике, сколько об его альтер эго.
 - А кто воплощает это альтер эго?
 - Мой пупсик.
- Майрон широко ухмыльнулся.
- Слушай, Джесс, ты слышала, что Джоан Коллинз снималась в «Бэтмене»?
 - Конечно, она Сирену играла.
 - А сколько эпизодов было у Либераса?

ГЛАВА 8

Остаток ночи Майрону снилась Джессика, хотя к утру он, как обычно, помнил лишь бессвязные отрывки. Итак, Джесс вновь замаячила на горизонте. Сердечные переживания для него до сих пор непривычны. Нужно действовать осторожно и аккуратно, иначе... иначе она может подмять под себя и размолотить его душу в жерновах любви.

Жернова любви... Ну и мысли, как в песне паршивого кантри-певца!

Болитар гнал на юг по скоростной магистрали Нью-Джерси, имеющей довольно печальную известность. Сине-зелёный «кадиллак» с канареечной крышей спешил следом, пропустив вперёд четыре машины. Этот отрезок дороги, во-первых, сделал Нью-Джерси мишенью многочисленных насмешек и, уже во-вторых, служил транспортной артерией. Майрон проехал аэропорт Ньюарк – зрелище довольно уродливое, хотя какой аэропорт может похвастаться красотой? – а затем – *piece de resistance*, [10] пожалуй, можно даже сказать, *celebre* [11] всей магистрали – огромную промышленную электростанцию между выездами двенадцать и тринадцать, которая поразительно напоминала кошмарные футуристические сцены из первых фильмов о Терминаторе. Из каждой трубы валил густой дым, и даже на ярком солнце местность казалась темной, с каким-то зловещим металлическим отблеском.

По радио играла рок-группа «Мотель», безостановочно повторявшая первую и единственную строчку из высокоинтеллектуальной песни про любовь: «Завяли розы – в глазах лишь слезы». М-м, как трогательно. Примитивно, но трогательно. Группа «Мотель»... Интересно, что с ней стало?

Достав сотовый, Болитар набрал номер. Ответил знакомый голос:

- Шериф Кортер слушает.
- Привет, Джейк, это Майрон.
- Вы неверно набрали номер. Всего хорошего!
- Здорово! Похоже, вечерние курсы актёрского мастерства приносят первые плоды.
- Майрон, что тебе нужно?
- Разве друзья не звонят просто так, без повода?
- Так ты звонишь просто так? – уточнил Джейк.
- Да.
- Я безумно счастлив!
- Погоди, это ещё не все. Через пару часов буду на твоей территории.
- Господи, пошли мне сил и терпения!
- Может, пообедаем вместе? Я угощаю.
- А Уин с тобой?

– Нет.

– Тогда договорились. От твоего приятеля у меня мурашки по коже.

– Ты ведь даже его не знаешь.

– И слава Богу!.. А теперь говори, что хочешь. Работа не ждёт, а я, к твоему сведению, живу только на зарплату.

– У тебя в полиции Филадельфии знакомые остались?

– Конечно.

– Можешь попросить, чтобы тебе переслали материал по одному убийству?

– Убийство свежее?

– Ну, не совсем.

– Когда произошло?

– Шесть лет назад.

– Ты что, свихнулся? Нашёл о чём просить!

– погоди, это ещё не все! Жертвой был Александр Кросс.

– Сын сенатора?

– Именно.

– Черт побери, зачем тебе понадобилось его дело?

– Объясню при встрече.

– Меня спросят, зачем и почему.

– Придумай что-нибудь.

– Ну ладно, ладно! Во сколько приедешь?

– Около часа. Я позвоню.

– Майрон, будешь мне должен, по-крупному должен.

– Я же обещал сводить тебя на обед!

Вот и выезд номер шесть. Плата за пользование дорогой почти четыре доллара. Так и подмывало заплатить пошлину и за сине-зелёный «кадиллак», но четыре доллара – жест слишком широкий.

– Мне просто хотелось проехать по магистрали, а не покупать ею, – уточнил Болитар, передавая деньги контролёру.

В ответ ни тени сочувствующей улыбки. Ну вот, начал жаловаться на дорожную пошлину... Потихоньку становишься похожим на своего отца. Это первый признак, а потом, не успев оглянуться, начнёшь шипеть на тех, кто включает термостат: мол, электроэнергию нужно экономить.

Дорога в самый шикарный район Филадельфии заняла часа два. В Глэдвине обитают старые состоятельные семьи – те, что ведут родословную со времён первых колонистов. Родословные здесь не менее важны, чем кредитная история.

Дом, в котором выросла Валери Симпсон, поражал роскошью и величием, но уже начал ветшать. Лужайка смотрелась не слишком аккуратно, кустарник в последнее время не стригли, на стенах кое-где облупилась краска, а плющ из нежных побегов превратился в толстый ковёр.

Тем не менее поместье казалось огромным. Болитар припарковал свой «форд» так далеко, что чуть было не собрался ехать к дому на рейсовом автобусе. А из парадной двери навстречу вышли детектив Димонт и юный Крински.

Потрясённый до глубины души, Димонт совсем не обрадовался встрече.

- Черт побери, что ты здесь делаешь? – рявкнул он.
- Не знаешь, что стало с группой «Мотель»? – поинтересовался спортивный агент.
- С чем?
- Да, короткая у людей память...
- Болитар, ещё раз спрашиваю: что тебе здесь нужно?
- Вчера ты забыл в моем доме трусы, – отозвался Майрон. – Точнее, боксёры, размер тридцать восемь, белые с розовыми кроликами. Димонт побагровел. Большинство копов – гомофобы, и лучший способ их поддеть – воспользоваться этим недостатком.
- Ты, идиот, не смей играть с моим делом в чёртовых мальчишек Харди![12] И психопату яппи передай!
- Крински подобострастно захохотал: психопат яппи – вот умора! Старик Ролли удачных прозвищ не забывает.
- Хотя не важно. Дело-то почти закрыто.
- Значит, смогу сказать «я так и знал».
- Скорее обрадуешься, что твой клиент больше не считается главным подозреваемым.
- Конечно, – кивнул Майрон, – вакантное место занял сталкер Роджер Куинси.
- Димонт тотчас помрачнел.
- А тебе откуда известно?
- Ну, я же всё вижу, всё знаю!
- Из этого ещё не вытекает, что твой парень чист как стекло. Он точно что-то утаивает, и всё это понимают: я, ты и даже Крински. – Крински тут же кивнул, юный мистер Подлиза! – Мы выяснили: звёздный теннисист трахался с Валери. Да, да, связь на стороне!
- У тебя есть доказательства?
- Зачем? Мне нужен убийца, а не любовник.
- Ролли, ты просто поэт.
- Да иди ты со своими приколами! Нам некогда.
- Копы прошли мимо, и Майрон помахал рукой.
- Приятно было поболтать, Крински.
- Болитар позвонил в дверь. Не звонок, а оркестр, играл симфонию Чайковского или что-то в этом роде. Открыл мужчина лет тридцати в розовой хлопковой рубашке от Ральфа Лорена. На подбородке большая ямочка, волосы иссиня-чёрные, как у Супермена.
- Слушаю вас!
- Я хотел бы увидеть миссис ван Слайк.
- Мать Валери вышла замуж во второй раз.
- Сейчас неподходящее время.
- Мне назначено.
- Похоже, вы не расслышали, – проговорил брюнет, надменно растягивая слова, совсем как Уин. – Сейчас неподходящее время.
- Пожалуйста, передайте миссис ван Слайк: пришёл Майрон Болитар, – не сдавался спортивный агент. – Она меня ждёт, ей звонил Уиндзор Локвуд.
- В данный момент миссис ван Слайк никого не принимает. Вчера убили её дочь.
- Да, я в курсе.
- Тогда должны понимать...

- Кеннет! – позвал женский голос.
- Не волнуйся, Хелен, я всё улажу.
- Кеннет, кто это?
- Никто.

– Майрон Болитар! – прокричал гость.

Кеннет смерил Майрона испепеляющим взглядом, и спортивный агент с трудом сдержался, чтобы не показать язык.

В холл вышла женщина. Вся в чёрном. Глаза красные, а под ними такие же красные круги. Очень привлекательная, хотя Майрон рискнул предположить, что двадцать четыре часа назад она была ещё привлекательнее. На вид Хелен за сорок, волосы светлые, чуть тронутые краской и аккуратно уложенные. Воплощение элегантности, ничего вызывающего.

- Мистер Болитар, пожалуйста, проходите.
- Хелен, – вмешался Кеннет, – по-моему, идея не самая удачная.
- Всё в порядке.
- Тебе нужно отдохнуть.

Женщина взяла Майрона за руку:

– Мистер Болитар, пожалуйста, простите моего мужа. Он пытается меня защитить.

«Моего мужа»? Она сказала «мужа»?

– Прошу, следуйте за мной.

Хелен провела посетителя в огромную гостиную. Над камином висел портрет мужчины с длинными баками и моржовыми усами. Внушительно и довольно устрашающе. Освещали комнату штук пять ламп, на первый взгляд неотличимых от свечей. Мебель антикварная, подобранная с безупречным вкусом, но чуть-чуть потёртая. Изящный стул, на который опустился Майрон, оказался не удобнее аппарата для искусственного дыхания, да ещё Кеннет ни на секунду глаз не отводил. Наверное, беспокоился за сохранность хрустальных пепельниц.

Хозяйка присела на диван; супруг, обвив руками её плечи, застыл сзади. Получилось очень величественно, хоть сейчас на фотографию!

В комнату вошла девочка лет трёх-четырёх.

– Касси, – представила Хелен ван Слайк. – Сестра Валери.

Широко улыбнувшись, Майрон потянулся к малышке:

– Привет, Касси!

В ответ девочка заревела, будто ею ударили.

Миссис ван Слайк притянула дочку к себе, и та, ещё пару раз всхлипнув, затихла. Устроившись на коленях у матери, Касси то и дело выглядывала из-за стиснутых кулачков, чтобы проследить за Майроном. Наверное, тоже беспокоилась за сохранность пепельниц.

– Уиндзор сказал, что вы спортивный агент, – проговорила Хелен ван Слайк.

– Да.

– Собирались представлять интересы моей дочери?

– Скорее мы обсуждали такую возможность.

– Хелен, этот разговор вполне может подождать, – заметил Кеннет.

– Мистер Болитар, почему вы захотели со мной встретиться?

– Чтобы задать несколько вопросов.

– Вопросов? – подозрительно прищурился молодой муж. – Каких ещё вопросов?

Хелен молча сжала его ладонь, и Кеннет замолчал.

– Пожалуйста, мистер Болитар, спрашивайте.

– Насколько я понял, шесть лет назад Валери попала в больницу.

– При чём тут это? – снова вскинулся ван Слайк.

– Милый, пожалуйста, оставь нас.

– Но, Хелен...

– Сходи погулять с Касси.

– Ты правда так хочешь?

– Да.

Кеннет попробовал возразить, однако разве Хелен переубедишь? Женщина молча закрыла глаза, показывая: разговор окончен. Ван Слайк нехотя взял дочь за руку.

– Он слишком меня оберегает, – заметила хозяйка, когда они вышли из комнаты.

– Ну, при таких обстоятельствах это вполне оправдано, – кивнул Майрон.

– Почему вы спрашиваете про болезнь Валери?

– Пытаюсь связать кое-какие факты. Хелен заглянула ему в глаза.

– Вы ведь хотите найти убийцу моей дочери?

– Да.

– Могу я узнать, для чего?

– Причин несколько.

– Назовите хоть одну.

– В день гибели Валери трижды звонила мне в офис.

– По-моему, никакую ответственность это не налагает.

Майрон молчал.

Хелен ван Слайк набрала в грудь побольше воздуха.

– И вы считаете, убийство как-то связано с нервным срывом?

– Не знаю.

– В полиции уверены: это дело рук мужчины, который преследовал Валери.

– А как думаете вы?

Хозяйка сидела не шевелясь.

– Трудно сказать. Роджер Куинси казался довольно безобидным. Хотя, наверное, они все кажутся безобидными, пока не случится нечто подобное. Этот тип писал ей любовные письма, довольно милые.

– Они сохранились?

– Я отдала их полиции.

– Содержание примерно помните?

– Обычные ласковые слова вперемешку с откровенным бредом. Иногда просто приглашал на свидание, а иногда писал о том, что они должны быть вместе и навсегда.

– А как реагировала Валери?
– Порой пугалась, порой смеялась, чаще всего просто игнорировала. Мы все игнорировали, Куинси никто всерьёз не воспринимал.
– А Павел? Он волновался?
– Не слишком.
– Телохранителя для Валери не нанимали?
– Нет, Менанси категорически возражал, боялся, это начнёт ею нервировать.
Майрон сделал паузу. Поразительно: Валери не нужен был телохранитель, чтобы защититься от stalkера, а Павлу он необходим, чтобы защититься от назойливых родителей и охотников за автографами.
– Если возможно, хотелось бы поговорить о болезни Валери.
Миссис ван Слайк чуть заметно напряглась.
– Мистер Болитар, думаю, лучше этой темы не касаться.
– Почему?
– Всё проходило очень мучительно. Вы даже не представляете насколько... Мистер Болитар, у моей дочери произошёл нервный срыв. В то время ей было всего восемнадцать: красивая, талантливая, профессиональная спортсменка, весьма успешная. Мы очень переживали, старались ей помочь и не допустить излишней огласки. Пытались сохранить всё в тайне...
Хелен осеклась и закрыла глаза.
– Миссис ван Слайк!
– Ничего.
Повисла неловкая пауза.
– Вы рассказывали, как пытались сохранить болезнь Валери в тайне, – подсказал Майрон.
Покрасневшие глаза открылись. Женщина улыбнулась и судорожно разгладила юбку.
– Д-да, я не хотела, чтобы то происшествие разрушило жизнь дочери. Вы же знаете, как распространяются сплетни! До конца её дней люди показывали бы на Валери пальцем и шептались за спиной. Мне тоже было неловко. По молодости я переживала, как нервный срыв отразится на репутации семьи Brentman.
– Brentman?
– Моя девичья фамилия, а это поместье называется Brentman-холл. Симпсон – мой первый муж. Так, ошибка юности, по неопытности выскочила за честолюбца и карьериста. Много лет спустя вышла за Кеннета. Знаю: злые языки болтают про разницу в возрасте, но ван Слайк – род очень древний и уважаемый. Прапрадедушка Кеннета и мой прадедусшка были деловыми партнёрами.
Отличный повод для брака!
– Как давно вы с Кеннетом женаты?
– В апреле шестую годовщину справили.
– Ясно. Выходит, вы поженились примерно в то же время, как заболела Валери?
Миссис ван Слайк прищурила глаза и медленно заговорила:
– Мистер Болитар, к чему вы клоните?
– Ни к чему, абсолютно ни к чему, – покачал головой Майрон. – Ну, может, самую малость... Пожалуйста, расскажите про Александра Кросса.
Миссис ван Слайк снова напряглась.

– А при чём тут он? – В голосе прозвучало раздражение.

– У них с Валери было серьёзно?

– Мистер Болитар, – с каждым словом досада и нетерпение проявлялись всё сильнее, – Уиндзор Локвуд – старый друг нашей семьи, только поэтому я согласилась с вами встретиться. В начале беседы вы сказали, что хотите найти убийцу моей дочери.

– Так и есть.

– Тогда поясните, как с этим связаны Александр Кросс, нервный срыв Валери или мой второй брак!

– Я всего лишь предполагаю, миссис ван Слайк: убийство было не случайным, а человек, застреливший вашу дочь, – далеко не чужим. Отсюда следует, что мне нужно узнать о её жизни. Чем больше, тем лучше, в идеале – все. Вопросы я задаю не из праздного интереса, а потому что пытаюсь выяснить, кто боялся Валери, или ненавидел, или выигрывал от её смерти. К сожалению, для этого придётся под микроскопом изучить все неприятные события её жизни.

Долго, слишком долго Хелен буравила гостя испытывающим взглядом, а потом потупилась.

– Мистер Болитар, что вам известно о жизни моей дочери?

– Лишь самое основное, – признался Майрон. – Звезда Валери взошла, когда девочке было шестнадцать. Несмотря на большие надежды специалистов, игра вашей дочери вскоре потеряла былую остроту, а потом и вовсе наступил спад. Валери докучал назойливый фанат по имени Роджер Куинси. Она встречалась с сыном известного политика, которого впоследствии убили. Чуть позже у неё был нервный срыв. Теперь мне нужно отыскать причину и пролить свет на остальные части головоломки.

– Об этом так трудно говорить...

– Понимаю, – сочувственно кивнул Майрон и улыбке Фила Донахью предпочёл оскал Алана Альды:[13] показать зубы, выжать поддельную слезу.

– Мистер Болитар, мне совершенно нечего добавить. Не представляю, кому понадобилось убить мою дочку.

– Пожалуйста, расскажите о последних месяцах её жизни! Как себя чувствовала Валери? Может, произошло нечто необычное?

Вцепившись в нитку жемчуга, Хелен теребила её, пока на шее не появились красные следы.

– Дочь наконец-то стала приходить в себя. – Теперь голос больше напоминал сдавленное шипение. – Думаю, в основном благодаря теннису. Несколько лет ракетку в руки не брала, потом начала играть. Сначала немного, только ради удовольствия.

В следующую секунду будто маска с лица слетела, сдержанность и хладнокровие изменили Хелен ван Слайк. По щекам покатались слезы. Майрон взял её за руку: тонкая, нервно подрагивающая ладонь оказалась неожиданно сильной.

– Извините... – Покачав головой, женщина с трудом выдавила следующую фразу: – Валери начала играть каждый день, что укрепило её и морально, и физически. Мы решили: самое страшное уже позади. Однако потом, – миссис ван Слайк снова осеклась, а взгляд стал безжизненным, – тот ублюдок...

Наверное, Хелен имела в виду неизвестного убийцу, но почему-то казалось, что гнев направлен на кого-то конкретного.

– О ком вы? – попробовал уточнить Майрон.

– Дорогая!

Кеннет уже вернулся и, бросившись в гостиную, обнял жену за плечи. Майрону почудилось, что Хелен хотела отмахнуться от назойливых рук.

Ван Слайк обжёг его ненавидящим взглядом.

– Посмотрите, что вы наделали! – прошипел он. – Убирайтесь!

– Миссис ван Слайк?

Несчастливая мать кивнула.

– Мистер Болитар, пожалуйста, уходите. Так будет лучше.

– Уверены?

– Убирайтесь! – снова заревел Кеннет. – Сейчас же! Пока я сам вас не вышвырнул!

Майрон перехватил испепеляющий взгляд хозяина. Нет, только не здесь и не сейчас.

– Миссис ван Слайк, извините, что потревожил в такое время. Примите мои самые искренние соболезнования.

Не дожидаясь ответа, Болитар двинулся к входной двери.

ГЛАВА 9

Подбородок Джейка был измазан чем-то красным и липким. Возможно, он растерзал пончик с мармеладом, возможно, какую-то мелкую зверушку. У него всякое бывает.

Два года назад Джейка Кортера выбрали шерифом Рестона. Ввиду того что Джейк был черным, а почти всё население – белым, такой результат многих расстроил. Но только не Джейка. Рестон – город университетский, а в университетах растут либерально настроенные интеллектуалы, которым хочется продвинуть чёрного парня. Кортер считал, что цвет его кожи, который столько лет не приносил ничего, кроме проблем, наконец принесёт дивиденды. «У белых появилось чувство вины, на нём и сыграю», – сказал он Майрону. Пожалуй, по качеству проведения предвыборной кампании Джейк уступил только Джорджу Бушу-старшему с его роликами об Уилли Хортоне.[14]

В свои сорок с лишним лет Кортер успел послужить во многих крупных городах, среди которых Нью-Йорк, Филадельфия и Бостон. Устав ловить столичных подонков, он перебрался в городок потише, чтобы ловить провинциальных подонков, а с Майроном познакомился год назад, расследуя исчезновение Кэти Калвер, студентки университета Рестон и младшей сестры Джессики по совместительству.

– Привет, Майрон!

– Привет, Джейк!

Как обычно, Кортер казался неряшливым и помятым, причём мятым было все: волосы, одежда, даже документы на письменном столе выглядели так, будто их только что вытащили со дна корзины для грязного белья. Сам стол скорее напоминал буфет. В ящиках хранились коробка из «Пиццы-хат», большой пакет из «Уэндис», стаканчик из «Баскин Роббинс», недоеденный бутерброд из «Блимпи» и, конечно же, банка с растворимым концентратом «Похудин». Вес Джейка приближался к ста двадцати килограммам, так что покупка брюк напоминала сюжет насыщенной приключениями трагедии. Все модели до одной не сходились на поясе и болтались на бёдрах. В погоне за недостижимым компромиссом брюки приходилось многократно перешивать; в нелёгком деле требовалась помощь компетентных специалистов и мощный микроскоп.

– Давай сходим за гамбургерами! – предложил Джейк, вытирая лицо влажной салфеткой. – Я страшно проголодался.

Подняв банку с «Похудином», Майрон сладко улыбнулся.

– На завтрак восхитительный коктейль, на обед – ещё один, а затем полноценный ужин.

– Ерунда! Я попробовал – не помогает.

– Сколько продержался?

– Почти день. Ноль, полный ноль, даже полкило не сбросил.

– Может, в суд на производителя подашь?

– Причём на вкус – чистый порох.

– Получил дело Александра Кросса?

– Да, да, только что. Пошли!

Выйдя из участка, друзья направились в заведение, лестно названное «Королевской закуской». Дыра, самая настоящая дыра, которая даже после капитального ремонта по санитарно-гигиеническим показателям могла приблизиться лишь к общественному туалету.

– Что, милое местечко? – ухмыльнулся Кортер.

– От одного запаха у меня в артериях бляшки образуются.

– Тогда лучше не дыши.

У столика притаился музыкальный автомат. Похоже, репертуар в нём давненько не обновляли. Если верить маленькому ярлычку, последние чарты возглавляет «АББА».

Официантка под стать самой забегаловке: хорошо за пятьдесят, неприветливая, с волосами багряного цвета, не имеющего никакого отношения к природному оттенку.

– Привет, Милли!

Не удостоив гостей вниманием, женщина чуть ли не на ходу швырнула им меню.

– Это Милли! – представил Джейк.

– Она прелесть, – отозвался Болитар. – Можно посмотреть дело?

– Давай сначала закажем.

Болитар взял меню: винил, причём липкий, очень липкий, будто кто-то пролил на него кленовый сироп. На складке – ошметки засохшего яйца... Майрон стремительно терял аппетит.

Секунды через три вернулась Милли.

– Ну, – вздохнула она, – что закажете?

– Мне чизбургер-делюкс, вместо капустного салата – двойной картофель и колу-лайт.

Всем видом выражая нетерпение, официантка повернулась к Майрону.

– У вас есть вегетарианское меню? – улыбнулся Болитар.

– Какое-какое?

– Перестань выкобениваться! – осадил приятеля Кортер.

– Тогда жареный сыр.

– К нему картофель?

– Нет, спасибо.

– А из напитков?

– Колу-лайт, так же, как этому любителю диет.

Милли оглядела Майрона с головы до ног:

– А ты ничего, симпатичный. Да и физиономия у тебя какая-то знакомая...

– У меня типаж такой: симпатичный и до боли знакомый.

– Ты с одной из моих дочерей не встречался? Может, с Глорией? Она в ночную смену работает.

– Вряд ли.

– Ты женат? – подозрительно спросила официантка.

– У меня есть девушка.

– Я не об этом спросила. Так женат?

- Нет.
- Тогда ладно. – Милли величественно удалилась.
- Надеюсь, она не за Глорией пошла... – тихо произнёс Джейк.
- А что такое?
- Глория – белая копия меня, только борода погуще.
- М-м-м, заманчиво...
- Ты до сих пор с Джессикой Калвер?
- Да, похоже на то.
- Боже, она просто чудо! – покачал головой Джейк. – Раньше думал, что такие красотки только на телевидении водятся!
- С этим не поспоришь, – постарался улыбнуться Болитар.
- Она верёвки из тебя вьёт.
- И с этим тоже.

Милли принесла две колы-лайт. И чуть ли не улыбнулась Майрону.

- Такой симпатичный мужчина не должен быть один!
- Меня разыскивают сразу в нескольких штатах, – заявил Болитар.

Официантку это ничуть не смутило: она равнодушно пожала плечами и ушла.

Майрон тут же повернулся к Джейку:

- Ну, что в том деле?

Раскрыв папку, Кортер передал приятелю фотографию красивого, пышущего здоровьем мужчины. Подтянутый, загорелый, в теннисной форме. Этот снимок сразу после убийства печатали во всех газетах Филадельфии.

– Знакомся, Александр Кросс, – начал шериф. – На момент убийства двадцатичетырёхлетний выпускник бизнес-школы Уортон, сын сенатора Брэдли Кросса. Шесть лет назад, вечером двадцать четвёртого июля, молодой человек появился на вечеринке, которая шла в теннисном клубе недалеко от города Уэйн, штат Пенсильвания. Достопочтенный сенатор тоже присутствовал. Клуб модный и очень дорогой: изысканная еда, корты открытые и закрытые, с естественным и искусственным освещением...

- Понял...

- Что произошло дальше, не совсем ясно. Александр Кросс с тремя приятелями решил обойти территорию.
- Ночью, во время вечеринки?
- Ещё и не такое случается.
- Но это же странно!

Шериф пожал плечами.

– В общем, услышав шум в западной оконечности клуба, парни пошли проверить и наткнулись на двух подростков подозрительного вида.

— Подозрительного вида?

- Подростки были – как нас сейчас называют? – афроамериканцами.
- Ага, – кивнул спортивный агент, – могу я предположить, что в клубе состояло не очень много афроамериканцев?
- Вообще ни одного. Клуб-то элитный.
- Значит, нас с тобой не приняли бы?
- Жаль. Уверен, на той вечеринке мы бы не заскучали.

– Что произошло потом?

– По словам свидетелей, белые мальчики подошли к черным, один из которых – впоследствии выяснилось, его зовут Эррол Суэйд – выхватил складной нож.

– Складной нож? – вопросительно поднял брови Майрон.

– Ну да, понимаю, звучит несколько шаблонно и стандартно. Так или иначе, завязалась драка, Александра Кросса закололи, подростки скрылись. Через несколько часов полиция задержала их на севере Филадельфии, в районе, где они жили. Во время допроса один из парней выхватил пушку. Кертис Йеллер, шестнадцать лет. Детективу пришлось его застрелить. Судя по всему, на допросе присутствовала мать Йеллера, и мальчишка умер у неё на руках.

– Она видела, как в него стреляют?

– Не знаю, – пожал плечами Джейк, – здесь не уточняется.

– А что случилось с Эрролом Суэйдом?

– Сбежал. Парня объявили в общенациональный розыск, фотографию разослали во все участки и газеты. Лучшие силы подключили. Ещё бы: погиб сын сенатора! Тут начинается самое интересное.

Болитар глотнул колу: какая-то пресная.

– Эррола Суэйда так и не нашли.

– Не нашли?

Кортер покачал головой.

– Получается, Суэйд исчез?

– Да, именно.

– Сколько ему было лет?

– Надень преступления девятнадцать.

Майрон на секунду задумался.

– Значит, сейчас двадцать пять.

– Да ты гений математики!

Спортивный агент даже не улыбнулся. Принёсшая заказ Милли сделала очередной комплимент, но Майрон не слышал. Двадцать пять лет... Сознание будоражила мысль. Тревожная, непростительная, возможно, даже расистская, и тем не менее... Двадцать пять лет. Дуэйн утверждал, что ему двадцать один, но кто знает...

Нет, такого не может быть!

Болитар пригубил безвкусную газировку.

– А что известно об Эрроле Суэйде?

– Первосортный подонок. К девятнадцати годам успел трижды отсидеть в тюрьме. В первый раз его арестовали в двенадцать за угон машины, затем пошло по накатанной: групповые нападения, угоны, вооружённые ограбления, торговля наркотиками. Вступил в уличную банду. Отгадай, как она называлась?

– «Джози и зайчики»? – пожал плечами Майрон.

– Почти верно. «Пятна», а полностью «Кровавые пятна». Мальчики носили рубашки, перепачканные в крови их жертв. Что-то вроде скаутского значка.

– Мило!

– К тому же Эррол Суэйд и Кертис Йеллер были двоюродными братьями. За месяц до этих событий Суэйд вышел из тюрьмы и с тех пор жил у Йеллеров. Так, что ещё... Бросил школу (удивительно!), нюхал кокаин (ещё более удивительно!) и вёл себя омерзительно.

– Как же он так долго скрывается от полиции?

Джейк поднёс чизбургер ко рту. И половинки как не бывало.

– В жизни не поверю... – пробормотал шериф. – Не поверю, что за всё это время он не вляпался в историю. Такое даже гипотетически невозможно.

– Подожди, боюсь, я не всё понял.

– Официально Эррол до сих пор в розыске, а неофициально давно решили, что его уж и на свете нет. Парень – тупой бандит, где голова, где задница, не мог определить, а тут от национального розыска скрывается!..

– Так что же произошло?

– Говорят, мафия оказала сенатору небольшую услугу. Мальчишку убрали.

– Сенатор Кросс заказал убийство?

– Удивляешься? Брэдли Кросс – политик, а это ещё страшнее, чем детоубийца.

– Слушай, тебя ведь тоже выбрали шерифом?

Джейк кивнул.

– На, угощайся!

Майрон рискнул попробовать чизбургер: на вкус, как губка для мытья посуды.

– У тебя есть словесный портрет Суэйда? – спросил Болитар, от души желая услышать «нет».

– Есть кое-что получше: фотография из досье. – Кортер стряхнул с ладоней крошки, затем на всякий случай вытер их о брюки и лишь потом достал снимок и показал приятелю. Майрон изо всех сил пытался скрыть нетерпение.

Не Дуэйн!

Точно не он, даже если бы он сделал пластическую операцию! Во-первых, кожа Эррола Суэйда намного светлее, а глаза расставлены слишком широко. В общем, совсем не похож. И главное – рост – под метр девяносто пять, на добрых десять сантиметров больше, чем у Дуэйна. Десять сантиметров никакими уловками не спрячешь!

Майрон едва сдержался, чтобы не вздохнуть с облегчением.

– А имя Валери Симпсон в деле не фигурирует?

Глаза Кортера чуть заметно блеснули.

– Чьё имя?

– Ты прекрасно меня слышал!

– Боже милостивый, Майрон, это ведь не та девушка, которую вчера застрелили?

– По чистой случайности та самая. Она там фигурирует? Шериф вручил Болитару половину документов:

– Черт её знает, давай вместе посмотрим.

Приятели тщательно просмотрели всю папку. Имя Валери встретилось всего раз: среди сотни других в списке приглашённых на вечеринку. Майрон переписал себе имена и адреса свидетелей убийства, то есть трёх приятелей Александра Кросса. Помимо них, ничего интерес не вызывало.

– Ну, – многозначительно протянул Кортер, – и как с этим связана очаровательная, но, увы, погибшая Валери Симпсон?

– Пока не знаю.

- Господи, – покачал головой Джейк, – ты по-прежнему держишь меня на коротком поводке?
- Какие ещё поводки?!
- Что удалось выяснить?
- На сегодняшний день ничего.
- Про Кэти Калвер ты то же самое говорил.
- Джейк, ты же этим делом не занимаешься!
- Вдруг помочь смогу?
- Я действительно практически ничего не знаю. Несколько дней назад Валери Симпсон заходила ко мне в офис. Собиралась вернуться в большой спорт, но вместо этого ею застрелили. Я хочу выяснить, кто и зачем, только и всего.
- Ну ты и темнила!
- Спортивный агент пожал плечами.
- По телевизору сказали, мол, это работа сталкера.
- Вполне возможно. Да, пожалуй, так оно и есть.
- Повисла тишина.
- Опять темнишь, – повторился Кортер, – совсем как с Кэти Калвер.
- Тут дело скорее личное.
- Значит, мне ничего не скажешь?
- Боюсь, что нет. Говорю, дело личное.
- Опять кого-то покрываешь?
- Джейк, дело личное, – снова повторил Болитар. – Разглашать нельзя. Мне самому сообщили под большим секретом.
- Ну ладно... А что с чизбургером?
- Майрон покачал головой.
- Может, обстановка здесь и ничего, но еда полный финиш.
- Шериф покатился от хохота.
- Слушай, у тебя есть билеты на турнир?
- Конечно.
- Достанешь мне парочку?
- На когда?
- На последнюю субботу.
- День мужских полуфиналов и женских финалов!
- Проблематично... – начал Болитар.
- Но не для такого ловкача, как ты!
- Тогда будем квиты?
- Да.
- Оставлю их в кассе предварительной записи.
- Смотри, чтобы места были хорошие!
- С кем пойдёшь?

- Со своим сыном Джерардом.
- Когда Джерард учился в университете, Майрон играл против него в бейсбол. Настоящий танк: никакого изящества!
- Он до сих пор работает в отделе убийств Манхэттена?
- Угу.
- Сможет оказать небольшую услугу?
- Черт, какую ещё?
- Делом Валери занимается откровенный кретин...
- И ты хочешь узнать, что знает он?
- Ну да.
- Ладно, попрошу Джерарда перезвонить.

ГЛАВА 10

- Сообщения есть?
- Целый миллион, – кивнула Эсперанса.
- Майрон просмотрел записки.
- Какие-нибудь новости от Эдди Крейна?
- Ты ужинаешь с ним и его предками.
- Когда?
- Сегодня, в половине восьмого в «Ла Резерв». Я уже столик заказала. Не забудь представиться Уиндзором Локвудом.
- Имя Уина имело вес в любом, даже самом фешенебельном ресторане Нью-Йорка.
- Эсперанса, ты чудо и наверняка это знаешь.
- Угу, – кивнула компаньонка Болитара.
- Пошли с нами.
- Не могу, занятия.
- Эсперанса училась на вечернем отделении юридического факультета.
- Эдди тренируется у Павла Менанси?
- Да, а что?
- Вчера, на вечерней сессии турнира, мы очень мило поболтали.
- О чем?
- В своё время он работал с Валери.
- Так вы об этом болтали?
- Болитар кивнул.
- Я не ошибусь, если предположу, что ты ошеломил его своим природным обаянием?
- Ну да, примерно...
- Значит, на Эдди можно не рассчитывать.
- Совсем не обязательно. Будь парень марионеткой Менанси, «Тру-Про» давно бы его прикарманили. Вероятно, между ними есть разногласия.

– Чуть не забыла! – Эсперанса достала несколько подшитых документов: – Вот, по факсу прислали. Хотят немедленно подписать. Контракт для восходящей звезды бейсбола по имени Сэнди Рэпо. Сэнди – питчер, и уже в первом раунде драфта его выбрали «Хьюстон астрос». Болитар пробежал текст глазами. Устное соглашение было достигнуто вчера утром, но Майрон тут же заметил новый параграф. Ишь, на предпоследнюю страницу втиснули!

– Умницы! – кивнул он.

– Кто?

– «Хьюстон астрос». Соедини меня с Бобом Уоссоном.

Уоссон – главный менеджер «Астрос».

Эсперанса подняла трубку.

– Завтра после обеда у тебя встреча с «Бургер-сити».

– В одно время с матчем Дуэйна? Девушка кивнула.

– Может, сама займёшься?

– Они не захотят общаться с администраторшей.

– Ты не администраторша, а компаньонка, – поправил Майрон. – Причём очень ценная компаньонка.

– Я не первое лицо, не Майрон Болитар.

– Конечно, но ты ведь не одна такая.

Эсперанса закатила глаза, подняла трубку и стала набирать номер. Что угодно, только бы не смотреть на Майрона.

– Думаешь, я готова?

Что означает ея интонация: сарказм или неуверенность в себе? Скорее всего и то и другое.

– Они хотят использовать для новой рекламы Дуэйна, – предупредил Болитар. – Но наш мальчик решил дождаться общенациональной рекламной кампании. Попробуй пропихнуть кого-нибудь другого.

– Ладно.

Майрон зашёл в кабинет. Дом родной... Из окон открывался потрясающей красоты вид: многоэтажки Манхэттена на фоне неба. Конечно, не угловой офис, как у Уина, но и не дыра. На одной стене снимки известных актёров: от Хамфри Богарта и Лорен Баколл до Вуди Аллена и Дайан Китон. На другой – бродвейские постеры, в основном с анонсами мюзиклов от Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна до Эндрю Ллойда Уэббера. Третья стена – «клиентская», завешанная фотографиями клиентов. Спортивный агент взгляделся в лицо Ричвуда, застывшего в исходном положении для подачи.

– Что происходит, Дуэйн? – вслух спросил Майрон. – Что ты скрываешь?

Фотография не ответила, впрочем, они не часто разговаривают.

Телефон зазвонил, и по внутренней связи послышался голос Эсперансы:

– Боб Уоссон на проводе.

– Хорошо!

– Могу поставить звонок на удержание, чтобы ты вдоволь со стеной наговорился.

– Нет, сейчас возьму! – Ну, Эсперанса, язык без костей! Майрон включил громкую связь. – Боб!

– Черт побери, Болитар, отключи «громкую связь», хватит понты кидать!

Майрон поднял трубку:

– Так лучше?

- Да, отлично. Что ты хотел?
- Получил твой контракт.
- Здорово! Дальнейшие действия таковы: шаг первый – подпишешь там, где стоят крестики. Помнишь, как это делается? Под крестиками я напечатал твоё имя, на случай, если забудешь. Да, кстати, пожалуйста, используй ручку, чёрную или синюю, никаких карандашей! Шаг второй: вложи контракт в конверт с нашим адресом и смочи клейкий слой. Ты слушаешь?
- Старина Боб в своём амплуа: без фокусов не может.
- Возникла проблема... – начал Майрон.
- Что?
- Проблема.
- Слушай, Болитар, если пытаешься выжать из меня деньги, лучше поимей себя сзади!
- Часть В, пункт тридцать семь.
- И что там?
- Майрон зачитал с листа:
 - «Игрок обязуется не заниматься видами спорта, представляющими риск для его здоровья и безопасности, в том числе, но не исключительно: профессиональным боксом или борьбой, мотогонками и автогонками, затяжными прыжками с парашютом, дельтапланеризмом, охотой и так далее и тому подобное».
 - И что с того? Это же из «Ограничений и запрещений», мы всю часть у НБА списали.
 - В контрактах НБА про охоту ни слова не говорится.
 - Что?
 - Пожалуйста, Боб, давай исходить из того, что я не дебил! Ты вставил слово «охота», тайком вставил.
 - И где проблема? Парень любит охотиться, да так, что пару лет назад поранился и пропустил половину юношеского сезона. Вот мы и пытаемся оградить себя от подобных казусов.
 - Тогда предлагай компенсацию, – потребовал Майрон.
 - Что? Слушай, Болитар, не доводи меня, ладно? Хочешь, чтобы мы платили парню даже во время восстановительного периода?
- Бинго!
- Мы против охоты! А вдруг он выстрелит в себя? Или какой-нибудь кретин за оленя его примет... Представляешь, сколько нам это будет стоить?
- Ты такой заботливый! – воскликнул Майрон.
- Не угодил? Ну, прости! Пожалуй, стоит заботиться ещё больше и платить меньше.
- Разумно, опустим мою последнюю фразу.
- Ладно, так мы договорились?
- Мой клиент любит охоту, она для него очень важна.
- А для нас важна его левая рука.
- Тогда предлагаю разумный компромисс.
- Какой?
- Если Сэнди не будет охотиться, в конце года «Астрос» выплатит ему двадцать тысяч долларов.

- Да ты с ума сошёл! – нервно засмеялся Уоссон.
 - Тогда убирай этот пункт! В стандартный договор он не входит и нам не нравится.
- Повисла пауза.
- Пять кусков и ни цента больше.
 - Пятнадцать.
 - Да иди ты, Майрон! Восемь.
 - Пятнадцать.
 - По-моему, ты забыл, как играть в эту игру. Я понемногу повышаю свою ставку, ты свою понижаешь, и на полпути мы договариваемся.
 - Пятнадцать, Боб. Не согласен – дело твоё.
- Открылась дверь, в кабинет вошёл Уин, молча сел, перекинул ногу на ногу и стал рассматривать ухоженные ногти.
- Десять, – согласился Уоссон.
 - Пятнадцать.
- Переговоры продолжались, и, поднявшись, Локвуд начал изучать своё отражение в висевшем на двери зеркале. Болитар повесил трубку, а Уин ещё добрых пять минут поправлял волосы.
- Ну, какова общая сумма контракта? – поинтересовался он.
 - Тридцать пять тысяч.
- Локвуд кивнул и улыбнулся отражению.
- Знаешь, о чём я думал?
 - Нет, о чем?
 - Как ужасно быть уродом.
 - Да уж... Способен на секунду оторваться от зеркала?
 - Это будет нелегко, – вздохнул Локвуд.
 - Наберись мужества!
 - Ладно, потом снова посмотрюсь.
 - Точно! Вот тебе и приятная перспектива!
- В последний раз пригладив волосы, Уин повернулся и сел в кресло.
- В чём дело?
 - Меняло сих пор преследует сине-зелёный «кадиллак».
 - Хочешь, чтобы я узнал, кто за этим стоит? – радостно спросил Уин.
 - Вроде того.
 - Чудесно!
 - Но разборки устраивай только в моем присутствии.
 - Не доверяешь фамильному здравомыслию Локвудов?
 - Только в моем присутствии, ладно? – повторил Майрон.
- Уин пожал плечами.
- Как прошла встреча с ван Слайками?
 - Познакомился с Кеннетом. Мы сразу нашли общий язык.

- Представляю...
 - Ты его знаешь? – поинтересовался Майрон.
 - О да!
 - Он действительно такой кретин, каким кажется?
 - Да уж, кретин невероятный.
 - Можешь его проверить?
 - Естественно. Что ещё удалось выяснить?
- Майрон рассказал о поездке к ван Слайкам и разговоре с Джейком.
- Становится всё любопытнее и любопытнее, – дослушав, заметил финансовый консультант.
 - Да...
 - чём займёмся дальше?
- Мне хотелось бы рассмотреть это дело с разных сторон.
- Например?
 - Например, потолковать с психиатром Валери.
 - Он начнёт отрешиваться понятиями вроде «профессиональная этика» и «врачебная тайна», – махнул рукой Уин. – Пустая трата времени. Что ещё?
 - Кертиса Йеллера застрелили на глазах у матери, которая одновременно является тётёй Эррола Суэйда. Вдруг у неё есть собственные мысли по этому поводу?
 - А именно?
 - А именно ей может быть известно, что случилось с Эрролом.
 - Надеешься, что она тебе расскажет?
 - Кто знает...
- Уин поморщился.
- По сути, план подразумевает беспомощное барахтанье в море неизвестности.
 - Да, пожалуй. Ещё придётся поговорить с сенатором Кроссом. Устроишь?
 - Попробую, – вяло кивнул Локвуд. – Но от него тоже ничего не узнаешь.
 - Слушай, сегодня ты прямо-таки излучаешь оптимизм.
 - Просто говорю, как есть.
 - В «Плазе» удалось что-нибудь выяснить?
 - Кстати, да. – Откинувшись на спинку кресла, Уин соединил пальцы домиком. – За последние три дня Валери сделала из своего номера лишь четыре звонка, и все в твой офис.
 - Один, чтобы назначить встречу, и ещё три в день гибели.
- Локвуд даже присвистнул.
- Ты делаешь заметные успехи: сначала догадался, что Кеннет – кретин, а теперь это...
 - Ага, порой у самого дух захватывает.
 - Портье из «Плазы» неплохо помнит Валери, – продолжал Уин, – а получив на чай двадцать долларов, рассказал, что девушка уходила часто, но ненадолго. Это показалось любопытным, потому что обычно гости покидают отель на несколько часов, а не на несколько минут.

У Майрона даже сердце всколыхнулось.

– Она пользовалась таксофоном. Локвуд кивнул.

– Я позвонил Лизе из «Найнекса».[15] Кстати, ты ей должен два билета на чемпионат.

Вот здорово...

– Что выяснила Лиза?

– За день до убийства мисс Симпсон с таксофона на углу Пятой авеню и Пятьдесят девятой улицы сделала два звонка на домашний номер некоего Дуэйна Ричвуда.

У спортивного агента потемнело перед глазами.

– О черт!

– В самом деле...

– Выходит, Валери не только звонила Дуэйну, но и старалась сохранить это в тайне.

– Получается так.

Болитар молчал.

– Тебе придётся с ним поговорить, – заметил Уин.

– Знаю.

– Дождёмся окончания турнира, – поспешно добавил Локвуд. – Побеседуете между чемпионатом и рекламной кампанией «Найк», сейчас его тревожить совершенно ник чему.

Спортивный агент покачал головой.

– Мы поговорим завтра, после матча.

ГЛАВА 11

Метрдотель «Ла Резерв» Франсуа висел над столиком, словно гриф над издыхающим зверем или, ещё хуже, словно нью-йоркский метрдотель в ожидании крупных чаевых. Выяснив, что Майрон – близкий друг Уиндзора Хорна Локвуда-третьего, Франсуа полюбил его той же любовью, какой бездомные собаки любят человека, в кармане у которого кусок сырого мяса.

На закуску он предложил карпаччо из лосося, а в качестве главного блюда – треску под фирменным соусом. Майрон последовал обоим советам, так же как и неразговорчивая миссис Крейн. Мистер Крейн заказал луковый суп и печень – так, с этим лучше не целоваться, а Эдди – улиток и хвосты омаров. Парень быстро учится!

– Мистер Болитар, – вкрадчиво начал Франсуа, – позвольте порекомендовать вам вино?

– Да, конечно.

Ну вот, пятьдесят пять долларов коту под хвост...

Мистер Крейн поднёс бокал ко рту и одобрительно кивнул. Надо же, не улыбнётся, парой слов не перекинется! К счастью для Майрона, Эдди оказался отличным парнем: умным, вежливым, приятным в общении. Однако всякий раз, когда отец кашлял, чтобы прочистить горло, что случалось довольно часто, юный теннисист замолкал.

– Мистер Болитар, я помню, как вы играли в баскетбол за университет Дьюка, – начал Крейн-старший.

– Пожалуйста, зовите меня Майрон.

– Договорились. – Крейн насупил брови. Именно брови, необыкновенно густые, сердитые, находящиеся в постоянном движении, были самой заметной чертой его лица. – Вас ведь капитаном команды выбирали?

– Целых три года, – отозвался Майрон.

– Вы дважды выигрывали чемпионат Национальной студенческой ассоциации?

– Ну, не я, а мы с ребятами.

– Я несколько раз смотрел матчи с вашим участием. С удовольствием.

– Спасибо.

Крейн подался вперед.

– Если мне не изменяет память, «Келтикс» выбрала вас в первом раунде драфта?

Болитар кивнул.

– Сколько вы за них играли? По-моему, недолго?

– В первый же год во время предсезонного матча я повредил колено.

– И с тех пор больше не выступали? – Вопрос задал Эдди, в расширившихся глазах горело юношески искреннее сочувствие.

– Никогда, – спокойно проговорил Майрон. Лучшего урока восходящей звезде тенниса он и преподать не мог. Теперь задумается, совсем как на похоронах одноклассника, погибшего в результате вождения в нетрезвом виде.

– Что вы делали? – спросил мистер Крейн. – Ну, после травмы?

Допрос как неотъемлемая часть налаживания отношений... Бывшим спортсменам приходится особенно трудно, потому что люди считают их тупыми.

– Очень долго занимался в реабилитационном центре, – честно ответил Болитар. – Всё надеялся опровергнуть прогнозы и, пренебрегая советами медиков, вернуться в большой спорт. Когда смог взглянуть в глаза реальности, поступил на юридический факультет.

– В какой университет?

– В Гарвард.

– Впечатляет... Про вас в юридическом журнале писали?

– Нет.

– А после получения диплома куда подались?

– Стал спортивным агентом.

Мистер Крейн нахмурился.

– Сколько вы учились?

– Пять лет.

– Почему так долго?

– Я параллельно поступил на государственную службу. – Отличный ответ: туманный и одновременно впечатляющий. Только бы Крейну не захотелось развить тему!

– Понятно... – снова нахмурился отец Эдди. Казалось, он хмурится каждой клеточкой тела: нос, рот, даже уши, и те хмурились. – Почему вы решили стать спортивным агентом?

– Решил, мне должно понравиться, а ещё, что всё должно получиться.

– Агентство у вас небольшое.

– Да, правда.

– И нет таких связей, как у крупных агентств.

– Тоже правда.

– А возможностей, как у «Ай-си-эм», «Тру-Про», «Эдвантидж интернешнл» – тем более.

– Это правда.

– Теннисных звёзд у вас раз-два и обчёлся.

– И это правда.

Во взгляде Крейна читалось откровенное неодобрение.

– Скажите, мистер Болитар, почему мы должны выбрать вас?

– Я здорово зажигаю на вечеринках.

Ни тени улыбки не мелькнуло на губах строгого отца. Зато улыбнулся Эдди, но потом, опомнившись, прикрыл рот ладонью.

– По-вашему, это смешно? – спросил глава семьи.

– Мистер Крейн, позвольте задать вам вопрос. Вы живете во Флориде?

– Да, в Сент-Питерсберге.

– Как же попали в Нью-Йорк?

– На самолёте.

– Я имел в виду, кто платил за билеты?

Крейны настороженно переглянулись.

– Деньги выделило «Тру-Про», верно? – поинтересовался Майрон.

Мистер Крейн неуверенно кивнул.

– Прямо у терминала вас ждал лимузин?

Ещё один кивок.

– Мадам, а ваш жакет новый?

– Да, – впервые с начала обеда подала голос миссис Крейн.

– Правда, что в крупных агентствах есть специальные сотрудницы, которые возят вас по городу, показывают достопримечательности и лучшие магазины?

– Да.

– К чему вы клоните? – вмешался Крейн.

– Я этим не занимаюсь, – резко сказал Майрон.

– чём «этим»?

– Вылизыванием задниц. И клиентам, и тем более родителям. Эдди!

– Да, сэр.

– В крупных агентствах обещали присылать кого-нибудь на каждый матч?

Парнишка кивнул.

– Этого тоже не обещаю, – заявил Майрон. – В случае необходимости я доступен двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, но быть с тобой физически двадцать четыре часа семь дней в неделю не смогу. Поэтому, если как Чанг и Агасси, хочешь, чтобы тебя держали за руку во время каждого матча, обратись в крупное агентство. У них это организовано лучше, чем у меня. Если нужен мальчик на побегушках или прачка для стирки носков, я точно вам не подхожу.

Крейны снова переглянулись.

– Ну, мистер Болитар, вы очень чётко обрисовали свою позицию, – заявил глава семьи. – Похоже, ваш стиль работы полностью соответствует репутации.

– Вы же хотели уловить разницу между мной и остальными?

– Я уловил.

Болитар повернулся к Эдди:

– Агентство у меня небольшое и работает просто. Я стану вести за тебя все переговоры: об участии в турнирах, гарантиях, призовых, показательных выступлениях, рекламных акциях и так далее. Однако без твоего одобрения ничего подписывать не буду. Последнее слово за тобой: ты просмотрíš текст, разберёшь и скажешь, согласен или нет. Пока всё ясно?

Паренёк кивнул.

– Со мной работает Уин Локвуд, его считают одним из лучших финансовых консультантов в стране. Принципы Уина полностью совпадают с моими: он хочет, чтобы клиент вникал в суть и одобрял каждую проводимую от его имени инвестицию. Я прошу клиентов встречаться с Уином как минимум пять раз в год, по возможности чаще, чтобы вместе разработать надёжную и долговременную политику в плане финансов и налогообложения. Мне бы хотелось, чтобы ты чётко представлял, как и где в эту секунду работают твои деньги. Слишком многие спортсмены позволяют беззастенчиво собой пользоваться, но с тобой это не случится, потому что не только Уин, твои родители или я – ты сам не позволишь.

Принесли закуски, и к столику подошёл Франсуа. Пока официанты суетились, он сладко улыбался, выговаривая им по-французски, словно бедняги не могли даже тарелку правильно перед гостем поставить.

– Желаете что-нибудь ещё? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Нет, спасибо!

– Мистер Болитар, если в моих силах сделать ваш ужин ещё приятнее, сразу зовите!

Майрон взглянул на карпаччо из лосося.

– У вас кетчуп есть?

Щеки метрдотеля стали белее мела.

– Что, простите?

– Франсуа, это шутка.

– Очень смешная, сэр!

Метрдотель тут же убрался восвояси. Клоун Майрон снова на арене!

– Девушка, которая пригласила нас на этот ужин, – начал мистер Крейн, – мисс Диас... Какие функции в агентстве выполняет она?

– Эсперанса – моя компаньонка, моя правая рука.

– Что у неё в послужном списке?

– В настоящее время она учится на вечернем отделении юридического факультета, именно поэтому и не смогла к нам сегодня присоединиться. А в прошлом мисс Диас профессионально занималась борьбой.

– Правда? – заинтересовался Эдди. – Под каким именем выступала?

– Маленькое Пончо.

– Индейская принцесса?

– Верно.

– Боже, она ведь настоящая красotka!

– Угу.

Миссис Крейн щипала полупрозрачные ломтики лосося, а её супруг на минуту забыл о луковом супе.

– Скажите, – начал он, – в каком ключе вы предлагаете развивать карьеру Эдди?

– Посмотрим по обстоятельствам, – ответил Майрон. – Универсального рецепта нет. На вашего сына воздействуют два несовместимых фактора. С одной стороны, Эдди всего семнадцать. Он ребёнок, и нельзя, чтобы теннис полностью его поглотил. Парень должен развлекаться и жить, как остальные подростки. С другой стороны, наивно предполагать, что теннис останется для него просто игрой, а он сам – обычным школьником. Здесь на первое место выходят деньги, большие деньги. Если Эдди сделает всё правильно, принесёт необходимые жертвы и будет работать с Уином, то обеспечит себя на всю жизнь. Оптимальный баланс найти непросто: на сколько турниров заявиться, сколько показательных матчей сыграть, сколько контрактов заключить.

Крейн-старший кивнул. Похоже, они согласны.

Болитар снова повернулся к Эдди.

– Деньги нужно зарабатывать быстро, потому что никто не знает, что случится завтра. Я тому наглядное подтверждение. При этом нельзя, чтобы тебя выжали как лимон. Порой труднее всего отказаться от баснословной суммы. Однако решение всегда будет за тобой, деньги-то твои. Пожелаешь участвовать в каждом турнире и каждом показательном матче – мешать не буду. Но, поверь, тебе это не по силам, никому не по силам. Эдди, ты отличный парень, с головой на плечах, родители воспитали тебя правильно. И всё же, если постоянно перегибать палку, рано или поздно она сломается. Поверь моему опыту. Я хочу, чтобы ты стал богатым, но всех денег не заработаешь. Нельзя превращаться в банкомат или счётную машинку. Хочу, чтобы ты развлекался, наслаждался жизнью и понимал, как тебе повезло.

Крейны слушали разинув рот.

– Эдди, всё сказанное – моё личное мнение. Не стану отрицать, с крупными агентствами ты заработаешь больше. Однако в итоге, благодаря разумной финансовой политике и спортивному долголетию, тебе будет лучше с «Эм-Би спортс». – Майрон взглянул на Крейна-старшего: – Хотите узнать что-нибудь ещё?

Отец теннисного вундеркинда пригубил вино, полюбовался переливами цвета и потом поставил бокал.

– Мистер Болитар, вас нам очень рекомендовали. Точнее сказать, рекомендовали Эдди.

– Неужели? Можно спросить кто?

Эдди отвёл глаза, а мать осторожно коснулась его руки.

– Валери Симпсон, – ответил за сына мистер Крейн.

– Валери рекомендовала меня? – удивился Майрон.

– Ей казалось, вы для Эдди – самое то.

– Она так и сказала?

– Да.

Спортивный агент повернулся к Эдди. Казалось, парень вот-вот разрыдается.

– Эдди, что ещё она сказала?

Тот пожал плечами.

– Она считала вас честным, мол, будете хорошо ко мне относиться, не подведёте.

– Откуда ты знаешь Валери?

– Они встретились во Флориде в тренировочном лагере Менанси, – пояснил мистер Крейн. – Эдди тогда было девять, а Валери в ту пору – шестнадцать. Она приглядывала за ним, совсем как старшая сестра.

– Ребята очень подружились, – добавила миссис Крейн. – Надо же, какая трагедия!

– Эдди, Валери тебе что-нибудь ещё говорила?

Снова пожав плечами, юный теннисист посмотрел на Майрона. Тот спокойно встретил его взгляд.

– Это очень важно.

– Советовала никогда не связываться с «Тру-Про».

– Почему?

– Не объяснила.

– По-моему, – вмешался Крейн-старший, – она винила их неудачном завершении спортивной карьеры.

– Эдди, а ты как думаешь? – допытывался Майрон.

– Может быть... – в который раз пожал плечами парень.

– Ты так не считаешь?

Молчание.

– Хватит об этом, – вмешалась миссис Крейн, будто точку поставила. – Сын очень переживает из-за случившегося.

Беседа плавно вернулась к делам. Только Эдди притих. Время от времени он беззвучно открывал рот, но не мог выдать ни звука. Когда Крейны поднялись, чтобы уйти, пареньёк перегнулся через стол и прошептал:

– Почему вы столько спрашиваете про Валери?

Майрон решил: лучше сказать правду.

– Пытаюсь выяснить, кто её убил.

Голубые глаза Эдди стали совсем круглыми. Он нервно оглянулся на родителей: те прощались с Франсуа. Метрдотель целовал ручку миссис Крейн.

– Думаю, ты в силах помочь, – чуть слышно сказал Майрон.

– Я? Я ничего не знаю!

– Вы дружили и делились самым сокровенным.

– Эдди! – позвал Крейн-старший.

– Мистер Болитар, мне пора. Спасибо за все.

– Да, да, спасибо, – добавил отец. – Мы встречаемся с представителями ещё нескольких агентств, но с вами обязательно свяжемся.

Едва они ушли, у столика возник Франсуа со счётом.

– Мистер Болитар, вам очень идёт этот галстук. Настоящий лизоблюд!

– Из вас вышел бы отличный спортивный агент, Франсуа!

– Спасибо, сэръ!

Вручив ему кредитную карточку, Майрон стал ждать. Включив телефон, он увидел, что пришло сообщение от Уина. Так, нужно срочно перезвонить.

— Ты где сейчас?

– На Двадцать шестой улице, недалеко от поворота на Восьмую, – ответил Локвуд. – В том «кадиллаке» находились два джентльмена – даже неловко называть их таким словом. Они ехали за тобой до «Ла Резерв», немного подождали в машине, а полчаса назад вошли в питейное заведение сомнительной репутации.

– Сомнительной репутации?

– Оно называется «Бритая киска». Комментарии нужны?

– Глаз с них не спускай, я уже иду.

ГЛАВА 12

Уин ждал на Двадцать шестой улице, через дорогу от «Киски». В здании было тихо, лишь из бара доносились отзвуки ритмичной музыки. «Топлесс!» – зазывала большая неоновая вывеска.

– Их двое, – напомнил Уин. – Водитель белый, на вид лет тридцать пять-тридцать шесть, страдает лишним весом, хотя и от природы довольно плотный. Думаю, тебе понравится его стиль одежды.

– Это почему?

– Сам увидишь. С ним чернокожий парень ростом под метр восемьдесят, на правой щеке большой шрам. Пожалуй, его бы ты назвал худым и жилистым.

Болитар оглядел улицу:

– Где они припарковались?

– На Восьмой авеню.

– А почему не здесь? Мест-то хоть отбавляй.

– По-моему, наш возникший очень привязан к своей божественной колеснице, – улыбнулся Локвуд. – Случись с ней что-нибудь, он очень расстроится.

– Сможешь в неё залезть?

– Сделаю вид, что не слышал твоего вопроса! – оскорбился Уин.

– Ладно, ты проверь машину, а я войду в бар.

– Вас понял! – отдал честь финансовый консультант.

Приятели разделились: Уин направился к стоянке, Майрон – в «Киску». Естественно, для Болитара лучше было бы наоборот, тем более сладкая парочка знает, как он выглядит, но каждый должен заниматься своим делом. Со взломом замка Локвуд справится гораздо лучше, впрочем, как и с любой механической работой.

Открыв дверь бара, спортивный агент низко опустил голову. Совершенно напрасно: никто не обратил на него ни малейшего внимания. За вход здесь не брали. Майрон огляделся по сторонам и сразу понял, что попал в притон. Похоже, дизайн интерьера посвятили истории американского пива. На стенах – неоновая реклама различных сортов пива, барная стойка инкрустирована пивными кольцами, а за ней – разные бутылки, которые, казалось, собирали по всей стране.

А стриптизерши... Они лениво расхаживали по маленьким сценам, похожим на старые декорации «Вандерамы».[16] Большинство танцовщиц привлекательностью не отличались. Какое там! До «Бритой киски» всеобщее увлечение фитнесом ещё не докатилось: телеса так и тряслись. Клуб больше напоминал центр по борьбе с целлюлитом, чем стриптиз-бар, где воплощаются мужские фантазии.

В гордом одиночестве Майрон уселся за угловой столик. Некоторые посетители были в костюмах, но основная масса – «синие воротнички». Более обеспеченные личности удовлетворяют похоть в «Голдфингере» или «Скорз», где с эстетической точки зрения женщины куда привлекательнее...

У центральной сцены хихикали два парня: белый и чёрный, вполне соответствующие описанию Уина. Танцовщицы поменялись сценами, а та, что выступала на центральной, сошла вниз – похоже, передохнуть собралась. К ней тут же подлетели типы из «кадиллака», и начались переговоры. В заведениях типа «Голдфингера» приватный танец стоит долларов двадцать – двадцать пять. И это действительно танец: девушка снимает бюстгальтер и на протяжении пяти минут двигается у стола под музыку. Распускать руки категорически запрещено. В «Бритой киске» блюдом дня был популярный в последнее время танец на коленях, который исполняют в самых темных закоулках бара. Танец на коленях, более известный подросткам, как «сухой трах», заключается в том, что стриптизёрша

совершает разнообразные эротические движения на коленях клиента, пока он, хм, не эякулирует. Если побороть моральное отвращение, у Майрона имелось несколько вопросов по технической стороне действия: что делает клиент после того, как всё закончится? Идёт переодеваться, дальновидно захватив с собой чистое белье?

Парни из «кадиллака» и танцовщица направлялись в сторону Майрона, и спортивный агент понял, что имел в виду Уин. Руки у белого действительно массивные, однако совершенно теряются на фоне огромного живота и обрюзгшей груди. Кое-какие из этих недостатков можно было бы спрятать под соответствующей одеждой, но водитель «кадиллака» носил обтягивающую сетчатую майку. Сетка – это же сплошные дыры, считай, и майки нет. Обильная растительность на груди активно пробивалась сквозь майку. Необыкновенно длинные волосы путались в многочисленных золотых цепях, что висели на шее. Водитель прошёл мимо, и Майрону открылся прекрасный вид (вот уж спасибо!) на его спину, где волосы были ещё гуще и длиннее.

Болитара даже замутило.

– Пятнадцать долларов за первые десять минут! – объявила девушка. – Больше скинуть не могу.

– Кончай валять дурака, шлюха! – ухмыльнулся Сетка. – Нас двое, значит, обслужишь двоих по цене одного.

– Ага, – поддакнул другой, – двоих по цене одного.

– Не могу, – твердила девушка. Если она и обиделась на то, как назвал её Сетка, то виду не подала. В её голосе звучала лишь всепоглощающая усталость, как у официантки во время ночной смены.

Сетке это не понравилось.

– Слушай, сучка, не зли меня!

– Я позову управляющего.

– Никого ты не позовёшь! Даже с места не сдвинешься, шлюха, пока у меня в яйцах не полегчает.

– Ага, – кивнул чернокожий, – и у меня тоже, шлюха!

– Знаете, за оскорбления я беру дополнительно, – предупредила стриптизёрша.

– Что ты сказала? – недоуменно переспросил Сетка.

– За ругательство нужно платить дополнительно.

– Что? – прогремел Сетка, похоже, разозлившись окончательно. – Глупая потаскуха! Мы живём в Соединённых Штатах, на земле свободных и родине бесстрашных. Я могу говорить все, что захочу, или ты, шлюха, про свободу слова не слышала?

«Надо же, какой поборник конституции! – подумал Майрон. – Приятно видеть, как человек защищает Первую поправку».

– Значит, так, – устало вздохнула девушка, – пять минут стоят двенадцать долларов, десять минут – двадцать плюс чаевые.

– Договоримся следующим образом, – не унимался Сетка, – будешь танцевать сразу на обоих.

– Что?

– Сядешь на меня, а взводить станешь его. Ну так как, свинья безмозглая?

– Да, – подал голос чернокожий, – свинья безмозглая!

– Слушайте, ребята, сразу на двоих мы не танцуем, – покачала головой стриптизёрша. – Давайте я позову подругу, и мы как следует вас разогреем.

– Я не подойду? – выступил из темноты Майрон.

Троица будто остолбенела.

– Боже, – причмокнул губами Болитар, – оба такие красавчики, даже не знаю, которого выбрать!

Сетка смотрел на чернокожего, а чернокожий – на Сетку.

– Тебе не всё равно, кем заняться? – спросил девушку Майрон.

Та лишь головой покачала.

– Тогда мой этот! – Спортивный агент ткнул в белого водителя. – Я ему понравился, вон как соски торчат!

– Эй, а он что здесь делает? – спросил чернокожий.

Сетка пронзил его многозначительным взглядом.

– Я имел в виду, как его зовут.

– Здорово ты перестроился! – похвалил Майрон. – Я почти ничего не заметил.

– Что вам угодно, мистер?

– Вообще-то я наврал.

– О чем?

– О том, как узнал, что вам нравлюсь. Дело не только в торчащих сосках, хотя они сами по себе – заметный и тошнотворно-противный намёк.

– К чему ты клонишь, черт побери?

– Вы следили за мной целых два дня – вот как я догадался! В следующий раз действуйте не так открыто: цветы пришлите или симпатичную открытку без подписи...

– Идём, Джим! – позвал Сетка приятеля. – Этот парень свихнулся, идём отсюда!

– А танец на коленях? – спросила девушка.

– Нет, нам пора.

– Тогда платите, – потребовала девушка, – иначе менеджер мне задницу оторвёт.

– Заткнись, шлюха, дождёшься!

– Вау, какой ты крутой! – восторженно ахнул Майрон.

– Слушайте, мистер, мне с вами делить нечего. Просто уберите!

– Мой танец тоже не нужен?

– Ты с ума сошёл!

– Могу скидку предложить.

Ладони Сетки сжались в кулаки: ему приказали следить за Майроном, а не попадаться на глаза и тем более не затевать ссору!

– Пошли, Джим.

– Почему вы за мной следили? – допытывался Болитар.

– Не понимаю, о чём ты.

– Дело в гипнотическом взгляде моих прекрасных синих глаз, волевом подбородке или упругой попе? Кстати, вам нравятся мои брюки? Не слишком обтягивающие?

– Придурок! – прошипел Сетка и поволок приятеля прочь.

– Эй, – окликнул Майрон, – давайте так: если вы скажете, на кого работаете, я не стану жаловаться вашему боссу.

Парни даже не обернулись.

– Обещаю не жаловаться! – крикнул спортивный агент, когда любители стриптиза распахнули дверь.

Да, при желании друзей найдёшь везде, этим талантом Майрон обладает в полной мере. Пришлось бежать за Джимом и Сеткой, которые спешили на запад.

Из сумрака Двадцать шестой улицы показался Уин.

– Сюда! – шепнул он.

Петля по каким-то переулкам, они попали на Восьмую авеню раньше, чём Джим и Сетка. Охранник стоянки сидел в будке и смотрел по крошечному черно-белому телевизору популярный в конце восьмидесятых сериал «Розанна». Уин показал, где стоит «кадиллак», и, спрятавшись за припаркованным неподалёку «олдсмобилем», приятели стали ждать.

К будке охранника подошли Сетка и Джим – нервничая, то и дело оглядываясь на бар. В голосе молодого негра звучала паника:

– Ли, как же он нас вычислил, а?

– Не знаю.

– Что будем делать?

– Ничего. Найдём другую машину и продолжим слежку.

– У тебя есть другая машина?

– Нет, но можно ведь напрокат взять.

Заплатив охраннику, они забрали ключи и квитанцию. Судя по всему, недоверчивый Сетка парковал машину сам.

– Ну, – вздохнул Уин, – сейчас повеселимся!

Любители стриптиза быстро нашли свой «кадиллак», Ли вставил ключ в замок и... начал кричать:

– Черт! Мать твою за ногу!..

Из-за «олдсмобиля» показались Майрон с Уином.

– Фи, как грубо! – поморщился Болитар.

Онемев от ужаса, Сетка-Ли взирал на свою машину. Чтобы пробраться в салон, Локвуд просверлил под замком отверстие. Вообще-то, когда требовалась аккуратность, к этому методу он не прибегал, но, похоже, в данном случае счёл самым подходящим. Кроме того, рука Уина «случайно» дрогнула, и на водительской двери появились царапины.

– Ты! – заорал Сетка, тыча пальцем в Майрона. Лицо побагровело, как после апоплексического удара. – Ты!

– Богатейший словарный запас! – повернувшись к приятелю, отметил Уин.

– Да, хотя лично мне больше всего нравится майка.

– Ты! – не унимался Сетка. – Это ты мою машину испортил?

– Не он, а я, – поправил Локвуд. – Должен сказать, салон у тебя миленький, жаль было мазать велюровые сиденья кленовым сиропом...

У водителя глаза вылезли из орбит. Заглянув в салон, он провёл рукой по подголовнику и завыл оглушительно, как раненый зверь. Звук получился настолько жутким, что даже охранник на секунду отлепился от экрана.

– Кленовый сироп? – переспросил Майрон.

– Угу, «Лог кэбин».

– А я предпочитаю «От тётушки Джеммаймы».

– Ну, каждому своё.

– В салоне есть что-нибудь любопытное?

– Трудно сказать, – качал головой Уин. – В бардачке несколько квитанций за парковку. – Он передал их приятелю, и тот пробежал глазами адреса и даты.

– Эй, ребята, на кого вы работаете? – уже не в первый раз спросил Майрон.

Сетка угрожающе двинулся в его сторону.

– Моя машина! – орал он, а лицо краснело всё сильнее. – Ты... Моя машина!
– Слушай, смени пластинку, – со вздохом попросил Уин. – Становится tres[17] скучно.
– Ты, говнюк! Ты... – Огромные ладони Ли снова сжались в кулаки. – Ну, красавчик, сейчас я разукрашу тебе личико.
– Красавчик? – недоуменно переспросил финансовый консультант.

Спортивный агент только плечами пожал.

Рядом с приятелем встал темнокожий Джим. Майрон был уверен: пистолета нет ни у того, ни у другого. Может, «пёрышко» где-то припрятано, но оно не в счёт.

Уин и Сетка стояли в метре друг от друга. Ничего удивительного: хулиганы всегда предпочитают Локвуда; тот сантиметров на пятнадцать ниже Майрона и примерно на столько же килограммов легче. А самое главное, Уин похож на изнеженного богачика, только и умеющего что держать пальцы веером. Словом, лучшего кандидата в боксёрские груши проницательному хулигану не подобрать.

Владелец «кадиллака» сделал ещё шаг и поднял кулаки. Тот, кто нанял этих парней, явно пожалел времени на инструктаж.

Р-раз – и кулак метнулся к носу Уина. Тот отскочил в сторону. Порой Майрону казалось, что его друг двигается, как кошка. Нет, такое сравнение не совсем верно: скорее, Уиндзор Локвуд двигается словно призрак: в одну наносекунду он здесь, в следующую – на полметра левее. Сетка снова попробовал его ударить. На этот раз «красавчик» поставил блок, одной рукой схватил кулак бандита, а другой нанёс молниеносный удар в шею. Вмиг ослабевший Сетка отступил. На помощь приятелю двинулся было Джим.

– Даже думать забудь! – процедил Майрон.

Темнокожий Джим пустился наутёк.

Майрон Болитар – гроза бандитов!

Тем временем Сетка немного пришёл в себя и, низко опустив голову, бросился на Уина. Если решил сбить с ног, то крупно просчитался. Локвуд ненавидит, когда противники его недооценивают. На первом же курсе в университете Дьюка он познакомил Майрона с тхэквондо, асам изучал боевые искусства с раннего детства и даже провёл три года в Корее, занимаясь у мастеров мировой величины.

– А-а-а-а! – грозно заревел Ли.

Уин вновь скользнул в сторону, словно самый ловкий из матадоров в схватке с самым неуклюжим из быков. Плавный переход, а затем резкий пинок в солнечное сплетение плюс удар наотмашь по переносице. Раздался сухой треск, и хлынула кровь. Взыв от боли, Сетка повалился на асфальт.

– На кого работаешь? – склонившись над ним, спросил Локвуд.

Ли рассматривал окровавленные ладони.

– Ты нос мне разбил! – прогнусавил он.

– Ответ неверный! Повторяю вопрос: на кого работаешь?

– Я ничего не скажу!

Наклонившись ещё ниже, Уин схватил сломанный нос Сетки двумя пальцами. Глаза Сетки расширились от ужаса.

– Не надо, – попросил Майрон.

– Не можешь смотреть – уходи, – на секунду подняв глаза, отозвался финансовый консультант, а затем сосредоточил внимание на жертве: – Даю последний шанс, потом начну крутить нос, как кусок пластилина. Кто тебя нанял?

Сетка молчал, и Уин легонько сжал нос. Хрящики тёрлись, производя звук, похожий на стук дождевых капель о стеклянную крышу. От нестерпимой боли Ли начал молотить ногами по асфальту, а Уин, не давая закричать, зажал ему рот.

– Хватит! – остановил друга Майрон.

- Он ещё ничего не сказал.
- Слушай, мы же парни правильные.
- Ты рассуждаешь как адвокат Американского союза защиты гражданских свобод! – поморщился Уин.
- Ему не нужно ничего говорить.
- Что?
- Ли – настоящая мразь. За пять центов мать родную продаст.
- К чему ты клонишь?
- К тому, что боли он боится куда меньше, чем рот открыть.
- Ну, дело поправимое, – улыбнулся Уин.

Майрон показал ему одну из квитанций.

– Вот, стоянка на углу Пятдесят четвертой улицы и Мэдисон-авеню. Это же на подземном этаже штаб-квартиры «Тру-Про»! Так что наш приятель работает на братьев Эйк, лишь они способны нагнать на человека столько страха.

Сетка мертвенно побледнел.

– Или Аарон.

Аарон...

– При чём тут он?

– Братья могли его использовать, а этого типа тоже оторопь берет.

Аарон...

– Он больше не работает на Фрэнка Эйка, – заметил Майрон. – По крайней мере у меня такая информация.

Уин снова нагнулся к Сетке:

– Имя Аарон тебе знакомо?

– Нет! – быстро крикнул бандит. Пожалуй, слишком быстро.

Теперь над низверженным Ли склонился Болитар.

– Будь поразговорчивее, иначе обрадую Фрэнка Эйка: ты сдал его с потрохами.

– Я ничего не говорил ни про какого Фрэнка Эйка!

– Тройное отрицание! – покачал головой Уин. – Очень впечатляет!

Братьев Эйк двое: Герман и Фрэнк. Старший, Герман, – настоящий психопат, сеющий в Нью-Йорке смерть и горе, но, по сравнению со свихнувшимся Фрэнком, он Мэри Поплине. К сожалению, «Тру-Про» принадлежит Фрэнку.

– Я ничего не сказал, – твердил Сетка, глядя нос, словно больного пса, – ни одного паршивого слова!

– Но Фрэнк-то не в курсе! – напомнил Майрон. – Возьму и навру ему, что ты пел, как первосортный стукач. И знаешь что? Эйк поверит!

Иначе как я догадался, кто тебя нанял?

Теперь лицо Сетки по цвету напоминало не мел, а майскую зелень.

– Но, если сможешь, мы все притворимся, что ничего не случилось. Будто я вообще «хвост» не заметил! И тебе лучше: Фрэнк никогда не узнает про этот маленький прокол.

– Что ты хочешь? – не долго думая спросил Сетка.

– Тебя наняли люди Эйка?

– Да.

- Аарон?
 - Нет, просто один парень.
 - Что ты должен был делать?
 - Следить за тобой и докладывать обо всех перемещениях.
 - Зачем?
 - Понятия не имею!
 - Когда тебя наняли?
 - Вчера вечером.
 - В какое время?
 - Точно не помню: часа в два – в три. Сказали, ты на теннисном матче, мол, немедленно приезжай во «Флашинг-Медоус».
- Получается, сразу после убийства Валери.
- Это все, что мне известно, Богом клянусь!
 - Ерунда! – сердито воскликнул Уин, но Майрон лишь отмахнулся. Сетка действительно ничего больше не знает.
 - Отпусти его, – попросил Болитар.

ГЛАВА 13

Поднявшись в несусветную рань, Майрон вытащил из буфета пачку сухого завтрака «Нутригрейн». М-м-м, какое аппетитное название! На коробке рассказывалось о пользе клетчатки и пищевых волокон. Хр-р! Не заснуть бы...

Майрону вспомнились любимые марки его детства: «Капитан Кранч», «Фрутлупс», кукурузные хлопья «Квисп»... Как забыть Квиспа, милягу-инопланетянина, который в телевизионных роликах состязался с серостью и посредственностью в образе шахтёра по имени Квейк? Квисп против Квейка. инопланетянин против работяги – какое интересное соперничество! Что с ними стало? Неужели обаяшку Квиспа постигла та же участь, что и группу «Мотель»?

Болитар вздохнул: для приступов ностальгии он слишком молод.

Эсперансе удалось отыскать адрес матери Кертиса Йеллера. Итак, Диана Йеллер живёт в недавно купленном доме в Черри-Хилл, Нью-Джерси, недалеко от Филадельфии. Майрон вышел к машине. Если выехать сейчас, успеет съездить в Черри-Хилл, побеседовать с Дианой Йеллер и к началу матча Дуэйна вернуться в Нью-Йорк.

Но будет ли миссис Йеллер дома? Лучше подстраховаться, чтобы не тратить зря время.

Майрон взял купленный специально для машины телефон и набрал номер. Ответил женский, вероятно, принадлежащий Диане Йеллер, голос:

- Алло!
- Орсон дома? – спросил Болитар.

Внимание: эксклюзивная детективная тактика, будущим ищейкам стоит взять на заметку!

- Кто? – переспросила хозяйка.
- Извините. – Спортивный агент повесил трубку.

Вывод: Диана Йеллер на месте.

«Форд-таурус» остановился у типичного для пригорода Нью-Джерси особняка. Все дома Черри-Хилл примерно одинаковы, отличаются разве что цветом фасада и расположением кухни, а воспринимаются как клоны. Очень мило: на улице несколько малышей, несколько разноцветных велосипедов, белки... Контрасте западной частью Филадельфии поразительный.

По аккуратной каменной дорожке Майрон прошёл к двери и постучал. Открыла приятная женщина с обаятельной улыбкой наготове. Волосы стянуты в тугий пучок, подчёркивающий высокие скулы. Вокруг глаз и рта морщины, но неглубокие. Одета хорошо, чуточку консервативно, в стиле Анны Кляйн, украшения неброские. У женщины отменный вкус.

Разглядев, кто перед ней, хозяйка тут же перестала улыбаться.

– чём я могу помочь?

– Миссис Йеллер?

Женщина кивнула медленно, будто сомневаясь.

– Меня зовут Майрон Болитар, хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– О чем? – Улыбка исчезла окончательно. Изменилась даже манера речи, в ней вместо вежливости тихого пригорода сейчас звучала уличная настороженность.

– О вашем сыне.

– Нет у меня сына.

– О Кертисе.

Карие глаза сузились.

– Вы коп?

– Нет.

– Мне некогда.

– Я не отниму у вас много времени.

Женщина раздражённо скрестила руки на груди.

– О чём вообще речь?

– В смысле?

– Кертис умер.

– Да, знаю.

– Тогда кому нужны эти разговоры? Он ведь не воскреснет, верно?

– Пожалуйста, миссис Йеллер, позвольте мне войти буквально на секунду.

Задумавшись, женщина огляделась по сторонам, а потом устало кивнула: пожалуйста, мол, только скорее отстаньте. Диана посмотрела на часы. «Пьяже», – мысленно отметил Майрон; возможно, подделка, но вообще-то не похоже.

Внутренняя отделка самая обычная: белый цвет, сосновая обшивка, торшеры. Очень в духе «ИКЕА». На полках и кофейном столике ни одной фотографии. Ничего личного. Диана Йеллер не присела и Майрону не предложила.

Спортивный агент примерил самую обворожительную и внушающую доверие улыбку: одна часть от телеведущего Гарри Смита, две – от актёра Джона Теша.

– И что вы ухмыляетесь? – снова скрестив руки на груди, поинтересовалась Диана.

Да, ещё немного, и заурчит, свернувшись в клубок у него на коленях.

– Хочу спросить про ту ночь, когда погиб Кертис, – осторожно начал разговор Майрон.

- С какой целью? Вы-то тут при чем?
- Расследованием занимаюсь.
- Каким ещё расследованием?
- Так что на самом деле случилось на той вечеринке?
- Вы частный детектив?
- Ну, не совсем.

Напряжённое молчание.

- У вас две минуты, – объявила хозяйка. – Время пошло.
- В полиции говорят, ваш сын угрожал пистолетом детективу.
- Да, такова официальная версия.
- Он правда угрожал?
- Наверное, – пожала плечами миссис Йеллер.
- У Кертиса был пистолет?
- Вероятно, – снова пожала плечами хозяйка.
- В ту ночь вы видели пистолет?
- Не помню.
- А раньше?
- Может быть, не знаю.

Содержательный разговор!

- Зачем ваш сын и Эррол проникли на территорию клуба?
- Вы серьёзно спрашиваете? – Миссис Йеллер скорчила выразительную гримасу.
- Да.
- Чтобы ограбить, для чего ещё?
- Кертис этим часто занимался?
- Чем?
- Грабежом?

Женщина снова пожала плечами.

- Да, грабил людей, дома, всё подряд. – В голосе полное равнодушие: ни стыда, ни смущения, ни отвращения.
- Арестов и судимостей у Кертиса не было.

Надо же, снова плечами пожала, наверное, скоро устанет!

- Выходит, я вырастила умного сына. По крайней мере так до той ночи казалось. – Хозяйка демонстративно взглянула на часы. – Ну, мне пора.
- Миссис Йеллер, вы встречаетесь со своим племянником Эрролом Суэйдом?
- Нет.
- Знаете, куда он направился после гибели Кертиса?
- Нет.
- По-вашему, что с ним случилось?

- Он умер. Не понимаю, что вы ищете. Та история давно закончилась. Много лет назад. Все смирились.
- А вы, миссис Йеллер, тоже смирились?
- Моя трагедия как книга: прочитана и наглухо закрыта.
- Вы видели, как детектив застрелил вашего сына?
- Нет, я пришла позднее. – Голос зазвучал чуть тише.

Болитар протянул женщине визитку:

- Вот, если вспомните что-нибудь ещё.
- Не вспомню, – отрезала Диана, отказываясь взять карточку.
- И все-таки...
- Кертис погиб, расследование его не вернёт, так что лучше просто забыть.
- Это так легко?
- Прошло шесть лет. Не могу сказать, что многие о нём горюют.
- А вы, миссис Йеллер? Горюете?

Женщина открыла рот, безвольно закрыла, но потом все-таки заставила себя ответить:

- Кертиса нельзя считать хорошим сыном. С ним было столько хлопот!
- Поэтому его следовало убить?! – возмутился Майрон.

Подняв голову, Диана спокойно встретила взгляд гостя.

- Уже не важно. Погиб – значит, ушёл навсегда: не вернёшь и ничего не изменишь.

Теперь молчал Майрон.

- Вы способны это изменить, мистер Болитар? – с вызовом спросила хозяйка.
- Нет.

Диана Йеллер кивнула и, на секунду отвернувшись, взяла сумочку.

- Мне действительно пора, – объявила она.

ГЛАВА 14

В ложе для почётных гостей сидел только Генри Хобман.

- Привет, Генри! – бросил Майрон.

Матч ещё не начался, а Генри уже погрузился в обычное тренерское безмолвие.

- Говорят, ты вчера встречался с Павлом Менанси.

- И что?
- Ты не доволен подготовкой Дуэйна?
- Вполне доволен.

Хобман чуть заметно кивнул. Тема закрыта.

Из подтрибунных помещений вышли Дуэйн и его сегодняшний оппонент, Жак Потилин, финалист Открытого чемпионата Франции. Ричвуд в своём амплуа – совершенно расслаблен и спокоен. Широкая улыбка и кивок – привет тренеру и агенту.

Погода для тенниса почти идеальная: солнце уже вышло, но по арене Луиса Армстронга дул свежий ветерок, разгоняющий влажную духоту.

Болитар огляделся по сторонам. В соседней ложе сидела пышногрудая блондинка в белом обтягивающем топе. Сегодня, мальчики и девочки, мы будем учить слово «ложбинка»! Расположившиеся неподалёку мужчины глаз с неё не сводили. Все, кроме Майрона: он слишком мудрый для подобных глупостей. Вдруг блондинка обернулась, перехватила его взгляд и – о чудо! – застенчиво улыбнувшись, помахала холеной ручкой. Пришлось помахать в ответ. Никаких шагов Майрон предпринимать не собирался, но черт побери!..

Откуда ни возьмись, на соседнем сиденье возник Уин.

– Представляешь, она мне улыбается!

– Мечтать не вредно!

– Женщины считают меня неотразимым, – похвастался Локвуд. – Увидят и сразу хотят. С этим проклятием приходится мириться каждый день.

– Прошу тебя, – взмолился Майрон, – я только что поел!

– Зависть – ужасное чувство.

– Так осчастливь ею, жеребец эдакий!

Уин бросил взгляд на очаровательную соседку:

– Не мой тип.

– С каких пор роскошные блондинки не твой тип?

– Грудь слишком большая. У меня новая теория относительно размера груди.

– Какая ещё теория?

– Чем больше грудь, тем хуже секс.

– Что?

– Сам подумай: избалованные природой женщины – я имею в виду особ с огромными буферами – имеют обыкновение лениться, целиком полагаясь на свои... хм, авуары. Старание у них не всегда на должном уровне. А ты как считаешь?

Спортивный агент покачал головой.

– Я не согласен, больше склонен доверять давно сложившемуся мнению.

– Какому ещё?

– Ты грязная свинья.

Улыбнувшись, финансовый консультант откинулся на спинку стула.

– Как прошла встреча с миссис Йеллер?

– Она что-то скрывает.

– Хм, интрига усложняется... Есть только один способ заткнуть рот матери погибшего ребёнка.

– Какой же?

– Деньги, много денег.

Подобная мысль приходила и Майрону.

– В настоящее время Диана Йеллер – владелица дома в Черри-Хилл.

Уин тут же ухватился за новую информацию:

– Одинокая вдова из трущоб Филадельфии перебралась в уважаемый пригород? Ради всего святого, объясни: на какие средства?

– Думаешь, ею подкупили?

– А у тебя есть другое объяснение? Она всю жизнь не вылезала из трущоб, а под старость лет превратилась в мисс Милый домик с садиком?

– Возможен иной вариант.

– Какой?

– Мужчина.

Локвуд презрительно хмыкнул.

– Сорокадвухлетней женщине из негритянского гетто жирного папика не найти! Такое просто нереально!

Майрон молчал.

– А теперь, – вдохновенно продолжал финансовый консультант, – прибавь к этому уравнению Кеннета и Хелен ван Слайк, безутешных родителей ещё одного погибшего ребёнка.

– А что с ними?

– Я навёл кое-какие справки: стабильного источника дохода и у них не просматривается. Семья Кеннета разорилась ещё до его брака с Хелен, а что касается самой мадам, её сбережения сгорели в бездарных деловых потугах молодого мужа.

– Хочешь сказать, ван Слайки на мели?

– Именно, – кивнул Уин. – Так что объясни, милый друг, на что они содержат Brentman-холл?

– Должны быть другие варианты, – покачал головой Майрон.

– Почему?

– В то, что одну мать подкупили убийцы её ребёнка, ещё могу поверить, но чтобы сразу обеих!

– Должен отметить, у тебя довольно наивные представления о человеческой натуре!

– А у тебя слишком мрачные.

– Именно поэтому в аналогичных вопросах я зачастую оказываюсь прав.

– А как с этим связано «Тру-Про»?

– В смысле?

– Сетку наняли сразу после убийства. Ради чего?

– Братья Эйк прекрасно тебя знают. Наверное, боялись, что расследование начнёшь.

– Почему? Какой им интерес?

Локвуд на секунду задумался.

– Раньше Валери работала с «Тру-Про», верно?

– Шесть лет назад, в ту пору агентство Эйкам ещё не принадлежало.

– Тогда, вероятно, ты перепутал указатели.

– То есть?

– Вдруг связи с убийством вообще нет? «Тру-Про» ведь хотят заарканить Эдди Крейна?

Болитар кивнул.

– Тренер Эдди, этот мутный Павел, тесно связан с агентством Эйка. А если братьям кажется, что ты посягнул на их территорию?

– Такое им вряд ли по душе, – кивнул спортивный агент.

– Вот именно.

Вполне возможный вариант: Майрон примерил его, немного походил, но ощущения были какими-то странными.

– Да, ещё кое-что... – произнёс Уин.

– В чём дело?

– Аарон в городе.

У Болитара мороз прошёл по коже.

– Зачем?

– Не знаю.

– Наверное, простое совпадение.

– Наверное. Друзья притихли.

Откинувшись на спинку сиденья, Уин сложил пальцы домиком. Начался матч. Игру Дуэйна без всякого преувеличения можно было назвать впечатляющей. Первый сет он выиграл легко: 6:2, во втором немного расслабился, однако вовремя спохватился, завершив его со счётом 7:5. После этого Жак Потилин сломался окончательно, и в третьем Дуэйн его просто разгромил: 6:1.

Ещё одна убедительная победа.

Игроки уже покидали корт, когда поднялся Генри Хобман, по-прежнему с непроницаемым лицом.

– Гораздо лучше, – процедил он, – но до идеала далеко.

– Ну, Генри, от твоей похвалы даже неловко становится.

По ступенькам к Майрону скатился Нед Тануэлл. Расталкивая зрителей, он работал руками, как пловец на стометровке вольным стилем. Следом спешили другие представители фирмы «Найк».

В глазах Тануэлла блестели неподдельные слезы.

– Я знал! – Пожав руку Майрону, он повис у него на шее, а затем стиснул аристократическую ладонь Уина. Отвернувшись, Локвуд поспешно вытер пальцы носовым платком. – Я так и знал!

Болитар молча кивнул.

– Скоро, совсем скоро! – кричал Тануэлл. – Вот-вот начнётся рекламная кампания года! Дуэйна Ричвуда полюбит вся страна. Господи, парень играет божественно! Фантастика, глазам своим не верю! Клянусь, такого возбуждения я ещё не испытывал.

– Только кончать сейчас не надо.

– Эй, Майрон! – Нед игриво поддел Уина локтём. – Этот парень что, шутник?

– Молодой талантливый комедиант, – согласился Локвуд.

Тануэлл потрепал его по плечу. Уин передёрнулся от отвращения, но руку не сбросил. Самообладание просто удивительное!

– Слушайте, парни, я с удовольствием болтал бы с вами целый день, но мне нужно бежать.

Локвуд едва скрыл своё разочарование.

— Чао, Майрон, ещё поговорим, ладно?

Болитар кивнул.

– Всем пока! – Нед бежал вверх по ступенькам.

Уин смотрел ему вслед с выражением ужаса на лице.

– Что это было?

– Кошмар на улице Вязов. Ладно, встретимся в офисе.

– Куда собрался?

– Побеседую с Дуэйном, про звонки Валери спрошу.

– До конца турнира не дотерпишь?

– Нет, – покачал головой Майрон. – Не могу.

ГЛАВА 15

Казалось, общение с журналистами будет продолжаться вечно. Клиент Майрона очаровал их без особого труда. И так, у прессы появился новый любимец: Дуэйн Ричвуд. Дерзкий, по-спортивному злой, но без звёздной болезни, самоуверенный, но великодушный, молодой, красивый, стопроцентно «свой», нью-йоркский.

Когда у стаи голодных до сенсаций репортёров кончились вопросы, Болитар проводил Дуэйна в раздевалку и присел на стул рядом с его шкафчиком. Сняв очки, Ричвуд положил их на верхнюю полку.

– Неплохой матч, правда? – спросил теннисист. Майрон кивнул.

– По-моему, такая победа в первую очередь осчастливит «Найк».

– До предоргазменного состояния, – согласился Майрон.

– Во время следующей игры будут показывать новый ролик?

– Угу.

– Четвертьфинал Открытого чемпионата США, – с благоговейным страхом проговорил Ричвуд. – Поверить не могу... Майрон, мы молодцы!

– Дуэйн!

– Да?

– А Валери ведь тебе звонила.

Мускулистая рука замерла на двери шкафчика.

– Что?!

– Она дважды звонила тебе на квартиру. С таксофона, который находится рядом с ею отелем.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

Медленно потянувшись за очками, парень повертел их, потом надел.

– Дуэйн, я хочу тебе помочь.

– Мне помощь не нужна.

– Дуэйн...

– Отстань, мать твою!

– Не могу.

– Слушай, Майрон, лишние переживания мне сейчас совершенно ни к чему, так что хватит!

– Валери умерла, от этого просто так не отмахнёшься.

Сняв тенниску, Ричвуд принялся вытирать грудь полотенцем.

– Её убил сталкер, – буркнул он, – по телевизору говорили. Я здесь ни при чем.

– Зачем она тебе звонила?

Огромные кулаки нервно сжимались и разжимались.

– Ты ведь на меня работаешь?

– Да, верно.

– Тогда оставь эту тему, или уволю!

Болитар медленно повернулся к подопечному.

– Нет.

Дуэйн рухнул на стул и закрыл лицо руками.

– Черт, извини, Майрон! Не хотел так говорить. Это всё от перенапряжения! Из-за турнира и мерзкого копа Димонта. Слушай, давай забудем обо всем, и точка! Будто этого разговора и не было.

– Нет.

– Что?

– Зачем она тебе звонила, Дуэйн?

– Ты не слышал?

– Вполуха.

– Оставь эту тему! Дело совсем не в убийстве!

– Тогда зачем она тебе звонила?

Ричвуд встал и демонстративно повернулся спиной к сидящему у шкафчика Майрону.

– Дуэйн!

– Да, Валери мне звонила, – чуть слышно отозвался теннисист, – и что?

– С какой целью?

– Скажем так, мы общались. Очень близко, если понимаешь, о чём я.

– Вы с Валери?... – Не в силах подобрать слов, спортивный агент отчаянно жестикулировал.

Дуэйн медленно кивнул.

– Ничего серьёзного. Было-то всего несколько раз.

– Когда это началось?

– Пару месяцев назад.

– Где вы познакомились?

Теннисист в замешательстве взглянул на Майрона.

– На турнире.

– На каком?

– Точно не помню. Кажется, в Нью-Хейвене. Началось и быстро закончилось.

– Так почему ты соврал полиции?

– Сам не догадываешься? – возмутился Дуэйн. – Там же была Ванда! Я очень ею люблю. Да, ошибся, признаю, но делать ей больно не хотелось.

– А мне почему не доверился?

– То есть?

– Несколько минут назад я задал вопрос, что же ты правду не сказал?

– По той же причине.

– Ванды здесь нет.

– Слушай, мне стыдно, понял?

– Стыдно?

– Связь на стороне не повод для гордости.

Болитар взглянул на подопечного. В любимых «рэй-банах» его лицо казалось спокойным и непроницаемым, как у робота. Но что-то было не так. Стыд и раскаяние – это хорошо, но двадцатидвухлетние спортсмены-профессионалы не стесняются рассказывать агентам о своих шалостях. В общем, предлог похвальный, только доверия не внушает.

- Если интрижка закончилась, зачем Валери снова позвонила?
- Не знаю. Опять захотела встретиться. Думаю, в последний раз.
- И ты согласился?
- Нет. Сказал: больше ничего не будет.
- Что ещё говорил?
- Ничего.
- А Валери?
- Тоже ничего.
- Точно? Можешь вспомнить хоть что-нибудь?
- Нет.
- Она была расстроена?
- Не знаю, я не почувствовал.

Дверь распахнулась, и в раздевалку потянулись теннисисты, многие из которых поздравляли Дуэйна приторно-фальшивыми голосами. В кулуарах не жалуют восходящих звёзд. Когда в суперэлитный клуб под названием «десятка сильнейших» вступает новичок, один из старожилов его покидает. Это не совет директоров, а беспощадная конкуренция: вокруг не друзья, а соперники, даже враги.

Дуэйн внезапно показался таким одиноким...

- Есть хочешь? – спросил Майрон.
- Умираю от голода.
- Что заказать?
- Пиццу. С сыром и острыми колбасками.
- Одевайся, жду тебя у выхода.

ГЛАВА 16

– Майрон Болитар?

Телефон в машине зазвонил через несколько секунд после того, как спортивный агент высадил Дуэйна у его дома.

- Да.
 - Джерард Кортер из Полицейского управления Нью-Йорка. Сын Джейка.
 - О, привет, Джерард, как дела?
 - Нормально. Вы, наверное, забыли, но однажды мы вместе играли в бейсбол.
 - В Университете штата Мичиган? Как же забыть, если синяки до сих пор остались?
- Смех Кортера-младшего звучал так же, как у отца.
- Рад, что наша встреча оказалась столь памятной!
 - «Памятной»? Если ты имеешь в виду свою игру, то это очень мягко сказано.

Очередной взрыв хохота а-ля Джейк.

– Папа говорит, вам нужна информация по убийству Симпсон.

– Буду премного благодарен.

– Думаю, вы в курсе, что у них есть основной подозреваемый. Некто по имени Роджер Куинси.

– Сталкер.

– Ага.

– Что именно связывает его с убийством? – поинтересовался Майрон. – Помимо преследования Валери?

– Ну во-первых, Куинси подался в бег. Когда на его квартиру выехал наряд, парень исчез вместе с вещами. Где он, никто не знает.

– Возможно, просто перепугался, – предположил Болитар.

– Неудивительно.

– Почему ты так говоришь?

– В день убийства Роджер Куинси был в теннисном центре.

– И свидетели есть?

– Да, несколько.

– Что ещё? – после небольшой паузы спросил Майрон.

– Девушку застрелили из револьвера тридцать восьмого калибра с очень близкого расстояния. Ствол нашли в урне метрах в десяти от места преступления: «смит-и-вессон», спрятанный в полиэтиленовый пакет с символикой «Ферон». На пакете отверстие от пули. «Ферон» – один из спонсоров турнира, компания, имеющая лицензию на продажу товара с официальной символикой чемпионата. Как минимум пять точек сбывают несметное количество сувениров несметному числу людей. Покупателя не вычислишь.

– Значит, убийца приблизился к Валери, – начал Майрон, – на ходу выстрелил через пакет, выбросил его в ближайшую урну, а затем скрылся?

– Похоже, так, – отозвался Джерард.

– Какое хладнокровие!

– Не то слово.

– Отпечатки пальцев на револьвере есть?

– Не-а.

– А свидетели самого выстрела имеются?

– Несколько сотен. К сожалению, все они помнят лишь ужасный звук и как Валери упала.

– Киллеру повезло, – покачал головой Болитар. – Застрелить девушку среди бела дня в таком людном месте...

– Да уж, наглец первостатейный!

– Что-нибудь ещё есть?

– Только один вопрос.

– Выкладывай!

– На каких местах мы будем сидеть в следующую субботу?

ГЛАВА 17

На столе Майрона высились две стопки газетных вырезок трёхлетней давности, аккуратно сложенные Эсперансой. Правая и более высокая стопка – статьи, посвящённые убийству Александра Кросса; низенькая слева – о болезни Валери Симпсон.

Болитар стал просматривать материалы о Валери. Саму историю он уже знал: семья утверждала, что девушка «решила передохнуть», но из «достоверных источников» в прессу просочилась правда: юная звезда тенниса находится на лечении в известной Дилуэртской психиатрической клинике. Несколько дней родственники всё отрицали, потом в газетах замелькали фотографии Валери, гуляющей по закрытой территории клиники. В запоздалом заявлении мать довольно туманно объясняла, что дочь «приходит в себя после нервного истощения, вызванного внешними факторами».

В целом информации было немного: Валери уже сбросили со счетов. И все-таки сплетни распространялись, особенно изданиями, которые не брезгают бульварщиной. В одном писали: срыв у теннисистки произошёл в результате сексуального домогательства, в другом – что на неё напал сталкер, в третьем – что Валери хладнокровно убила человека, хотя сообщить читателям подробности репортёры не удосужились: ни как звали жертву, ни каким способом его/ею убили, ни почему полиция не задержала теннисистку и так далее.

Но самая любопытная сплетня, заинтересовавшая даже Майрона, появилась в двух разных газетах. Итак, по сообщению «анонимных источников», Валери Симпсон спряталась, чтобы скрыть беременность.

Возможно – пустой разговор, возможно – кусочек правды. Конечно, сплетни о беременности появляются всякий раз, когда молодая женщина внезапно перестаёт возвращаться в обществе, тем не менее...

Болитар перешёл к статьям об Александре Кроссе. Эсперанса собирала материал только по изданиям Филадельфии и окрестностей, но вырезок набралось более чем достаточно. В основном истории совпадали с официальной версией полиции. Во время вечеринки в элитном теннисном клубе Александр Кросс случайно натолкнулся на грабителей – Эррола Суэйда и Кертиса Йеллера – и пустился в погоню. На центральном травяном корте вспыхнула драка, и Эррол Суэйд, ударив ножом, попал Александру в сердце. Смерть наступила мгновенно.

Сенатор Кросс и его родственники от комментариев воздержались. По словам пресс-атташе семьи Кросс, они не желают превращать трагедию в шоу и «полностью полагаются на правоохранительные органы и систему правосудия».

Журналисты сосредоточились на розыске Эррола Суэйда. Сперва полицейские самоуверенно утверждали, что поимка парня – дело нескольких часов. Часы превратились в дни, газеты стали обвинять полицию в неспособности задержать девятнадцатилетнего наркомана. Кроссы продолжали хранить молчание. Естественно, история вызвала мощный общественный резонанс: «Почему, – возмущались представители четвертой власти, – Эррола Суэйда вообще отпустили на поруки?»

Однако, как нередко случается, всеобщий гнев скоро утих. Совсем другие истории начали волновать умы обывателей, тесня статьи о Кроссе с первых страниц на последние.

О том, что полицейский застрелил Кертиса Йеллера, деликатно умалчивали, не сообщалось даже о внутреннем расследовании неприятного инцидента. Никто не пикетировал штаб-квартиру местного отделения полиции, протестуя против жестокости и произвола. Обычно, если чёрный паренёк погибает от рук белого копа, почти всегда какой-нибудь совершенно не знакомый с фактами идиот прорывается на телевидение. Но в этот раз ничего подобного не случилось, по крайней мере в прессе не сообщалось ни об одном случае.

Стоп, а это что?

Статья о Кертисе Йеллере. Сначала она ускользнула от внимания Майрона, потому что вышла в первый же день после убийства. Рановато, особенно для подобной ситуации. Наверное, проскочила прежде, чем сенатор перекрыл кислород излишне любопытным журналистам, хотя, возможно, Кросс-старший тут вообще ни при чем.

Небольшая заметка притаилась в нижнем углу страницы двенадцать, где печатают мелкие городские новости. Майрон перечитал её дважды, потом ещё раз. Журналисты рассказывали не о перестрелке на западе Филадельфии и не о роли полиции в упомянутом происшествии, а о самом Кертисе Йеллере.

Начиналось всё в духе классических дифирамбов: Кертиса Йеллера называли «гордостью школы». Ничего необычного: пав от пули белого копа, мучающие детей психопаты с ай-кью репы нередко превращаются в отличников. Очень в духе «Костра честолюбивых устремлений» Тома Вулфа. Однако та история пошла чуть дальше. Миссис Люсинда Элрайт, учительница истории, называла Кертиса «лучшим учеником» и парнем, у которого «никогда не было проблем с полицией», а учительница английского приписывала Йеллеру «необыкновенную тягу к знаниям и сообразительность», мол, он «был ей как сын», таких «один на миллион».

Обычная хвала в адрес погибшего?

Возможно, и так, но слова учителей подтверждала школьная статистика. У Кертиса ни одного серьёзного нарушения, самая лучшая посещаемость в классе, а средний балл – 3,9 из четырёх возможных. Педагоги чуть ли не хором твердили: Йеллер на насилие не способен. Миссис Элрайт винила во всем кузена Кертиса – Эррола Суэйда, мол, других причин просто не существует.

Откинувшись на спинку стула, Майрон смотрел на черно-белый постер с кадром из «Касабланки». Нацисты наступают, а пианист Сэм играет Богарту и Бергман «Серенаду солнечной долины». «Детка, здесь оставаться нельзя. Париж всегда будет с нами. Но ты должна сесть на самолёт...» Интересно, юный Кертис смотрел этот фильм? Видел черно-белые слезы Ингрид Бергман в окутанном туманом аэропорту?

Достав из-под стола баскетбольный мяч, Болитар стал крутить его на указательном пальце. Ловкие руки вращали мяч под оптимальным углом, чтобы и с оси не смещать, и скорость не падала. Получилось размытое рыже-бурое пятно. Глядя на него, словно гадалка в хрустальный шар, Майрон увидел другой, параллельный мир, а в нём себя, молодого, полного сил, делающего точный бросок из трёхочковой зоны в последнюю минуту матча. На этом образе лучше не заикливаться, но он, не желая исчезать, занимал всё воображение...

В кабинет вошла Эсперанса, села и стала ждать.

Мяч перестал вращаться, Майрон спрятал его под стол, а потом передал компаньонке статью:

– Вот, посмотри!

– Несколько учителей хвалят погибшего ученика, – сказала девушка, пробежав глазами текст, – и что такого? Наверняка журналисты половину переврали.

– Нет, это не просто пара обычных комплиментов. У Кертиса Йеллера не было проблем ни с полицией, ни со школьной администрацией, зато почти безупречная посещаемость и средний балл 3,9 из четырёх возможных. А ведь наш парень из трущоб Филадельфии.

– При чём тут это? – пожала плечами Эсперанса. – Какая разница, кем был Йеллер, Эйнштейном или идиотом?

– Никакой. Просто ещё одно несоответствие. Зачем мать Кертиса назвала сына негодным воришкой?

– Может, она знала больше учителей?

Спортивный агент покачал головой: перед глазами встала Диана Йеллер: гордая и элегантная, когда открывала дверь, но, стоило упомянуть погибшего сына, внезапно настороженная и недоброжелательная.

– Она солгала.

– С какой целью?

– Не знаю. По мнению Уина, её подкупили.

– Мысль неплохая, – кивнула Эсперанса.

- Что, мать согласилась на взятку, чтобы покрыть убийцу сына?
- Почему бы и нет? – пожала плечами компаньонка.
- Ты веришь, что мать... – Майрон осёкся. На лице Эсперансы полная невозмутимость – вот ещё один человек, который всегда верит в худшее. – Задумайся над этой версией хоть на секунду! Кертис Йеллер и Эррол Суэйд среди ночи проникают на территорию элитного теннисного клуба. Зачем? Чтобы обворовать? А что красть-то? Время позднее, кошелек в раздевалке не найдёшь. Так что они хотели унести? Кроссовки? Пару ракеток?
- Может, им стереоустановка понравилась, – задумчиво проговорила Эсперанса. – А в некоторых клубах есть широкоэкранные телевизоры.
- Хорошо, допустим, ты права. Проблема только в том, что машину они не взяли: добирались общественным транспортом, а потом пешком. Как же они планировали нести награбленное? В руках?
- Ну, вдруг собирались угнать машину?
- С охраняемой стоянки?
- Всё может быть, – пожала плечами компаньонка. – Не возражаешь, если на секунду сменю тему?
- Конечно, нет.
- Как прошла встреча с Эдди Крейном?
- Страстный фанат Маленького Пончо. Говорит, она настоящая красotka.
- Красotka?
- Угу.
- У мальчика отличный вкус, – кивнула Эсперанса.
- Характер ещё лучше. Мне он понравился: умный, отлично понимает, что хочет. Чудо, а не парень.
- Хочешь его усыновить?
- М-м-м, нет.
- А представлять его интересы?
- Родители обещали перезвонить.
- Сам-то что думаешь?
- Трудно сказать. Я мальчишке понравился, а родителей смущает, что агентство маленькое. – Майрон сделал паузу. – Как дела с «Бургер-сити»?
- Девушка протянула папку с документами:
- Предварительный контракт для Фила Соренсона.
- На съёмку рекламного ролика?
- Только ему придётся нарядиться соусом.
- Каким именно?
- Кетчупом.
- Главное, что не майонезом! – Болитар просмотрел контракт. – Отлично, цифры приятные. Глаза Эсперансы прожигали насквозь.
- Даже более чем приятные, – как можно шире улыбнулся Майрон.

- Здесь по сценарию я должна потерять голову от твоей похвалы? – Девушка показала на стопку газетных вырезок. – Мне удалось отыскать психиатра, у которого наблюдалась Валери во время пребывания в Дилуэрте. Доктор Джулия Абрамсон, сейчас ведёт частную практику на Семьдесят третьей улице. Естественно, с тобой встречаться не желает, равно как и обсуждать своих пациентов.
- Женщина-психиатр, – задумчиво проговорил Майрон. – Возможно, удастся очаровать её острым умом и подтянутым телом.
- Безусловно, – кивнула Эсперанса. – Но на случай если она не даун, я придумала альтернативный план.
- Какой?
- Позвонила к ней в офис и, слегка изменив голос, соврала, что ты потенциальный пациент, и записала на приём. Итак, доктор Абрамсон ждёт тебя завтра в девять утра.
- А какое у меня расстройство?
- Хронический приапизм.[18]
- Очень смешно!
- Вообще-то с тех пор, как уехала эта... забыла имя... наступило значительное улучшение.
- «Этой... забыла имя» была Джессика, что Эсперанса прекрасно помнила. Компаньонка Майрона явно недолюбливала его девушку. Заподозрив ревность, сторонний наблюдатель попал бы пальцем в небо. Да, Эсперанса хороша собой, и, как следствие, между ней и Майроном не раз вспыхивали искры взаимного влечения, однако тот или другая оказывались достаточно благоразумными, чтобы вовремя затушить опасное пламя. К тому же факт оставался фактом: в выборе возлюбленных мисс Диас нравилось разнообразие, причём диапазон не ограничивался ростом, весом или цветом кожи потенциального кандидата. К примеру, сейчас она встречалась с фотографом, которого звали Люси. Лю-си. Для тех, кто не понял, имя женское.
- Нет, причина неприязни куда проще: на глазах Эсперансы Джессика бросила Майрона, и, понаблюдав за мытарствами шефа, компаньонка затаила злобу.
- Так чем, ты сказала, я болен?
- Ну, однозначного ответа я не дала. Слышишь голоса, страдаешь от параноидной шизофрении, обмана слуха, зрения и так далее.
- Как тебе удалось так быстро договориться о приёме?
- Заявила, что ты кинозвезда.
- Как меня зовут?
- Не уточнила, – хитро улыбнулась Эсперанса. – Ты слишком популярен.

ГЛАВА 18

Кабинет доктора Джулии Абрамсон располагался на углу Тридцать седьмой улицы и Сентрал-парк-уэст. Чуть севернее, около парка, стоит небоскрёб «Сан-Ремо», где поселились Дастин Хоффман и Дайан Китон. Одно время к ним хотела присоединиться Мадонна, но владельцы решили, что она им не подходит. Квартира Уина немного южнее, в «Дакоте», где жил Джон Леннон; пересекая внутренний двор, всякий раз проходишь мимо подъезда, где застрелили человека, которого называют Эйнштейном рок-н-ролла.

У входа в кабинет ажурные решётки из кованого железа. Интересно: они для красоты или для безопасности? Ответ Майрон не знал, но в том, что психиатр защищён пусть даже ажурной решёткой, разглядел какую-то иронию.

Ладно, не какую-то, а чётко ощутимую и горькую.

Болитар нажал на кнопку звонка и, услышав писк зуммера, вошёл. На приём он надел самые дорогие солнцезащитные очки из своей коллекции, хотя на улице было облачно. Конечно, что ещё носить мистеру Кинозвезде!

Администратор – аккуратно одетый парень с модным галстуком – пропел:

– Доброе утро!

Наверное, по должностной инструкции его голос должен звучать умиротворяюще, но получилось больше похоже на мяуканье кошки, попавшей в лапы живодёра.

– Я к доктору Абрамсон, мне назначено на девять часов.

– Да, конечно! – оживился администратор и, вглядываясь в лицо посетителя, явно гадал, какая из звёзд к ним пожаловала. Майрон поправил тёмные очки. – Пожалуйста, пока есть время, заполните карточку.

Спортивный агент изобразил раздражение от внезапно возникшего неудобства.

– Это простая формальность, – оправдывался администратор. – Вы же знаете, у докторов так принято.

– Ну ладно, – вздохнул Майрон.

Когда он закончил писать, парень попросил карточку обратно.

– Её увидит только доктор Абрамсон! – заявил Болитар.

– Сэр, уверяю вас...

– Наверное, я выразился недостаточно чётко. – Отлично, настоящий мистер Несговорчивость, очень в духе кинозвёзд! – Мою карточку увидит только доктор Абрамсон.

Администратор молча надулся. Через несколько минут зазвонил телефон внутренней связи, парень поднял трубку и практически тут же повесил.

– Пожалуйста, проходите.

Доктор Абрамсон была миниатюрной: ростом под метр пятьдесят пять и весом килограммов сорок. Вся какая-то карликовая, сморщенная, но глаза... На крошечном кукольном личике они казались огромными маяками, источающими яркий тёплый свет. От таких ничего не укроется!

Женщина протянула Майрону детскую ладошку.

– Пожалуйста, садитесь! – предложила она. Болитар послушался, а доктор устроилась напротив. – Можно мне взглянуть на вашу карточку?

– Конечно. – Майрон протянул заполненный формуляр, и доктор пробежала его глазами.

– Вы Брюс Уиллис?!

На губах спортивного агента заиграла кривоватая, но весьма эффектная улыбка. Очень в стиле «Крепкого орешка».

– Что, не узнали меня в темных очках?

– Вы совершенно непохожи на Брюса Уиллиса.

– Хотел назваться Харрисоном Фордом, но он слишком старый.

– С Фордом у вас и то больше сходства, – заявила хозяйка кабинета, а присмотревшись повнимательнее, добавила: – А больше всего – с Лайамом Нисоном. – Видимо, доктора Абрамсон не слишком задела шутка Майрона. В конце концов, она дипломированный психиатр, привыкла общаться с неуравновешенными личностями. – Может, скажете, как вас зовут на самом деле?

– Майрон Болитар.

Кукольное личико озарила улыбка почти такой же лучезарности, как глаза.

– Конечно, я так и подумала! Вы звезда баскетбола!

– Пожалуй, «звезда» сказано слишком громко, – зарделся Майрон.

– Ну, мистер Болитар, не надо скромничать! Восьмой отобранный в первом раунде драфта, попадание во «Всеамериканскую сборную» три года подряд, две командных победы в чемпионатах Национальной студенческой спортивной ассоциации, одно звание «Лучший игрок года».

– Вы любите баскетбол?

– Я фанатка, страстная и внимательно за всем следящая. – Джулия Абрамсон откинулась на спинку стула, словно ребёнок в огромном кресле-качалке. – Если мне не изменяет память, вы дважды попадали на обложку «Спорте иллюстрейтед». С игроками университетской команды такое нечасто случается. Ещё вы отлично учились, по успеваемости шли одним из лучших не только в университете, но и в стране, охотно общались с прессой и считались довольно симпатичным.

– Не совсем верно лишь последнее: не считался, а был, – уточнил Майрон.

Доктор засмеялась очень славно, искренне, непринуждённо.

– Так, мистер Болитар, рассказывайте, какие у вас проблемы.

– Пожалуйста, зовите меня просто Майрон.

– Чудесно, а вы меня – доктор Абрамсон. Так в чём проблема?

– У меня ни в чём.

– Понятно. – Майрон почувствовал: опытный психиатр от души веселится. – Выразимся иначе: проблемы у вашего «друга». Пожалуйста, расскажите мне всё от начала до конца.

– Моего друга, вернее, подругу, зовут Валери Симпсон.

– Что? – искренне удивилась доктор.

– Мне хотелось бы поговорить о Валери Симпсон.

Улыбка погасла, по-дружески открытое лицо превратилось в маску.

– Вы ведь не журналист?

– Нет.

– Насколько я помню, вы стали спортивным агентом.

– Так и есть. Валери обратилась к нам за услугами.

– Ясно...

– Когда вы в последний раз видели Валери? – спросил Майрон.

– Я не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Валери Симпсон была моей пациенткой.

– Не нужно ни подтверждать, ни отрицать, мне и так известно.

– Повторяю: я не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Валери Симпсон была моей пациенткой. – Доктор пронзила Майрона внимательным взглядом. – Лучше расскажите, откуда у вас такой интерес?

– Как я уже говорил, мисс Симпсон обратилась ко мне за услугами.

– Это не объясняет ваш приход ко мне под чужим именем.

– Я расследую её убийство.

– Расследуете?

Болитар кивнул.

– Кто вас нанял?

– Никто.

- Тогда зачем вы этим занимаетесь?
- Есть свои причины.
- Что за причины, Майрон? – вкрадчиво спросила доктор Абрамсон. – Мне бы очень хотелось о них услышать.
- Вот она, прикладная психиатрия в действии!
- Может, заодно рассказать, сколько раз я заставлял папу с мамой в постели?
- Если желаете.
- Нет, не желаю. Желаю узнать, почему у Валери Симпсон случился нервный срыв.
- Ответ – что мелодия с заезженной пластинки:
- Я не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Валери Симпсон была моей пациенткой.
- Врачебная тайна?
- Именно.
- Но Валери мертва.
- Это не освобождает меня от обязательств перед девушкой.
- Её убили, хладнокровно застрелили в теннисном центре.
- Понимаю, но драматическое изложение фактов тоже ничего не меняет.
- Возможно, вы знаете нечто ценное.
- «Ценное» в каком плане?
- В плане поимки убийцы.
- Доктор сложила маленькие ладони на коленях: ни дать ни взять девочка в церкви.
- Так это ваша цель? Отыскать убийцу молодой особы?
- Да.
- А полиция на что? Насколько я слышала из новостей, у них есть подозреваемый.
- Я не доверяю представителям правопорядка, – отозвался Болитар.
- Правда?
- Именно поэтому и решил помочь.
- А не в другом ли причина?
- Что?
- У вас скорее комплекс Дон Кихота. Таким людям нравится играть в героев и представлять себя рыцарем в сияющих доспехах.
- Давайте отложим анализ моей личности на потом.
- Доктор пожалла кукольными плечами.
- Просто выражаю своё мнение. Дополнительная плата за него не взимается.
- Чудесно! – «Дополнительная плата»? – Боюсь, полиция подозревает не того человека.
- Правда?
- Поэтому и пришёл к вам за помощью. Наверное, Валери рассказывала, как ею преследовал Роджер Куинси. Она считала его опасным?
- Повторяю в последний раз: я не стану ни подтверждать, ни отрицать...
- Я спрашиваю вовсе не об этом, а о Роджере Куинси. По отношению к нему у вас нет никаких обязательств.
- Я не знакома с этим человеком.

– А как насчёт экспресс-анализа, вроде того, что вы провели со мной?

Доктор покачала головой.

– Извините, не могу.

– Неужели нет способа вывести вас на откровенность?

– О пациентке? Ни единого.

– А если я получу согласие родителей?

– Не получите.

Майрон попытался проанализировать ситуацию. У доктора Абрамсон ему учиться и учиться: кукольное лицо непроницаемое, но ведь сказанного не вернёшь.

– Откуда вы знаете?

Психиатр молчала. Огромные глаза внимательно изучали пол. Майрону показалось, что ошибка была намеренной.

– Они звонили вам, верно?

– Я не имею права обсуждать разговоры, которые веду...

– Звонили родственники Валери и велели держать язык за зубами.

– Я не стану ни подтверждать...

– Тело остыть не успело, а они уже следы замечают, – продолжал Майрон. – Неужели вам это не кажется подозрительным?

Доктор Абрамсон откашлялась.

– Ваших намёков я не понимаю, однако хочу сказать следующее: в ситуации, подобной той, что описали вы, со стороны родителей весьма разумно защищать память дочери.

– Её память? – Болитар поднялся, изображая адвоката во время заключительной речи. – Или её убийцу?

Майрон – мистер Драматизм и Эмоциональность.

– А вот это уже явная глупость! Вы же не подозреваете родственников погибшей?

Опустившись на стул, спортивный агент кивнул, стараясь показать, что возможно все.

– Дочь Хелен ван Слайк убивают, а буквально несколькими часами позже безутешная мать звонит вам с настойчивой просьбой помалкивать.

– Я не стану ни подтверждать, ни отрицать, что ранее слышала о Хелен ван Слайк.

– Поня-ятно, – протянул Болитар. – Вы считаете, лучше спустить всё на тормозах, сдержаться, промолчать, позволить иллюзии восторжествовать над реальностью. Док, почему-то мне кажется, вам это не очень по душе.

Психиатр молчала.

– Пациентка мертва, – не сдавался спортивный агент, – по-моему, у вас обязательства перед ней, а не перед её матерью.

На долю секунды кукольные ручки сжались в кулаки. Доктор Абрамсон набрала в грудь побольше воздуха, задержала, потом медленно выдохнула.

– Давайте представим – только представим, – что я действительно наблюдала юную леди. Разве это не налагает вето на разглашение того, что она доверила под строжайшим секретом? Если пациентка хранила тайну при жизни, разве не должна я уважать такое решение и после её смерти?

Майрон многозначительно посмотрел на женщину, но та спокойно встретила его взгляд.

– Впечатляющее выступление! Но вдруг Валери хотела что-то обнародовать? Вдруг убийца лишил её этого права?

Большие яркие глаза рассеянно замигали.

– Пожалуй, вам лучше уйти.

Психиатр нажала на кнопку селектора внутренней связи, и тотчас вошёл администратор. Скрестив на груди руки, он старался выглядеть устрашающе. Нельзя сказать, чтобы попытка имела шумный успех.

Спортивный агент поднялся: зерно сомнения посажено, остаётся терпеливо ждать, пока оно прорастёт.

– Вы хоть подумаете над моими словами?

– До свидания, Майрон.

Администратор шагнул в сторону, позволяя агенту пройти.

ГЛАВА 19

Из трёх свидетелей убийства Александра Кросса – и приятелей по колледжу одновременно – в Нью-Йорке остался только один. Грегори Кофилд теперь был младшим партнёром в юридической фирме своего отца. «Стиллен, Кофилд и Уэстон» считалась влиятельной и успешной компанией с филиалами в нескольких штатах и за рубежом.

Набрав номер, Майрон попросил Грегори Кофилда-младшего, и его звонок был, естественно, поставлен на удержание.

Через несколько секунд трубку взяла женщина:

– Сейчас соединю вас прямо с мистером Кофилдом.

Послышался щелчок, один гудок, а потом восторженный голос:

– Салют!

Салют?

– Это Грегори Кофилд?

– Он самый! чём могу помочь?

– Меня зовут Майрон Болитар.

– Угу.

– Хотел бы попросить вас о встрече.

– Без проблем! Когда вам удобно?

– В ближайшее время.

— Давайте через полчаса. Согласны?

– Конечно, спасибо большое!

– Отлично, Майрон, до встречи!

Снова щелчок.

Отлично?

Через пятнадцать минут спортивный агент был уже в пути и быстро шагал по Парк-авеню мимо мечети, на ступеньках которой им с Уином так нравилось завтракать. Лучшего места, чтобы поглазеть на женщин, не придумаешь. Можно сказать без всякого преувеличения: в Нью-Йорке живут самые красивые женщины на свете. Они носят деловые костюмы, кроссовки, тёмные очки, а порой всё вместе. Спешат к своим высоким целям, времени даром не теряют. Как ни странно, ни одна из красоток не смотрела на Майрона. Наверное, дело в природном благоразумии, да и солнцезащитные очки скрывали пылкие заинтересованные взгляды.

Свернув на запад, Майрон вышел на Мэдисон-авеню. По ходу попалась пара магазинов электроники с вывесками «Ликвидация бизнеса! Полная распродажа!», которые висели уже с год. Причём вывески похожи, как родные сестры: белый фон, черные буквы. Слепой нищий протягивал кружку: надо же, теперь взамен даже безделушки с календариками не предлагают! А собака-поводырь, похоже, дохлая. На углу над чем-то смеялись копы – и жевали круассаны. Круассаны, а не пончики! Все, ещё одна традиция утрачена.

В фойе административного здания «Стиллен, Кофилд и Уэстон», у самого лифта, дежурил охранник.

– Слушаю вас, сэр!

– Майрон Болитар к Грегори Кофилду.

– Да, мистер Болитар, вам на двадцать четвёртый этаж. Хм, ни Кофилду не позвонил, ни удостоверение личности не проверил.

Странно...

Когда двери лифта открылись, Майрон увидел милостивую женщину.

– Добрый день, мистер Болитар! Пожалуйста, пройдёмте со мной.

Спортивного агента повели подлинному, застланному корпоративно-розовым ковром коридору с постерами Брайана Макнайта[19] на выкрашенных в белый цвет стенах. Вместо стука печатных машинок Майрон уловил жужжание лазерного принтера, факсовый аппарат пищал, посылая сигнал далёкому брату: по чьей-то команде устройство громкой связи набирало номер. Когда свернули за угол, показалась вторая, столь же милостивая женщина. Повсюду пластиковые улыбки и приторно-профессиональная вежливость.

– Здравствуйте, мистер Болитар! – поприветствовала дама номер два. – Рада вас видеть!

– А я вас! – тоном Джека-Потрошителя отозвался Майрон.

Словно эстафетную палочку номер один передала гостя номеру два.

– Мистер Кофилд ждёт в конференц-зале «К», – заявила дама номер два, понизив голос, словно конференц-зал «К» был секретной комнатой во чреве Пентагона.

Болитара подвели к двери, ничем не примечательной, за исключением гигантской бронзовой «К». За считанные секунды Майрон пришёл к заключению: перед ним заветный конференц-зал! Вот так «Приключения Шерлока Болитара»... Дверь открылась изнутри. Молодой человек с густой шевелюрой в стиле телеведущего Джорджа Стефанопулоса схватил руку гостя и с воодушевлением сжал:

– Привет, Майрон!

– Привет, Грегори! – Можно подумать, они сто лет друзья!

– Пожалуйста, заходи, хочу тебя кое с кем познакомить.

Спортивный агент вошёл в зал. Большой стол из орехового дерева, дорогой; стулья с обивкой из темной кожи, судя по маленьким золотым кнопкам, тоже дорогие. Вокруг никого, лишь за дальним концом стола пожилой мужчина. Майрон тотчас его узнал, хотя они никогда раньше не встречались.

Сенатор Брэдли Кросс.

Грегори не удосужился представить их друг другу, он даже остаться не удосужился: скользнул за дверь и осторожно ею прикрыл.

Сенатор поднялся. Его черты совершенно не соответствовали сложившимся представлениям об аристократическом облике потомственных политиков. Говорят, люди похожи на своих домашних животных; в таком случае у сенатора Кросса должен был жить бассет. Лицо вытянутое, щеки обвислые. Прекрасно скроенный костюм не скрывал грушеобразную фигуру, которую у женщины называли бы идеальной для материнства. Тонкие седые волосы слипались от статического электричества. Очки не скрывали кривоватой, но славной улыбки, да и лицо в целом можно было назвать славным, внушающим доверие. За такие лица избиратели отдают голоса.

Сенатор неспешно протянул руку.

– Простите за мелодраматизм, но мне показалось, что нам нужно встретиться.

Болитар осторожно пожал пухлую ладонь.

– Пожалуйста, садитесь. Устраивайтесь поудобнее. Выпьете что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Мужчины молча смотрели друг другу в глаза. Майрон ждал, а сенатор, похоже, не знал, как начать. Он несколько раз кашлял в кулак; при каждом звуке обвислые щеки сотрясались.

– Догадываетесь, почему я хотел вас видеть? – спросил сенатор.

– Нет.

– Насколько мне известно, вы сильно интересуетесь моим сыном, точнее, его убийством.

– Где вы это слышали?

– Тут и там, повсюду. У меня есть источники. – Кросс наклонил голову, как делают бассеты, уловив странный звук. – Может, объясните почему?

– Валери Симпсон собиралась стать моим клиентом.

– Именно так мне говорили.

– Я расследую обстоятельства ею смерти.

– Считаете, между убийствами Валери и Александра существует связь?

Спортивный агент пожал плечами.

– Шесть лет назад в предместье Филадельфии моего сына зарезал уличный бандит. Валери в типично гангстерской манере застрелили во «Флашинг-Медоус». Где же связь?

– Возможно, нигде.

Откинувшись на спинку кресла, сенатор стал нервно хрустеть пальцами.

– Майрон, буду откровенен: я навёл кое-какие справки о вас и вашем прошлом. Не детали выяснял, а только что вы за человек. Не хочу использовать связи, это вообще не в моем стиле. Терпеть не могу играть мускулами. – На губах снова заиграла кривоватая улыбка, но глаза увлажнились, а голос задрожал. – Сейчас я говорю с вами не как сенатор Соединённых Штатов, а как безутешный отец. Безутешный отец, который желает, чтобы его сын покоился с миром. Прошу вас, умоляю, остановите расследование!

В словах Брэдли Кросса звучала неподдельная боль. Ничего подобного Майрон не ожидал.

– Сэр, я не могу этого обещать.

Отец Александра интенсивно тёр щеки ладонями.

– Представьте, двое молодых людей... – устало начал он. – Двое молодых людей, у которых вся жизнь впереди, практически обручённые... И что? Оба погибают от рук жестоких убийц с разницей в шесть лет. Совпадение просто невероятное, вам так не кажется?

Майрон кивнул.

– Вы начинаете изучать обстоятельства их смерти, ищите некое объяснение ужасной двойной трагедии, а находите несоответствия. Кусочки головоломки просто не сходятся.

– Точно.

– Несоответствия наводят на мысль, что убийства Валери и Александра взаимосвязаны.

– Вполне вероятно.

Воздев глаза к потолку, сенатор приложил к губам указательный палец.

– Поверите на слово, что к Валери Симпсон эти совпадения не имеют ни малейшего отношения?

– Нет, – покачал головой Майрон, – не могу.

Брэдли Кросс кивнул, скорее себе, чем Болитару.

– Так я и думал. У вас ведь нет детей?

– Нет.

– Впрочем, даже счастливые отцы и матери не в силах понять... Дело не только в боли. Смерть ребёнка... разъедает изнутри, не даёт забыться ни на секунду, дух перевести не позволяет. Моей жене до сих пор чуть ли не ежедневно колют транквилизаторы. Из неё будто всю душу выскребли, оставив жалкую оболочку.

– Сенатор, я не хотел причинять боль...

– Но ведь и останавливаться не желаете! Несмотря на все меры предосторожности, кто-нибудь обязательно услышит о вашем расследовании.

– Постараюсь быть очень деликатным.

– Сами понимаете: это нереально.

– Простите, но дать делу задний ход уже невозможно.

Сенатор снова кивнул своим мыслям.

– Похоже, вы не оставили мне выбора: придётся рассказать, как всё произошло. Может, это убедит вас бросить расследование?

Майрон ждал.

– Вы ведь адвокат, верно?

– Да.

– Член нью-йоркской коллегии?

– Да.

Брэдли Кросс полез в нагрудный карман пиджака. От малейшего движения желтоватая кожа на лице собиралась в складки. На стол легла чековая книжка.

– Хочу нанять вас в качестве адвоката. Пяти тысяч для предварительного гонорара достаточно?

– Не понимаю.

– Став моим адвокатом, вы приобретёте право не разглашать полученную от меня информацию. Без моего разрешения вы даже на суде не сможете обнародовать то, что сейчас услышите.

– Для этого не стоит меня нанимать.

– Мне бы все-таки хотелось.

– Отлично, тогда снизим гонорар до ста долларов.

Брэдли Кросс выписал чек и вручил Майрону.

– Мой сын употреблял наркотики, – без всякой преамбулы заявил сенатор. – В основном кокаин. Героин тоже, но сесть на него не успел. Я знал: он чем-то балуется, однако надеялся, что скоро парень перебесится и возьмётся за ум. Черт, я и сам марихуану курил, даже нюхать пробовал... – На блеклых губах заиграла слабая улыбка. – В ту ночь Александр и его друзья отправились не просто гулять по территории клуба. Они, как сейчас говорят подростки, ширяться собрались. В кустах недалеко от места убийства нашли кокаин, в кармане моего сына – шприц, а в его организме – следы кокаина и героина. Причём не только в крови, но и в тканях, что означает: парень основательно познакомился с новым зельем.

– Мне казалось, вскрытие не проводилось.

– Оно держалось в строжайшем секрете: никакой огласки, я даже протоколировать результаты не разрешил. Впрочем, жизнь моего сына оборвал нож, а не наркотики; то, что он принимал запрещённые препараты, к делу совершенно не относится.

«Кто знает», – подумал Майрон, стараясь сохранить лицо непроницаемым.

Кросс задумчиво смотрел вдаль.

– На чём я остановился? – спросил он через некоторое время.

– Как парни отправились ловить кайф.

– Спасибо, верно. – Сенатор расправил плечи. – Дальше события развивались с предельной простотой: на одном из травяных кортов ребята наткнулись на Кертиса Йеллера и Эррола Суэйда. В газетах трубили о храбрости Александра: мол, забыв о себе, он пытался остановить злоумышленников. Мои пиарщики постарались на славу. На самом деле он накачался до того, что сам полез в драку, супергероем себя возомнил. Молодой Йеллер – тот, которого застрелил полицейский, – бросил награбленное и пустился наутёк. А вот Эррол Суэйд оказался покруче: выхватил нож и проткнул моему мальчику сердце, словно воздушный шар. Не долго думая, или, как говорят, походя...

Брэдли Кросс осёкся. Майрон терпеливо ждал продолжения, потом, сообразив, что саге об Александре конец, спросил:

– Что они делали в клубе?

– Кто «они»?

– Суэйд и Йеллер.

– Воровали, естественно, – удивлённо отозвался сенатор.

– Почему вы так решили?

– Зачем ещё эти парни туда явились?

– Продать наркотики вашему сыну, – пожал плечами Майрон. – Забрать выручку. Это куда правдоподобнее, чем ночное ограбление теннисного клуба.

– Их взяли с поличным! – пожал плечами Кросс. – Йеллер нёс мячи и ракетки.

– Кто вам сказал?

– Грегори Кофилд и прочие. Кое-что нашли на месте преступления.

– Мячи и ракетки?

– Наверное, было и другое, просто я не помню.

– Так они за этим пришли? – недоумевал Майрон. – За теннисным инвентарём?

– В полиции решили: мой сын не дал «гостям» стащить все, что те хотели.

– Но ведь Александр поймал их на корте. Раз Йеллер с Суэйдом что-то стащили, значит, в раздевалке уже побывали.

– На что вы намекаете? – разозлился сенатор. – Моего сына убили, потому что они с Йеллером не договорились о цене на героин?

– Просто пытаюсь найти самое правдоподобное объяснение.

– Убийство из-за наркотиков делает связь с убийством Валери очевиднее?

– Нет.

– Так к чему вы ведёте?

– Ни к чему, всего лишь проверяю на прочность различные версии. Что случилось потом? Сразу после убийства?

Отец Александра снова посмотрел вдаль, на этот раз в сторону одного из портретов. Но видел ли он его? Болитар искренне сомневался.

– Грегори и остальные побежали за подмогой, – тихо рассказывал Кросс. – Бросившись вслед за ребятами, я увидел... Из рта Александра хлестала кровь. Когда я над ним склонился, мой сын был уже мёртв.

Неловкая пауза.

– Нетрудно представить, как события развивались дальше. Очень помогли друзья, в первую очередь отец Грегори, он здесь старший партнёр. Я лишь стоял в сторонке и молча кивал. Не стану лгать, что я не осознавал значимости происходящего. Полностью осознавал. Привычка – вторая натура, Майрон, а политики – махровые эгоисты. Собственные амбиции мы ловко и без труда переименовываем в «общее благо», отчасти поэтому и появилась на свет отретушированная история.

– А если правда всплывёт?

– Тогда мне конец, – криво улыбнулся Кросс. – Хотя это уже нестрашно... Илия снова себя обманываю, кто знает? – Сенатор воздел руки к потолку. – Моей жене известна только сказка... Не представляю, как она отреагирует, ей-богу, не представляю! Александр был хорошим сыном, и я не хочу, чтобы после смерти о него вытирали ноги.

В конце концов, наркотики не делают Эррола Суэйда невиновным, а моего сына – преступником. Он не просил, чтобы его убивали.

Выдержав секундную паузу, Майрон задал неожиданный вопрос:

– А как насчёт Дианы Йеллер?

– Кого? – удивился сенатор.

– Матери Кертиса.

– При чём тут она?

– Вы с ней не общались?

– Конечно, нет! Почему вы спрашиваете?

– И никогда не платили, чтобы она молчала?

– Молчала о чем?

– О некоторых обстоятельствах гибели его сына.

– Нет! С какой стати?

– Видите ли, вскрытие Кертиса Йеллера так и не провели. Странно, да?

– Если намекаете, что они не действовали в строгом соответствии с инструкциями, то я тут ни при чём, потому что мне ничего не известно и по большому счёту всё равно. Признаюсь, я и сам думал: как же полицейский застрелил Йеллера? Возможно, в ту ночь не я один прятал концы в воду; если и так, это произошло без моего участия. Только я не понимаю, каким образом тут замешана Валери. Если честно, не вижу никакой связи.

– Она ведь присутствовала на вечеринке?

– Кто, Валери? Конечно!

– Можете сказать, где она находилась в момент убийства Александра?

– Нет.

– Помните, как мисс Симпсон отреагировала на его гибель?

– Девочка чуть с ума не сошла! Её жениха хладнокровно убили... Валери обезумела от горя и гнева.

– Вы одобряли их отношения?

– Естественно! Валери казалась немного беспокойной, слишком грустной, но в целом очень славной девушкой. Они с Александром прекрасно друг другу подходили.

– В связи с убийством вашего сына мисс Симпсон ни разу не упомянули. Почему?

Складки на щеках мелко задрожали.

– Сами не догадываетесь? В то время Валери Симпсон считалась знаменитой теннисисткой, а постороннего внимания и без того было достаточно. Дело не в том, нравилась нам девушка или нет, просто не хотелось превращать историю в шоу. Мы старались, чтобы в газеты ничего не просочилось.

– В этом случае вам крупно повезло.

– То есть?

– Йеллера убили, Суэйд исчез.

Кросс растерянно заморгал.

– Всё равно не понимаю.

– Остаются они в живых, состоялся бы суд, привлёкший внимание прессы и телевидения. Столько внимания, что даже ваши пиарщики не справились бы.

– Похоже, вы слышали сплетни, – улыбнулся сенатор.

– Сплетни?

– Что я «заказал» Эррола Суэйда, мафия сделала мне одолжение... подобную ересь.

– Признайтесь, сенатор, их участь – просто подарок для вас и ваших пиарщиков. Кроме этих ребят, некому оспаривать гладко причёсанную историю.

– Я не скорбел о печальной судьбе Кертиса Йеллера, а если Эррола Суэйда тоже убили, рыдать не стану. Увы, я лично с членами преступных группировок не знаком. Как ни странно, мне даже в голову не пришло обратиться к услугам мафии. Я поступил иначе: нанял детективов, чтобы разыскали Суэйда.

— Они что-нибудь нашли?

– Нет. Они пришли к выводу, что Суэйд мёртв. Майрон, он был мелким торговцем наркотиками, а такое занятие к долгой жизни не располагает!

Болитар задал ещё несколько вопросов, однако ничего стоящего не выяснил. Через несколько минут мужчины поднялись.

– Не станете возражать, если перед уходом я побеседую с Грегори Кофилдом? – спросил Майрон.

– Лучше не стоит.

– Если ему нечего скрывать...

– Не хочу, чтобы он услышал о том, что я вам сказал. К тому же не забывайте, вы теперь мой адвокат! Хотя Грегори в любом случае не стал бы откровенничать.

– Он сделает, как велите вы.

– Грегори подчиняется только отцу, – покачал головой Кросс, – и разговаривать не будет.

Болитар пожал плечами. Вероятно, сенатор прав. Единственный способ разговорить Кофилда – поведать историю, которую только что рассказал Кросс. Однако благодаря его уловке это стало невозможно. Нужно срочно придумать обходной манёвр. Кофилд – свидетель, задать ему несколько вопросов было бы очень полезно.

Мужчины обменялись рукопожатиями и пронизывающими взглядами. Интересно, Брэдли Кросс – действительно придурковатый старикашка и безутешный отец, правдами и неправдами берегущий память сына? Или этот образ выбран заранее как максимально

подходящий для встречи с Майроном? В сенаторе больше осторожности или доброжелательности? Или то и другое присутствует в равных дозах?

На губах Брэдли Кросса лежала знакомая кривоватая улыбка.

– Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство. Ничего подобного!.. Но не признаваться же в этом сенатору.

ГЛАВА 20

Покинув штаб-квартиру юридической фирмы, Майрон вышел на Мэдисон-авеню. На проезжей части плотная пробка. Пять рядов транспорта на Пятьдесят четвертой улице сливались в один, а остальные четыре были перекрыты благодаря ремонтным работам в типично нью-йоркском масштабе: плотный пар застилал все окрестности. Очень в стиле Данте! Интересно, откуда на проезжей части пар? Болитар собирался перейти Пятьдесят четвертую улицу, когда между рёбер ткнули чем-то острым.

– Ешь землю, козел!

Спортивный агент узнал голос даже раньше, чем увидел заклеенный пластырем нос и черные глаза. Сетка! Он прижимал револьвер к груди Майрона, корпусом закрывая ствол от зевак.

– Моя любимая майка! Господи, ты что, вообще не переодеваешься?

Ли больно ударил его в подреберье.

– Ты, козел, сейчас пожалеешь, что на свет появился! Залезай в тачку!

У тротуара притормозила машина – сине-зелёный «кадиллак» с глубокими царапинами. За рулём сидел дружок Сетки – темнокожий Джим, но Майрон едва его заметил. Всё внимание сосредоточилось на знакомой фигуре, расположившейся на заднем сиденье. Фигура улыбнулась и помахала рукой:

– Привет, Майрон! Как дела?

Аарон...

– Тащи его сюда, Ли!

Сетка Ли снова ткнул Болитара между рёбер.

– Пошевеливайся, козел!

Пришлось сесть рядом с Аароном, а Сетка устроился рядом с Джимом. Передние сиденья, там, куда Уин пролил кленовый сироп, прикрыли полиэтиленом.

Аарон был одет в белоснежный костюм и белые ботинки. Ни носков, ни рубашки нет. Аарон никогда не носил рубашек, предпочитая демонстрировать загорелый, лоснящийся от какого-то масла или жира торс. Кожа гладкая, как попка младенца, будто минуту назад ею счастливый обладатель вышел из лучшего нью-йоркского ваксинг-салона. Аарон – парень крупный, ростом за метр девяносто пять и весом около ста десяти килограммов, причём внушительное сложение тяжелоатлета использовалось не только для острастки. Двигался он с невероятной для таких габаритов скоростью, а длинные черные волосы собирал в конский хвост.

Широкий, в стиле ведущего телешоу, оскал будто прилип к каменному лицу.

– Классная улыбка, Аарон! – похвалил спортивный агент. – Такая зубастая...

– Настоящего мужчину видно по зубам, я сделал это своим жизненным кредо.

– Жаль только Ли его не разделяет! – вздохнул Болитар.

– Ты что мелешь, козел?! – тут же обернулся Сетка.

– Смотри за дорогой! – велел Аарон.

Аарон кинул испепеляющий взгляд на Майрона, в ответ на который тот лишь сладко зевнул, зато Сетка сразу же замолчал. Джим молча вёл машину, а Аарон, откинувшись на спинку сиденья, продолжал улыбаться. Тело так и сияло в лучах полуденного солнца.

– Знаешь, тебе во время электропиляции пару волосков пропустили! – заметил Болитар, глядя в вырез белоснежного пиджака.

К чести Аарона, он даже бровью не повёл.

– Майрон, нам нужно поболтать.

– О чем?

– О Валери Симпсон. В кои-то веки мы на одной стороне.

– Неужели?

– Ты стремишься поймать убийцу Валери, мы тоже.

– Мы – значит «ты лично»?

– Да, мистер Эйк полон решимости отдать его в руки правосудия.

– Ну, старина Фрэнк верен амплуа доброго самаритянина.

– А ты верен амплуа клоуна, да, Майрон? – усмехнулся Аарон. – Как ни странно, мы хотим помочь.

– Каким образом?

– Валери Симпсон убил Роджер Куинси. Мистер Эйк хочет использовать для поимки негодяя всё своё колоссальное влияние.

– А взамен?

Изображая шок, Аарон прижал к загорелой груди огромную, размером с крышку люка, но при этом холеную ладонь.

– Майрон, ты мне разбил сердце! Мы протягиваем руку помощи, а ты надменно ею отталкиваешь!

– Да, да, конечно!

– Это одна из редких взаимовыгодных ситуаций, – убеждал гангстер. – Мы решили помочь тебе найти убийцу.

– А что вы выигрываете?

– Абсолютно ничего. – Аарон откинулся на спинку сиденья. – Когда преступник будет найден, полиция займётся чем-то другим, мы займёмся чем-то другим, и ты, Майрон, тоже займёшься чем-то другим.

– А-а...

– Так что артачиться совершенно ни к чему, – добавил обладатель белозубой улыбки. Когда солнце падало под определённым углом, даже смотреть было больно – так ослепительно сверкала кожа. – Забудем былые разногласия! Мы оба хотим разобраться в этой трагической истории. Тебе нужно найти убийцу и передать его в руки правосудия, а нам – чтобы расследование как можно скорее закончилось.

– А если я не уверен в виновности Роджера Куинси? – предположил спортивный агент.

Гангстер удивлённо поднял брови.

– Да ладно тебе, Майрон, у нас есть доказательство!

– Да, но оно косвенное.

– С каких пор это тебя беспокоит? Кстати, появился новый свидетель, мы лишь недавно о нём узнали.

– Что ещё за свидетель?

– Некто видел, как Роджер Куинси разговаривал с твоей любимой Валери минут за десять до убийства.

Болитар молчал.

– Не веришь мне на слово?

- Что за свидетель, Аарон?
- Какая-то домохозяйка, явилась на турнир с детьми. Предвосхищая следующий вопрос, сообщаю: мы на неё не давили.
- Так откуда столько страха?
- В смысле?
- О чём так беспокоится Фрэнк? Зачем посадил мне на хвост Старски и Хуча?[20]
- Как ты назвал меня, козел? – снова обернулся Сетка.
- Следи за дорогой, Ли! – велел мистер Зубастая Улыбка.
- Да ладно тебе, Аарон, дай чуток его помять! Видишь, что этот говнюк сделал с моей тачкой? Или на нос мне посмотри! – Сначала машина, потом нос, вот так приоритеты! – Он и его голубой дружок на меня напали! Двое на одного! Считаю, в спину ударили! Дай научить его хорошим манерам!
- Ничего не выйдет, Ли. Вы с Джимом вдвоём не справились!
- Черта лысого не справились! Если бы этот выродок не сломал мне нос...
- Заткнись!

Мёртвая тишина.

Многозначительно посмотрев на Болитара, Аарон развёл руками.

- Дилетанты полнейшие! Фрэнк везде стремится сэкономить: тут приберечь, там недоплатить, а в результате всегда дороже выходит.
- Мне казалось, ты больше не работаешь на Эйков, – заметил спортивный агент.
- Я фрилансер!

– Получается, Фрэнк просто обратился к тебе за помощью?

– Да, сегодня утром.

– Значит, дело серьёзное, расценки-то у тебя будь здоров!

Гангстер снова показал зубы и смахнул с белоснежного пиджака невидимую пылинку.

– Лучшее бесплатным не бывает.

– Почему Фрэнк ради этого дела так из штанов выскакивает?

– Понятия не имею, зато очевидно другое: он хочет, чтобы твоё расследование закончилось. Немедленно, окончательно и бесповоротно.

Слушай, Майрон, ты жутко достаёшь Фрэнка, прямо-таки бесишь! Если честно, он не прочь от тебя избавиться, и, по-моему, на полном серьёзе. Я говорю это как мужчина мужчине, по-дружески... Мы же друзья, верно? Приятели?

– Да уж, не разлей вода! – кивнул Болитар.

– Но с тобой Фрэнк проявляет удивительное самообладание, я бы даже сказал, благородство. К примеру, он в курсе, что ты водил Эдди Крейна в ресторан. Чём не предлог слегка вправить тебе мозги? Однако мистер Эйк до этого не опускается. Более того, он решил: если юный Крейн выберет твоё агентство, мы не будем ему мешать.

– Как мило...

– Действительно мило! – не унимался Аарон. – Вообще-то тренер мальчишки принадлежит мистеру Эйку, значит, и сам он полноправная собственность «Тру-Про».

Тем не менее Фрэнк готов отпустить Эдди и помочь тебе призвать к ответу Роджера Куинси. Две шикарных услуги – по сути, два подарка. В качестве ответного жеста ты должен прекратить расследование.

– Как же отказаться от таких щедрот?! – всплеснул руками Майрон.

– Мне мерещится, или я слышу сарказм?

Спортивный агент пожал плечами.

– Фрэнк пытается быть справедливым.

– Да, щедрость королевская!

– Не надо, не испытывай его терпение, дело того не стоит.

– Можно, я пойду?

– Сперва дай ответ.

– Хочу подумать, – заявил Болитар. – К тому же я стал бы сговорчивее, если бы понял, что пытается скрыть Эйк.

Аарон покачал головой.

– Старый добрый Майрон, ты ни капли не изменился, удивительно, как тебе ещё голову не оторвали...

– Меня непросто убить, – похвастал Болитар.

– Возможно...

– А ещё я шикарно танцую. Люди стараются не убивать хороших танцоров с кошачьей пластикой. Нас и так почти не осталось.

Положив огромную ручищу на колено Майрона, гангстер заговорщицки к нему наклонился.

– Давай на секунду прервём этот идиотский фарс!

Глаза спортивного агента метнулись от собственного колена к лицу Аарона.

– А рука зачем?

– Когда-нибудь слышал о политике кнута и пряника?

– О чем?

– О политике кнута и пряника. – Огромная ладонь будто прилипла к колену Болитара.

– Да, конечно: кнут и пряник! – Боже, к чему он ведёт?

– Так вот, до сих пор я показывал только пряник. Не продемонстрировать хотя бы кусочек кнута было бы неправильно.

Сидящие впереди Сетка и Джим захихикали. Пальцы Аарона несильно сжали колено: надо же, совсем как ястребиные когти!

– Ты меня знаешь, я парень мягкий, кнуты не жалую, отличаюсь добротой и отзывчивостью. В общем... – Подыскивая нужное слово, он поднял глаза на Майрона.

– Настоящий пряник, – закончил фразу Болитар.

– Вот именно: самый настоящий.

Однажды Майрон видел, как Аарон убил человека, а его многочисленных жертв встречал в самых разных местах: от боксёрского ринга до морга.

– И тем не менее кусочек кнута показать придётся. Так, для информации и лучшего понимания. Иначе нельзя. Знаю, в твоём случае он вряд ли пригодится... Ну, я имею в виду кнут.

– Я весь внимание, – вздохнул Болитар.

– Да, да, – поддакнул Сетка, – выдай ему, Аарон! – Они с Джимом захихикали ещё громче.

– Заткнитесь! – тихо велел гангстер.

Тотчас воцарилась полная тишина.

Гангстер повернулся к Майрону. Глаза неожиданно стали темными и жёсткими.

– Больше предупреждать не будем, сразу нанесём удар. Знаю: напугать тебя непросто, я объяснил это Фрэнку. Но ему плевать, он велел бить по местам, которые обычно считаются табу.

– Например?

– Насколько мне известно, Дуэйн Ричвуд выступает весьма успешно. Будет обидно, если звёздная карьера оборвётся. – «Ястребиные когти» ещё сильнее сжали колено. – А как насчёт твоей красавицы Джессики? Она сейчас за границей. В Афинах, если ты не в курсе. Отель «Великобритания», номер двести семь. У Фрэнка полно друзей в Греции.

Майрон почувствовал леденящий холодок страха.

– Аарон, даже не думай!

– Идея не моя. Фрэнк твёрдо решил: расследование должно закончиться. Знаешь, что говорят про любителей дёргать голодного тигра за хвост?

– Только попробуйте...

– Майрон, прошу тебя, давай без угроз! – отмахнулся гангстер. – Разве в таком положении угрожают? Сам прекрасно понимаешь: тебе не выиграть, потому что цена победы слишком высока. Вы с Уином отличные парни, одни из лучших, более чем достойные соперники. Зато у Фрэнка, к примеру, есть я и другие. Много-много других, столько, сколько понадобится. Люди без моральных принципов и угрызений совести. Люди, способные ворваться в номер Джессики, по очереди её поиметь, а потом зарезать, как свинью. Люди, которым ничего не стоит подкараулить спешащую домой Эсперансу. Люди, не раз пытавшие ровесниц твоей матери...

Болитар пронзил Аарона испепеляющим взглядом. Тот даже глаз не отвёл.

– Тебе не победить, Майрон. Несмотря на смелость и отвагу, на определённом этапе ты просто не выдержишь, мы оба это знаем.

Повисла тишина. «Кадиллак» притормозил у «Лок-Хорн секьюритиз».

– Так что, дашь мне ответ? – спросил гангстер.

Собраться, не дрожать! Болитар выбрался из машины и, глядя прямо перед собой, вошёл в здание.

ГЛАВА 21

Работая у боксёрского мешка, Локвуд наносил удары ногами, едва не перебивающие сорокакилограммовую громадину пополам. Казалось, ловкий Уин попадает везде: по коленям воображаемого противника, в живот, шею, голову... Бьёт пяткой, оттянув носки на себя. Майрон проделал несколько ката, то есть технических приёмов, и, пытаясь сосредоточиться на направлении ударов, представлял, что пинает не воздух, а человека. Иногда этим человеком был Аарон.

Друзья занимались в новой школе учителя Квона. Дод-жанг делился на две секции. Первая очень напоминала танцкласс: деревянные полы и зеркальные стены. В другой были маты, гантели, груши, боксёрские мешки и скакалки. На полках – резиновые ножи и пистолеты, чтобы тренировать различные способы нападения и блокирования. У самых дверей – американский и корейский флаги. В начале и конце занятия студенты им кланялись. На отдельном плакате перечислялись правила школы. Майрон знал их наизусть. Его любимое – номер десять: «Всегда завершай начатое».

Всего правил было четырнадцать, и время от времени учитель Квон добавлял новые. Последнее, то есть номер четырнадцать, появилось пару месяцев назад: «Не переедать». «Толстый студенты, – объяснял учитель Квон, – иметь во рту большой беспорядок». С тех пор как Уин помог Квону перебраться в США, английский учителя неуклонно ухудшался. Болитар подозревал, что это часть имиджа мудрого старца с востока, подражание мистеру Мияги из «Малыша-каратиста».

Локвуд остановился.

– Ну, – показывая на мешок, протянул он, – тебе он нужен больше, чём мне.

Теперь мешок пинал Майрон. Изо всех сил... Стойки тхэквондо довольно просты, практичны и очень похожи на бокс. Попробуй «журавля» или подобную экзотику на улице – живо окажешься на пятой точке! Болитар бил мешок локтями, потом коленями. Локти с коленями очень важны, особенно в ближнем бою. В фильмах про восточные единоборства показывают амплитудные удары в голову, удары в прыжке и так далее. Уличный бой куда проще. Целиться нужно в промежность, колени, шею, нос, глаза, иногда – в солнечное сплетение. Всё остальное – ерунда. В настоящей драке не на жизнь, а на смерть бейте противника по яйцам, тычьте пальцами в глаза, хватайте за шею...

Уин прохаживался вдоль большого зеркала.

– Давай подведём итог, – сказал он насмешливым тоном учителя начальных классов. Р-раз – Локвуд замахнулся воображаемой клюшкой для гольфа. Он частенько этим занимался и, глядя в зеркало, отрабатывал технику ударов. – Во-первых, досточтимый сенатор Пенсильвании хочет, чтобы ты прекратил расследование. Во-вторых, опасный нью-йоркский гангстер хочет, чтобы ты прекратил расследование. В-третьих, клиент, распутный Дуэйн Ричвуд, хочет, чтобы ты прекратил расследование. Я никого не пропустил?

— Плюс Диана Йеллер, Хелен ван Слайк и Кеннет, Кеннета не забудь, и ещё Павел Менанси. – Майрон сделал паузу. – Теперь, кажется, все.

– Плюс тот полицейский, – добавил Уин. – Детектив Димонт.

– Ах да, Ролли из головы вылетел.

– Таким образом, – Уин проверил ручку воображаемой клюшки, – твоё занятие находит обычную поддержку, то есть нулевую.

Пожав плечами, Майрон выдал целую серию ударов.

– «Не можешь нравиться всем – понравься себе».

– Цитируешь Рики Нельсона?[21] – скривился Майрон.

– У меня был трудный день.

– Заметно. Почему все так боятся Валери Симпсон? Сенатор США устраивает тайную встречу. Фрэнк Эйк нанимает Аарона, Дуэйн грозит увольнением. Зачем?

Глядя в зеркало, Локвуд сделал очередной замах и прищурился, будто глядя вслед воображаемому мячу. На красивом лице неудовлетворённость. Ох уж эти гольфисты!

Дверь приоткрылась, и в доджанг робко заглянула Ванда.

– Привет! – крикнул Болитар.

– Привет!

Майрон улыбнулся, искренне обрадовавшись девушке, которая, чуть ли не единственная, хотела, чтобы он продолжал расследование. На подруге Дуэйна летнее, почти девчоночье платье в цветочек. Рукава отсутствовали, позволяя всем желающим любоваться изящными предплечьями. Соломенные шляпы Ванда не носила, и совершенно напрасно: ей бы пошло. Лёгкий, умело наложенный макияж, в ушах золотые колечки. Девушка казалась воплощением молодости, красоты и здоровья.

«В обуви не входить!» – гласил висевший на двери плакат. Ванда послушалась, оставив сандалии у входа в доджанг.

– Эсперанса сказала, что ты здесь, – объяснила она. – Прости, что снова беспокою во внеурочное время.

– Всё в порядке, – заверил Майрон. – Вы ведь знакомы с Уином?

– Да, – повернувшись к Локвуду, кивнула девушка, – добрый день!

Уин чуть заметно кивнул. Понятно, играет в эдакого неподверженного соблазнам стойка, в индейца Тонто.[22]

– Мы можем поговорить, буквально секунду? – От волнения Ванда не знала, куда деть руки.

Дополнительные намёки Уину не требовались: скользнув к дверям, он низко поклонился флагам и вышел. Майрон и его гостя остались одни. Девушка медленно шагнула к Болитару, глядя по сторонам с таким видом, будто осматривала выставленный на продажу дом, но покупать не собиралась.

– Часто сюда приходишь? – спросила она.

– Сюда или в другие доджанги учителя Квона.

– Мне казалось, они называются додзё.

– Додзё – японский вариант, доджанг – корейский.

Ванда кивнула, будто услышав жизненно важную информацию. Ещё несколько минут ушли на её знакомство со спортивным инвентарём.

– Давно изучаешь тхэквондо?

– Да.

– А Уин?

– Ещё дольше.

– Вообще-то он не похож на специалиста по боевым искусствам. Разве только глазами.

Нечто подобное Майрон неоднократно слышал и раньше, поэтому терпеливо ждал, пока девушка соберётся с мыслями.

– Решила узнать, что тебе удалось выяснить. – Темные глаза нервно метались по доджангу: вверх-вниз, вправо-влево.

– Ничего существенного.

Не совсем правда, но не рассказывать же об интрижке Дуэйна и Валери!

Девушка снова кивнула. Её тонкие руки находились в постоянном движении, будто ежесекундно разыскивая новое занятие.

– Дуэйн ведёт себя всё непонятнее и непонятнее, – посетовала она.

– В каком смысле?

– Обстановка накаляется. Дуэйн постоянно на взводе... Кто-то звонит по телефону, и он уходит разговаривать в другую комнату. Если отвечаю я, на том конце кладут трубку. А прошлой ночью Дуэйн куда-то исчезал: сказал, что хочет подышать свежим воздухом, и отсутствовал целых два часа.

– У тебя самой есть какие-то идеи?

Ванда только головой покачала.

– Может, он кого-то завёл? – как можно мягче предположил Майрон.

Темные глаза обожгли Болитара гневным взглядом.

– Я не шлюха, которую подобрали на улице!

– Знаю.

– Мы любим друг друга.

– И это знаю. Но ещё я знаю, что многие искренне любящие мужчины порой совершают глупые поступки.

К сожалению, такая склонность наблюдается и у женщин. У Джессики, например. Четыре года назад взяла и закрутила роман с парнем по имени Дуг. До сих пор больно! Парень по имени Дуг... Поди пойми!

Ванда твёрдо покачала головой.

– Нет, у нас ничего подобного не случится. Наверное, я рассуждаю как доверчивая идиотка, но я абсолютно уверена, хотя объяснить не могу...

– И не нужно, я знаю, что ты имеешь в виду.

– У Дуэйна нет другой женщины.

– Хорошо, согласен.

Ещё немного, и Ванда разрыдается! Пытаясь успокоиться, она набрала в грудь побольше воздуха.

– Дуэйн не спит по ночам, всё меряет гостиную шагами. Сколько раз спрашивала, в чём дело... не говорит. Пыталась подслушивать, но разобрала только твоё имя.

– Моё имя?

Подруга Дуэйна кивнула.

– Он произнёс его как минимум дважды, больше ничего понять не удалось.

– А не поставить ли на ваш телефон прослушку?

– Ставь.

– Ты не возражаешь?

– Нет... – Из умело подведённых глаз покатались слезы. Несколько всхлипов, и Ванда взяла себя в руки. – С каждым днём всё хуже.

Нужно выяснить, что происходит.

– Постараюсь.

Девушка порывисто обняла Майрона. Страшно захотелось погладить её по голове и как-то утешить. Спортивный агент не сделал ни того ни другого. Гордо поднятая голова, заплаканные глаза – Ванда вышла из доджанга. Не успела дверь закрыться, как вернулся Уин.

– Ну? – многозначительно потребовал он.

– Мне она нравится, – признался Болитар.

– Угу, попка красивая! – кивнул Уин.

– Я не об этом! Ванда – хорошая девушка и страшно напугана.

– Конечно, напугана! Билет в красивую жизнь вот-вот сделает ручкой.

– Возращение мистера Доброжелательность!.. Всё совсем не так: она действительно любит Дуэйна.

Локвуд замурлыкал какую-то мелодию, пытаясь изобразить соло на скрипке. Да, о подобных вещах с ним не поговоришь: они выше понимания финансового консультанта.

– Что же ей угодно?

Майрон вкратце пересказал разговор. Поставив ноги на ширине плеч, Локвуд сел на шпагат, а затем плавно поднялся. Ещё один шпагат, потом ещё один – и так далее в возрастающем темпе. Леди и джентльмены, Джеймс Браун, крестный отец музыки в стиле соул, прошу любить и жаловать!

– Похоже, у Дуэйна на совести не только кратковременный блуд! – дослушав приятеля, заметил Уин.

– Полностью согласен.

– Хочешь, чтобы я за ним следил?

– Можно разделить на смены.

– Ричвуд слишком хорошо тебя знает, – покачал головой финансовый консультант.

– Тебя тоже неплохо.

– Да, – кивнул Уин, – но я невидим, словно ветер!

– Надеюсь, не как тот, что дует при гриппе?

– Ха-ха-ха! – скривился Локвуд. – Как смешно, до конца месяца буду хохотать!

По правде говоря, Уин мог неделями скрываться в ящике с нижним бельём, и хозяйева ничего бы не заметили.

– Сегодня сможешь начать? – спросил Болитар.

– Конечно, – кивнул Локвуд, – считай, уже приступил.

ГЛАВА 22

Болитар бросал мяч в кольцо чуть в стороне от подъездной аллеи. Долгий летний день наконец уступил место сумеркам, но кольцо освещалось специальными узконаправленными лампами. Этот мини-стадион Майрон оборудовал (естественно, с помощью отца), когда учился в шестом классе. В воздухе смешивались ароматы различных видов барбекю: Демпси жарили цыплят, Вайнштайны – бургеры, Раскины – шиш-кебабы.

Бросок – подбор – снова бросок; подчинившись ритму, Майрон аккуратно направлял мяч в корзину.

Очко, снова очко. От пота серая футболка липла к груди. Обычно во время тренировок у Болитара появлялись интересные мысли, но сегодня в голове были только кольцо, мяч и изящная кривая, которую он описывал в полете. Всё так просто, ясно и естественно...

– Привет, Майрон!

На подъездной аллее стоял десятилетний сосед Тимми.

– Отвали, ребёнок, ты мне мешаешь.

Засмеявшись, мальчишка подобрал мяч под кольцом: у них с Майроном была своя шутка. Дело в том, что мама Тимми твёрдо верила: его сын докучает мистеру Болитару, значит, тот может без зазрения совести отправлять маленького непоседу домой. Тимми это не останавливало, он с друзьями постоянно присутствовал на тренировках Майрона. Порой, когда ребятам не хватало игрока, самый храбрый стучался в дверь Болитаров и просил строгую маму Майрона позвать сына на игру.

Некоторое время они с Тимми играли вдвоём и болтали о разных интересующих десятилетнего мальчишку вещах. Потом стали подтягиваться другие дети: братья Дейли, сестры Коуэн... Ребята ставили велосипеды на подъездную аллею Болитаров и просили пас. Майрон оказался справедливым пасующим. Счёт толком не вели, зато много шутили и смеялись. Вслед за детьми появились и отцы: Арни Столлман, Фрэд Демпси... Давненько Ливингстон не видел таких матчей! Получилось немного в духе картин Нормана Рокуэлла,[23] но Майрону именно это и требовалось.

Было почти десять, когда матери стали звать ребят домой. Выйдя на крыльцо, женщины приветливо улыбались Майрону и махали рукой. Болитар отвечал тем же. «Ну, мама!..» – нестройным хором ныли юные баскетболисты, но послушаться не решались.

Лето, школьные каникулы... Какое счастливое, беззаботное время! Говорят, дети нынче совсем другие: торгуют оружием и наркотиками, совершают жестокие преступления, заражают друг друга СПИДом; однако летний вечер в тихом, заселённом среднем классом городке стер пропасти и барьеры между поколениями. Казалось, в мире не существует ни Аарона, ни братьев Эйк. Казалось, в теннисных центрах не убивают молодых девушек.

Валери такой вечер точно бы понравился!

Из-за двери чёрного входа выглянула миссис Болитар.

– К телефону! – коротко позвала она.

– Кто звонит?

– Джессика. – В голосе женщины трескучий мороз, а на лице – гримаса отвращения, будто само имя источало дурной запах.

Только бы со всех ног не припустить! Майрон поднялся (а если честно – взлетел) по ступенькам крыльца и прошёл на кухню. В прошлом году ею полностью отремонтировали и переоборудовали. Зачем – спортивный агент понять так и не смог. В семье готовкой не увлекались, ну, если, конечно, не считать замороженную пиццу «Селеста», которую разогревали в микроволновке.

– Из своей комнаты отвечу! – объявил он.

Миссис Болитар недовольно заворчала, ладно хоть никакую колкость не сморозила! Подобно Эсперансе, обид она не прощала, особенно тех, что касались ею маленького мальчика.

Прикрыв дверь, Майрон схватил трубку и услышал щелчок: маме хватило деликатности отключить параллельный телефон.

– Служба мужского эскорта?

Как обычно, при первых же звуках любимого голоса жизнь заиграла яркими красками.

– Да, мэм, вы не ошиблись. чём я могу вам помочь?

– Ищу настоящего жеребца.

– Вы попали по адресу. Особые предпочтения имеются?

– Хотелось бы покрасивее, но, думаю, и вы подойдёте!

– Классный разговор!

В трубке слышался какой-то гул.

– Что так долго не отвечал?

– На улице был, играл в баскетбол с Тимми и другими ребятами.

– Я не помешала?

– Не-а, мы как раз закончили.

– Твоя мама была со мной не слишком приветлива.

– С ней такое бывает.

– Я же ей нравилась.

– И сейчас нравишься.

– А Эсперансе?

– Эсперанса никогда тебя не жаловала.

– Да уж...

– Ты живёшь в отеле «Великобритания»? – осторожно уточнил Майрон. – В номере 207?

Удивлённое молчание.

– Ты что, следил за мной?

– Нет.

– Тогда откуда знаешь?

– Долгая история. Расскажу, когда домой вернёшься. Ты сейчас где?

– В аэропорту Кеннеди, самолёт только что приземлился.

Сердце Майрона пустилось бешеным галопом.

– Так ты дома?

– Буду, как только заберу багаж. Заглянешь ко мне? – куда менее уверенно спросила Джессика.

– Уже выезжаю.

– Надень то, что легко сорвать, – посоветовала девушка. – Буду ждать в ванной с экзотическими маслами Средиземноморья.
– Развратница!

Повисла очередная пауза, после которой голос Джессики стал совсем робким.

– Я ведь тебя люблю... Иногда веду себя по-дурацки, но люблю.

– С этим ясно, лучше о маслах подробнее расскажи.

– Приезжай скорее! – засмеялась Джессика.

Положив трубку на базу, Болитар быстро разделся и пошёл в душ. Холодная вода сейчас – самое то! Насвистывая любимый мотив из «Вестсайдской истории», вытерся и раскрыл шкаф. Что будет легче всего сорвать? Нашёл! Рубашка на кнопках! Теперь чуть-чуть одеколону. Майрон им редко пользовался, но Джессике нравилось, когда от мужчины пахнет парфюмом. Взлетая по лестнице, он услышал, как в дверь позвонили.

– Я открою! – крикнул спортивный агент.

На крыльце стояли два полицейских в форме.

– Вы Майрон Болитар? – спросил тот, что повыше.

– Да.

– Нас прислал детектив Ролан Димонт. Вам следует проехать с нами.

– Куда?

– В отдел убийств.

– Зачем?

– Буквально час назад арестовали Роджера Куинси. Его подозревают в убийстве Валери Симпсон.

– И?

Тут впервые за всё время заговорил низкорослый коп:

– Мистер Болитар, вы знакомы с Роджером Куинси?

– Нет.

– Когда-нибудь с ним встречались?

– По крайней мере мне об этом неизвестно.

«По крайней мере мне об этом неизвестно» – самое обычное «нет» в переводе с адвокатского.

Детективы многозначительно переглянулись.

– Вам лучше поехать с нами, – заявил высокий коп.

– Почему?

– Потому что мистер Куинси отказывается давать показания, пока не поговорит с Майроном Болитаром.

ГЛАВА 23

Позвонив на квартиру Джессики, Майрон предупредил, что задержится.

Когда подъехали к участку, в здании которого располагался отдел убийств, Димонт ждал на крыльце и жевал большой комок жвачки или табачной смолки. А ещё он постоянно улыбался. Сегодня у инспектора другие ботинки. Снова имитация змеиной кожи, снова уродливая, только на этот раз жёлтая с голубыми разводами.

– Рад, что вы смогли приехать! – улыбнулся Димонт.

– Ролли, ты что, девицу из подтанцовки ограбил? – спросил Болитар, показав на ботинки.

Димонт расхохотался: так, не к добру это!

– Ладно, умник, пошли! – чуть ли не добродушно сказал он и повёл Майрона по коридору между стоящих со скучающим видом копов.

Сжимая в руках кружки с кофе, они липли к торговым автоматам.

– Никаких журналистов! – заявил спортивный агент.

– О поимке Куинси им ещё неизвестно, – сказал Димонт, – но скоро всё откроется.

– А кто откроет, не ты ли?

– Общественность должна знать правду, – радостно пожал плечами детектив.

– Да, конечно.

– А как насчёт тебя, Болитар? Сам тоже решил отмазаться?

– Отмазаться от чего?

Димонт снова пожал плечами: этаким мистер Безразличие.

– Ну, как хочешь.

– Ролли, я с ним не знаком!

– Значит, твоё имя он нашёл в телефонном справочнике?

Майрон молчал: что тут скажешь?

Димонт открыл дверь в маленький зал для допросов, где ждали два копа. Похоже, они как следует потрудились над Роджером Куинси, хотя, судя по его виду, особого впечатления не произвели. В кино и большинстве телешоу загремевшие в предварилровку носят полосатую или серую робу. Ничего подобного: в действительности роба ярко-оранжевая, чтобы легче было искать, если бежать вздумают.

При виде гостя глаза Роджера Куинси так и вспыхнули. Сталкер оказался гораздо моложе, чем предполагал Майрон: слегка за тридцать, а при беглом осмотре и за двадцатипятилетним сойдёт. Парень худой, черты лица тонкие, как у девушки, а пальцы длинные и красивые. Очень на танцовщика похож!

– Привет, Майрон! – помахал рукой Куинси.

Болитар глянул на Димонта: тот царственно улыбался.

– Не знаешь его, да? – иронично спросил детектив и подмигнул коллегам. – Пошли, ребята, оставим дружков наедине.

Несколько сдавленных смешков, и копы исчезли, а Майрон сел за стол напротив Роджера Куинси.

– Мы знакомы? – поинтересовался спортивный агент.

– Не думаю. – Парень протянул руку. – Меня зовут Роджер Куинси.

На ощупь его ладонь как перепуганная птичка, Болитар сжал ею буквально на долю секунды.

– Откуда вам известно моё имя?

– Люблю спорт. Наверное, по мне не скажешь, но я болельщик со стажем. Правда, за баскетболом давно не слежу, на теннис переключился. Вы ещё играете?

– Практически нет.

– Из меня теннисист не ахти какой... – Глаза Куинси снова вспыхнули. – Когда-нибудь задумывались, какой удивительный вид спорта теннис? Каждый матч – настоящее состязание в акробатическом танце. Маленький мяч летит навстречу тебе с молниеносной быстротой, нужно пойти на него и с помощью ракетки направить на сторону соперника. Всё приходится рассчитывать за доли секунды: скорость

полёта мяча, место приземления, силу вращения, угол отскока, расстояние между рукой и центром струнной поверхности ракетки, направление ответного удара... Размышляю об этом и восхищаться не перестаю!

Другими словами, парень с приветом.

– Роджер, вы так и не сказали, откуда меня знаете, – напомнил Майрон.

– Прости! – смущённо улыбнулся сталкер. – Порой я слишком увлекаюсь, и некоторые считают это недостатком. Но по-моему, лучше так, чем быть мухой на стекле. Я говорил, что баскетбол тоже обожаю?

– Да.

– Оттуда и узнал Майрона Болитара, видел, как ты выступал за университет Дьюка. – Куинси улыбнулся, будто бы это всё объясняло.

– Так, разобрались, – с трудом сохраняя спокойствие, кивнул Майрон. – Но почему ты сказал детективам, что хочешь со мной поговорить?

– Потому что хотел! В смысле поговорить с тобой.

– Зачем?

– Майрон, они считают, что Валери убил я.

– А это правда?

Тонкие губы изогнулись в изумлённое маленькое «о».

– Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь?!

– За человека, который преследует молодых девушек. За типа, который надоедал Валери Симпсон, ходил за ней тенью, постоянно звонил, писал длинные письма, пугал.

– Ты преувеличиваешь, – махнул тонкой артистической рукой сталкер. – Я ухаживал за Валери, любил, старался, чтобы ей было хорошо. Был настойчивее других поклонников.

– Мисс Симпсон хотела, чтобы ею оставили в покое.

– И она меня отвергла, – засмеялся Куинси. – Ну и что? Я первый мужчина, которому красавица сказала «нет»? Секрет в том, что в отличие от некоторых я перед трудностями не пасую. Посылал ей цветы, писал письма, снова и снова приглашал на свидание, в общем, использовал самую различную тактику. Читаешь любовные романы?

– Можно сказать, нет.

– Главные герои никогда сразу не сходятся. Сквозь года, войны, нападения пиратов они пускают друг другу кровь, чуть ли не ненавидят. Но за ненавистью скрывается любовь, они просто подавляют истинные чувства. У нас с Валери было именно так: внутренние конфликты, противоречия, испепеляющие душу страсти...

– Угу, – апатично отозвался Майрон. – Роджер, зачем ты хотел меня видеть?

– Чтобы ты замолвил за меня словечко перед копами.

– Какое словечко?

– Что я не убивал Валери и совсем другой человек представлял для неё неминуемую опасность.

– Кто именно?

– Я думал, ты знаешь.

– Откуда такие мысли?

– Валери сказала. Незадолго до убийства.

– Что именно она сказала?

– Мол, ей грозит опасность.

– Какая опасность?

– А ты не в курсе?

Болитар поднял руку:

– Стоп, стоп, не так быстро! Начнём с самого начала! Итак, ты был во «Флашинг-Медоус».

– Да.

– Зачем?

– Я каждый год хожу на Открытый чемпионат, а теннис просто обожаю. Каждый матч – состязание в акробатическом танце. Не перестаю восхищаться...

– Это мы уже проходили. Итак, ты пришёл на турнир как болельщик. Но при чём тут Валери Симпсон? Ты вслед за ней туда явился?

– Нет! Я даже не знал, что она окажется во «Флашинг-Медоус»!

– Ладно, как развивались события?

– Я со своего места на трибуне наблюдал, как Дуэйн Ричвуд крошит Ивана Рестовича. Великолепная игра! Дуэйн на русском живого места не оставил, – счастливо улыбнулся сталкер. – Хотя зачем рассказывать? Ты же его агент, верно?

– Угу.

– Возьмёшь для меня автограф?

– Обязательно!

– Ну, конечно, не сегодня. Давай завтра?

– Давай... Вернёмся к Валери. Итак, ты смотрел матч Дуэйна.

– Совершенно верно, – неожиданно посерьёзnel Куинси. – Майрон, знал бы я в тот день, что ты агент Дуэйна Ричвуда! Возможно, Валери не погибла бы, а я стал бы героем-спасителем! Тогда, наверное, она прекратила бы скрывать свои истинные чувства, раскрыла мне объятия и позволила защищать от горя и невзгод.

Майрону вспомнился «Человек из Ламанчи»:[24] «Только мнится, иль поёт кукушка на кукуевой сосне?»

– Роджер, как всё произошло?

– Матч почти закончился, и я проверил расписание. На шестнадцатом корте должна была играть Аранта Санчес-Викарио, и я решил отправиться туда и постараться занять место получше. Аранта – прекрасная теннисистка, на корте последний стыд теряет! Её братья Эмилио и Хавьер тоже играют в профессиональном туре, причём вполне неплохо, но им не хватает Арантиной страсти!

– Итак, ты ушёл со стадиона Армстронга.

– Да, ушёл. Оставалась ещё пара минут, и я побежал к павильону у центрального входа. Знаешь, там стоят большие мониторы с результатами всех матчей. Оказалось, Штеффи уже выиграла, а Майклу Чангу пришлось сражаться в решающем сете. Заодно и результаты парной встречи увидел. Кажется, мужских пар с участием Кена Флача. Нет, не его... Забыл!

– Роджер, пожалуйста, не отвлекайся!

– В общем, тогда я увидел Валери.

– Где?

– У центрального входа. Она пыталась попасть на стадион, но ею не пускали: билета не было. Знаешь, на турнир «Большого шлема» вообще не попадёшь. С билетами каждый год ажиотаж! Та сцена до сих пор стоит перед глазами. Поверить не могу: секьюрити остановил Валери Симпсон! Валери Симпсон! Он даже ею не узнал! Естественно, я решил помочь.

Естественно...

– Каким образом?

– Секьюрити шлёпнули мне печать и выпустили за территорию стадиона. Я подошёл к Валери из-за спины и похлопал по плечу. Когда она обернулась, я не поверил своим глазам.

– Почему?

– Я хорошо знал Валери Симпсон. – Сталкер заговорил чуть медленнее. – Я видел все матчи с её участием, видел на тренировках, на улице, у дома, в компании мерзкого тренера. Видел счастливой и грустной, ликующей и подавленной, после побед и разгромных поражений. Видел, как из талантливой девочки-подростка она превратилась в бесстрашную чемпионку, а потом, увы, – в отчаявшуюся безжизненную красавицу. Из-за Валери моё сердце разрывалось бесконечное число раз, но такой я её никогда не видел.

– Какой «такой»?

– Перепуганной. Да она была в полной панике!

«Неудивительно! – подумал Майрон. – Даффи Дак[25] подкрадывается к тебе из-за спины и хлопает по плечу».

– Она тебя узнала?

– Конечно.

– А что сделала потом?

– Попросила о помощи.

Болитар скептически изогнул брови. Этот приём он перенял у Уина.

– Правда! – настаивал Роджер. – Валери сказала, ей грозит опасность, поэтому и рвалась на стадион встретиться с тобой.

– Она назвала моё имя?

– Да, говорю же, Валери была в отчаянии! Умоляла секьюрити её пропустить, но тот не слушал. И тогда у меня появилась идея.

– Какая идея?

– Купить билет у спекулянтов, – ответил сталкер, явно довольный собой. – У станции метро их крутилась целая стая. Я подошёл к одному, чёрному. Ушлый парень, сто пятьдесят долларов запросил. Я ответил: слишком дорого. Они всегда начинают с астрономических цифр, ну, то есть спекулянты... Нужно торговаться, эти парни по-другому не понимают. Но Валери решила иначе: взяла и согласилась. Вот она какая! Если бы мы поженились, финансами пришлось бы заниматься мне: Валери слишком импульсивная.

– Не отвлекайся, Роджер! Что случилось после покупки билета?

Куинси мечтательно закатил глаза.

– Валери сказала «спасибо!» – проговорил он таким тоном, будто увидел неопалимую купину. – Впервые за всё время она открыла истинное лицо. Удивительно, правда? Столько лет пытался влюбить в себя неприступную красавицу, а когда почти потерял надежду – бац, вот она, любовь!

«Я, мне, меня»: даже смерть Валери Куинси рассматривал через призму эгоизма.

– Что произошло потом? – спросил Болитар.

– Я проводил её до стадиона. Валери спросила, смогу ли я тебя узнать. «Баскетболиста Майрона Болитара?» – уточнил я. «Да», – сказала Валери. «Конечно, смогу», – заверил я, а она сказала, что хочет тебя найти. – Сталкер подался вперёд, на лице торжественная серьёзность. – Понимаешь, о чём речь? Знай я, что ты агент Дуэйна Ричвуда, тотчас бы отвёл Валери к тебе. Тогда всё получилось бы иначе! Мне досталась бы ещё большая благодарность и бесценная улыбка Валери Симпсон. Я спас бы жизнь любимой и стал бы её героем. – Куинси даже зажмурился, смакуя радужные иллюзии. – Всё получилось бы так здорово...

- Но вместо этого? – перебил Майрон.
- Мы разделились. Я пошёл осматривать тренировочные корты, а сама Валери – «Гастро-корт» и стадион. Каждые пятнадцать минут мы должны были встречаться у киоска «Перье». Я немедленно начал поиски. Очень хотелось отличиться: обнаружив тебя, я доказал бы свою неугасающую любовь...
- Да, да, я уже понял. – Ролли, наверное, здорово веселился, допрашивая этого парня. – Что случилось потом?
- Я услышал выстрел, крики. Рванул обратно к «Гастро-корту», а там собралась толпа. К распростёртому на земле телу бежал ты. К его телу, такому неподвижному, безжизненному. Ты опустился на колени и взял Валери на руки. Мечта моей жизни, моя любовь, моё счастье, она погибла. Я знал, что подумает полиция; они буквально терзали меня за то, что я ухаживал за Валери. Говорили грязные слова, черт, даже за решётку грозили засадить за то, что приглашал её на свидание... Что же сейчас вообразят? Они никогда не чувствовали незримой связи между нами, силы взаимного притяжения.
- И ты сбежал, – напомнил Майрон.
- Да, вернулся на квартиру, собрал вещи, а потом снял с кредитки максимальную сумму. Однажды по телевизору показывали, как полиция отследила парня по банкоматам, которыми он пользовался. Вот я и решил запастись наличностью, правда, хитро?
- Гениально... – вздохнул Болитар, чувствуя, как сжимается сердце. Валери Симпсон была одна, совсем одна. В трудную минуту девушка решила обратиться к нему, человеку, которого совсем не знала, но не успела. Её убили. По груди Майрона растекалась тупая боль.
- Я ночевал в дешёвых мотелях, использовал вымышленные имена, – зачастил Куинси, – и все-таки, похоже, меня узнали. Остальное тебе известно. Я сразу попросил вызвать тебя, подумал, что ты сможешь объяснить им, как всё было на самом деле. Знаешь, этот детектив Димонт настроен очень враждебно, – наклонившись вперёд, заговорщицки прошептал сталкер.
- Угу.
- Улыбнулся всего раз, когда я назвал твоё имя.
- Правда?
- Ну, я сказал, что мы друзья. Надеюсь, ты не против?
- Нисколько! – горячо заверил Майрон.

ГЛАВА 24

В соседнем зале для допросов Болитара ждали Димонт и его верный помощник Крински. Судя по всему, комнаты и залы участка похожи словно близнецы, а настроение у Димонта – лучше некуда.

- Не хочешь пригласить адвоката? – ласково спросил он.
- Ролли, да ты весь сияешь, – заметил Болитар. – У тебя новый увлажняющий крем?
- Улыбка не исчезла.
- Считаем, ты сказал «нет».
- Я арестован?
- Господи, нет, конечно! Садись. Выпьешь что-нибудь?
- Да, пожалуй.
- Колу, кофе, апельсиновый сок?
- А «Ио-Хо» есть? Шоколадный молочный коктейль...

Детектив посмотрел на помощника. Пожав плечами, Крински отправился на поиски, а Ролли сложил руки в замок.

– Ну, Майрон, почему Роджер Куинси за тобой послал?

– Хотел поговорить.

Димонт царственно улыбнулся: этакий мистер Всепоглощающее Спокойствие.

– Да, но почему с тобой?

– Боюсь, что не могу ответить на этот вопрос.

– Не можешь или не хочешь? – уточнил детектив.

– Не могу.

– Почему?

– По-моему, это попадает под право адвоката не разглашать полученную от клиента информацию. Нужно уточнить...

– С кем уточнить?

– У кого, – поправил Майрон.

– Что «у кого»?

– Уточнить у кого. Не «с кем», а «у кого».

Димонт кивнул.

– Похоже, будет именно так.

– Как «так»?

Голос детектива стал куда менее приторным:

– Ты подозреваемый, Болитар. Стоп, опять неверно выразился! Ты главный подозреваемый.

– А как же Роджер?

– Наверняка он просто исполнитель. Куинси слишком ненормальный, чтобы провернуть подобную операцию в одиночку. Полагаю, преступление спланировал ты и переложил на идиота Куинси всю грязную работу.

– Угу, а как насчёт мотивов?

– Валери Симпсон крутила роман с Дуэйном Ричвудом. Поэтому-то и записала его телефон в ежедневник. Чёрный парень и белая девушка – кто знает, что сказали бы спонсоры!

– Ролли, на дворе двадцатый век! Верховный суд уже не межрасовые, а однополые браки собирается разрешить!

Поставив ногу на стул, Димонт обхватил колено руками.

– Времена, возможно, меняются, но спонсорам по-прежнему не нравится, когда черные мальчики трахают белых девочек. – Детектив задумчиво почесал подбородок. – Хочешь расскажу, как всё случилось? Дуэйн – настоящий жеребец: раз – почуял белое мясо, два – затащил красавицу в постель. Но Валери не привыкла быть подружкой на одну ночь! Она ведь была немного того, недаром в психушке лежала. Возможно, сдвиг на сексуальной почве и произошёл.

– Сдвиг на сексуальной почве?

– «Роковое влечение» смотрел?

– Ах да, – кивнул Майрон. – Сдвиг на сексуальной почве, тонко подмечено.

– Как я и сказал, Валери Симпсон – сумасшедшая, крыша у девочки явно протекала, но тут она взбесилась окончательно. Позвонив Дуэйну, как и написано в ежедневнике, грозит рассказать всё журналистам. Ричвуд пугается так же, как вчера, когда я к нему заглянул. Кому он звонит? Тебе! Тогда ты и составляешь свой маленький план.

Майрон кивнул.

- В суде это точно пройдет!
- А почему нет? Жадность – недостаточный мотив?
- Пожалуй, стоит признаться здесь и сейчас.
- Ладно, умник, продолжай в том же духе.

Вернулся Крински и отрицательно покачал головой: «Йо-Хо» у них нет.

– Скажешь, зачем Куинси тебя вызвал? – настаивал Димонт.

- Нет.
- Почему нет, мать твою?!
- Потому что ты меня обидел.

– Хватит выпендриваться, Болитар! Сейчас посажу тебя в камеру с двадцатью рецидивистами и шепну, что ты педофил. – Детектив сладко улыбнулся. – Как думаешь, Крински, ему понравится?

– Да, – отозвался Крински, копируя улыбку шефа.

Майрон кивнул.

– Ну ладно... Сейчас я спрошу: «О чём ты?» Ты ответишь: «Такой красавчик в тюрьме найдёт немало поклонников». Потом я взмолюсь: «Не надо!», а ты посоветуешь: «Уронишь мыло – не нагибайся!», потом вы славно похихикаете.

– Ты что несёшь?

– Ролли, не трать моё время!

– Думаешь, я не закрою тебя в тюрьме?

– Не думаю, а уверен, – вставая, парировал Майрон. – Если бы ты мог, давно бы заковал меня в наручники.

– Ты куда собрался?

– Либо арестуй, либо прочь с дороги! Мне есть куда пойти и с кем встретиться.

– Ясно, тебя голыми руками не возьмёшь, недаром тот придурок сразу вызвал Майрона Болитара. Поэтому ты и корчил перед нами копа, притворялся, будто собственное расследование ведёшь. Хотел втереться в доверие, разноухать, что мы смогли выяснить...

— Да, Ролли, ты полностью меня расколол.

– Мы будем допрашивать Куинси снова, снова и снова, пока он тебя не сдаст.

– Нет, не будете. Как адвокат, я запрещаю допрашивать моего клиента.

– Ты не вправе его представлять. Слышал о «конфликте интересов»?

– Пока не подберу Куинси кого-нибудь другого, я его поверенный.

Распахнув дверь, Майрон вышел в коридор и, к своему огромному удивлению, увидел Эсперансу. Копы тоже удивились: абсолютно все стоящие у автоматов буквально пожирали её глазами. Наверное, из чистой осторожности: боятся, что в обтягивающих джинсах девушки спрятан пистолет. Да, дело, наверное, в этом.

– Звонил Уин, – объявила компаньонка, – он тебя разыскивает.

– Что случилось?

– Он следит за Дуэйном и хочет тебе что-то показать.

ГЛАВА 25

Поймав такси, Эсперанса с Майроном поехали в отель «Челси» на Тридцать третьей улице между Седьмой и Восьмой авеню. В машине пахло турецким борделем, что для муниципального такси весьма неплохо.

– Уин будет сидеть в красном кресле возле внутренних телефонов, – выйдя на улицу, объяснила Эсперанса, – направо от стойки консьержа. По плану он должен читать газету. Увидишь газету – значит, на горизонте чисто, в противном случае немедленно уходи и дожидайся его в бильярдном клубе.

– Он так и сказал?

– Угу.

– И про чистый горизонт тоже?

– Да.

– Составишь мне компанию?

– Не могу, опять нужно на учёбу.

– Спасибо, что нашла меня.

Девушка кивнула.

Уин сидел в условленном месте и листал «Уолл-стрит джорнал». Значит, на горизонте чисто. О Господи! Локвуд одет как всегда, только на голове... чёрный парик. Болитар опустился в соседнее кресло.

– По какой причине белый кролик может внезапно пожелтеть? Потому что на него напишет чёрный пёс.

Уин продолжал читать.

– Ты велел сообщить, если Дуэйн будет вести себя странно или необычно.

– Угу.

– Он приехал около двух часов назад, поднялся на лифте на третий этаж и постучал в дверь номера триста двадцать два. Открыла женщина, они обнялись, и дверь захлопнулась.

– Не к добру это, – покачал головой Майрон.

Уин перевернул страницу. На благородном лице зелёная тоска.

– Знаешь, кто та женщина? – спросил Болитар.

Локвуд покачал головой.

– Чернокожая, ростом под метр семьдесят, стройная. Я взял на себя смелость забронировать номер триста двадцать три. В замочную скважину прекрасно видно дверь соседей.

Майрон подумал о Джессике, ждущей его в ванной с экзотическими маслами Средиземноморья.

Черт!

– Если хочешь, я останусь, – предложил Уин.

– Нет, сам справлюсь.

– Чудесно. – Локвуд поднялся. – Увидимся на завтрашнем матче, если, конечно, у нашего мальчика силы останутся.

Майрон поднялся на третий этаж и выглянул в коридор. Никого. С ключом наготове он бросился к номеру триста двадцать три и юркнул за дверь. Уин, как обычно, не ошибся: в замочную скважину открывался прекрасный, круглой формы вид на дверь соседнего номера триста двадцать два. Осталось ждать.

Только вот чего ждать?

Какого черта он здесь делает? Джессика приготовила ванну с экзотическими маслами Средиземноморья – от этой мысли сердце поёт и болит одновременно, а он здесь подглядывает за...

За кем и, главное, зачем?

Чего добивается Майрон Болитар? Дуэйн уже объяснил, как связан с Валери Симпсон: у них была интрижка. Что в этом странного? Они оба привлекательные, чуть за двадцать, профессиональные теннисисты. Так в чём же проблема? В расовом различии? А кто совсем недавно убеждал Димонта, что различия совершенно не важны?

Зачем же Майрон прильнул к замочной скважине? Дуэйн – клиент, и, Бог свидетель, клиент важный. Какое право имеет Болитар подобным образом вторгаться в его личную жизнь? И почему? Потому что подруге Ричвуда не нравятся его интрижки на стороне? Ну и что с того? Как это касается Майрона? Никак. Он не социальный работник, не инспектор по условно-досрочному освобождению, не духовник и не психотерапевт, а всего лишь спортивный агент, задача которого заработать для клиента как можно больше денег, а не читать мораль.

С другой стороны, какого черта Дуэйн тут делает? Нравится жонглировать сразу несколькими девушками? Пожалуйста, только зачем сегодня? Это же полное безумие! Завтра – величайший день в его профессиональной карьере. Матч, который будет транслироваться по национальному телевидению. Первый в жизни четвертьфинал на Открытом чемпионате США. Встреча с игроком первой десятки. Запуск рекламного ролика «Найк». Неужели любовные схватки в отеле нельзя отложить на потом?

Не нравилось это Майрону, ох как не нравилось!

В Дуэйне всегда было что-то загадочное. О своём прошлом он фактически ничего не рассказывал. Якобы в детстве сбежал из дома, однако кто знает, что случилось на самом деле. Почему он сбежал? Где сейчас его родители? На основе имеющихся фактов Майрон создал красивую легенду о мальчишке, старавшемся вырваться из лап нищеты, но соответствует ли это правде? Дуэйн кажется отличным парнем: умным, вежливым, обходительным... А вдруг он ловко притворяется? В конце концов, молодой теннисист, которого знал Майрон, не стал бы перед важным матчем кувыркаться в отеле с любовницей. Отсюда возникает всё тот же вопрос: и что с того?

Майрон – спортивный агент, точка. У Дуэйна Ричвуда огромный талант и потрясающее чувство мяча. Парень привлекателен физически и заработает кучу денег на рекламных контрактах. Вот что важно для агента, а вовсе не интимная жизнь подопечного! На корте Дуэйн – настоящий чудесник, так какая разница, чём он занимается за его пределами? Нет, Болитар принимает всё слишком близко к сердцу, и совершенно напрасно. Агентство – его бизнес и любимое дело, а шпионить за одним из самых нужных клиентов, при этом вторгаясь в его личную жизнь, совсем не по-деловому.

Нужно уйти... Нужно обсудить всё с Джессикой и узнать её мнение.

Так, ещё десять минут, и все.

Понадобилось только две. Прильнув к скважине другим глазом, Майрон увидел, что дверь в номер триста двадцать два открылась. Появился Дуэйн, ну, по крайней мере его спина. Вокруг жилистой шеи – женские руки, тянущие парня вниз. Обнимаются... Лица женщины не видно, только руки. Болитар подумал об интуиции Ванды. Девушка настолько верила в себя, что фактически ослепла, не замечая интрижек своего парня. Понятно, с Майроном такое тоже случалось. Любовь надевает шоры и розовые очки.

– Надевает шоры, – чуть слышно пробормотал Майрон. – Уму непостижимо!

Объятия разомкнулись, Дуэйн выпрямился, а женские руки исчезли из виду. Похоже, Ричвуд собрался уходить... Майрон ещё плотнее прижался к замочной скважине, но тут теннисист обернулся и взглянул на дверь номера 323.

Уже в который раз Болитар спросил себя, как он здесь оказался. Если по долгу службы придётся выяснять подробности интимной жизни каждого из клиентов, он до конца жизни у замочной скважины просидит! Дуэйн – молодой парень, не женатый и официально не помолвленный. Ему только двадцать один. Ничего из увиденного убийства Валери Симпсон не касается.

Точнее, не касалось, пока Ричвуд не отошёл от двери.

Женские руки ещё раз сомкнулись вокруг его шеи, послышались приглушенные голоса, но слов Майрон не разобрал. Дуэйн посмотрел налево, потом направо и зашагал к лифту. Женщина уже начала закрывать дверь, затем вдруг решила ещё раз глянуть на Ричвуда. Тогда Майрон и увидел её лицо.

Перед ним была Диана Йеллер.

ГЛАВА 26

Утро...

Накануне вечером Майрон не стал объясняться с Дуэйном. В каком-то ступоре он добрался до Джессики, открыл дверь своим ключом и начал объяснять: «Извини, пришлось...»

Договорить помешал поцелуй. Затем второй, ещё более страстный. Затем третий, ещё более требовательный. Майрон пытался отбить любовную атаку, хотя, пожалуй, сопротивление особой решимостью не отличалось.

Потянувшись, Болитар перевернулся на спину. Джессика неслышно пробиравась к платяному шкафу. Обнажённая... Несколько секунд – и она скользнула в шёлковое кимоно. Майрон наблюдал за ней с немим восхищением, впрочем, как и всегда.

– Ты такая красивая... – прошептал он, – аж челюсти сводит!

Молодая женщина улыбнулась. От одного её взгляда с мужчинами происходит что-то странное: дыхание учащается, под ложечкой сосёт, перед глазами темнеет от животной страсти. А чувственная улыбка все эти симптомы десятикратно усиливает.

– Доброе утро! – Джессика склонилась над Майроном и нежно поцеловала. – Как ты себя чувствуешь?

– От вчерашней ночи даже уши вспухли.

– Приятно слышать, что я по-прежнему в форме. Величайшая в истории тысячелетия недооценка собственных способностей!

– Ну, расскажи про поездку.

– Нет, сначала ты про убийство.

И Майрон рассказал. Джесс умела слушать и перебивала, только чтобы задать вопрос по существу. Она смотрела прямо на Болитара, не мешая ему фальшивыми улыбками и неуместными кивками. Казалось, красивые глаза видят только Майрона, будто он центр мироздания. От такого внимания становилось не по себе, жутко и восхитительно.

– Валери тебе понравилась, – заметила Джессика.

– Такая молодая, такая одинокая! Попала в беду, а обратиться не к кому.

– У неё был ты.

– Мы встречались всего раз и даже контракт не подписали.

– Не важно, Валери успела понять, кто перед ней. Грози мне опасность, побежала бы именно к тебе. – Молодая женщина наклонила голову. – Как ты узнал название отеля и номер, в котором я жила?

– Аарон... Он пытался меня напугать, и, признаюсь, небезуспешно.

– Аарон грозил сделать мне больно?

– Тебе, мне, моей матери, Эсперансе.

Джесс задумалась.

- Лично я выбрала бы Эсперансу. Ну, из нас четверых.
- Обязательно передам. – Майрон взял её за руку. – Рад, что ты вернулась.
- Допроса с пытками не будет? Спортивный агент покачал головой.
- Должна же я объясниться.
- Не стоит. Просто хочу быть с тобой. Я люблю тебя и всегда любил. У нас духовное родство.
- Духовное родство?

Болитар кивнул.

- Когда ты это понял?
- Давно.
- А почему мне не говорил?
- Боялся напугать, – пожал плечами Майрон.
- А сейчас?
- А сейчас мне важнее поделиться своими чувствами.

Возникла пауза.

- И что мне на это ответить?
- Ничего.
- Я люблю тебя, Майрон. Ты сам знаешь.
- Знаю...

Снова пауза, долгая пауза.

Выскользнув из постели, Джессика принялась расхаживать по комнате. Без всякого кимоно, ничуть не стесняясь наготы.

- Похоже, в этом убийстве множество странных совпадений, – начала она. – Хотя основополагающий фактор тоже есть.

Меняет тему... Что ж, ладно, на сегодня признаний хватит.

- Какой фактор?
- Теннис. Александра Кросса убили в теннисном клубе. Валери Симпсон – в международном теннисном центре. Валери и Дуэйн закрутили интрижку, а они оба профессиональные теннисисты. Те два парня, что якобы убили Александра Кросса, как их звали?
- Эррол Суэйд и Кертис Йеллер.
- Суэйд и Йеллер, – повторила девушка, – они тоже замыслили недоброе в теннисном клубе. Братья Эйк и Аарон связаны с агентством, которое работает с теннисистами. Остаётся Диана Йеллер.
- А что с ней?
- Любовная связь с Дуэйном не может быть совпадением.
- И что?
- Как же она познакомилась с Дуэйном?
- Не знаю.
- Она играет в теннис?
- А если играет?

– Значит, основополагающий фактор сохраняется... – Девушка осеклась. – Несу всякую ерунду... Просто всё крутится вокруг тенниса, все, кроме Дианы Йеллер.

Майрон обдумал услышанное. Нельзя сказать, чтобы факты встали на свои места, но какая-то мыслишка на задворках сознания поселилась.

– Это просто идея, – проговорила Джессика.

Болитар сел в кровати.

– Ты сказала «якобы убили Александра Кросса»? Почему «якобы»?

– Разве существуют неоспоримые доказательства того, что Кросса-младшего убили Суэйд с Йеллером? Вдруг они были козлами отпущения? Ты только подумай, как удобно всё сложилось: Йеллера застрелил полицейский, Суэйд исчез с лица земли. Почему исчез именно он?

– Тогда кто убил Александра Кросса?

– Думаю, Суэйд с Йеллером, – пожала плечами Джессика, – но ведь наверняка не скажешь!

Поселившаяся на задворках сознания мыслишка приблизилась к поверхности, пока не оформляясь во что-то конкретное.

Болитар взглянул на часы. Половина восьмого.

– Спешить?

– Немного.

– Разве матч Дуэйна не в час начинается?

– Я пытаюсь перетянуть к себе паренька по имени Эдди Крейн. Он играет на юниорском турнире в десять.

– Можно мне с тобой?

– Конечно!

– Каковы шансы его перетянуть?

– По-моему, весьма недурные. Проблемы могут возникнуть только с его отцом.

– Ты ему не понравился?

– Думаю, он хотел бы остановиться на агентстве покрупнее.

– Может, мне стоит пошире ему улыбнуться и показать ямочки?

Майрон на секунду задумался.

– Лучше ложбинку покажи. По-моему, этот тип деликатностью не отличается.

– Всё ради клиента! – провозгласила Джессика.

– Не хочешь немного потренироваться? – предложил Болитар.

– Потренироваться в чем?

– В демонстрации ложбинки. Говорят, это целое искусство.

– Ясно... И перед кем тренироваться?

– Ну, мне остаётся предложить свои услуги, – развёл руками Майрон.

– Поразительно, на какие жертвы ты идёшь ради клиентов! – воскликнула Джессика. – Настоящий герой!

Молодая женщина окинула его взглядом. Тем самым взглядом. Майрон ощущал его даже пятками.

– Нет, – склонившись над ним, прошептала Джессика.

– Нет?

Она прильнула губами к его уху.

– Сначала экзотические масла Средиземноморья. Одно слово: вау!

ГЛАВА 27

Ложбинку Джессике показывать не пришлось.

Родители Эдди были очарованы за сотую долю секунды. Миссис Крейн тут же принялась болтать с Джесс о его книгах, мистер Крейн улыбался и втягивал живот, а в начале второго сета даже попытался понизить величину комиссионных на полпроцента. Отличный знак! Нужно почаще брать Джессику на деловые встречи.

Естественно, на матче присутствовали и другие агенты. Целые стаи... Большинство в строгих костюмах с зализанными назад волосами. Возраст самый разный, но в основном молодые. Кое-кто пытался приблизиться, однако мистер Крейн всех отгонял.

– Стервятники! – шепнула Майрону Джессика, когда особо шустрый парень всучил отцу Эдди визитку.

– Просто стараются привлечь клиента, – пожал плечами Болитар.

– Ты их защищаешь?

– Джесс, я занимаюсь тем же самым. Не будешь работать локтями – ничего не добьёшься. Думаешь, Крейны к ним обратятся?

– Ты же не навязываешься так, как эти парни!

– А чем, по-твоему, я сейчас занимаюсь?

Джесс задумалась.

– Согласна, но ведь ты обаятельный!

Разве с этим поспоришь? Эдди вкатил сопернику две баранки, но матч получился куда напряжённое, чём можно было судить по счёту. Юному Крейну явно не хватало тактического мастерства, он полагался лишь на физическую силу. Зато какую силу! При подаче его ракетка рассекала воздух словно коса, а мяч летел со скоростью реактивного снаряда.

Теннисисты пожали друг другу руки, и родители Эдди спустились на корт.

– Слушай, окажи мне услугу, – попросил Майрон Джессику.

– Какую?

– Займи Крейнов на пару минут, хочу поговорить с Эдди наедине.

Не долго думая очаровательная мисс Калвер пригласила их на ленч в ресторан «Ракетки», выходящий на демонстрационный корт. Майрон и Эдди спустились в раздевалку. Парень даже не вспотел, похоже, зрители устали куда больше, чём он! Шаги у юного теннисиста широкие, неторопливые, вид расслабленный, а вокруг шеи совершенно сухое полотенце.

— Я отказал «Тру-Про», – объявил Крейн.

Майрон кивнул: вот почему щедрый Аарон разрешил представлять интересы Эдди!

– Как они отреагировали?

– Разозлились.

– Надо полагать.

– Пожалуй, буду работать с вашим агентством.

– А родители что говорят?

– Не важно. Они оба знают: решение принимаю я. Юный теннисист и его будущий представитель спустились ещё на несколько ступенек.

– Эдди, мне нужно спросить тебя о Валери.

– Вы правда хотите найти убийцу? – криво улыбнулся паренёк.

– Да.

– Зачем?

– Не знаю. Просто чувствую, что должен это сделать.

Крейн кивнул: похоже, ответ полностью его устроил.

– Спрашивайте.

– Вы познакомились в тренировочном лагере Менанси во Флориде?

– Верно.

– А как подружились?

– Вы когда-нибудь были в академии Павла?

– Нет.

– Тогда вряд ли поймёте... – Эдди Крейн запнулся, убрал с глаз волосы, а потом заговорил снова: – Наверное, со стороны дружба шестнадцатилетней девушки и девятилетнего мальчишки кажется странной, но в теннисе такое случается сплошь и рядом. С ровесниками дружить нельзя: они соперники, даже враги. Нам с Валери было одиноко, а из-за разницы в возрасте опасности друг для друга мы не представляли. Пожалуй, так всё и началось.

– Она когда-нибудь упоминала Александра Кросса?

– Угу, пару раз. Они вроде бы встречались.

– Как, по-твоему, у них было серьёзно?

Крейн пожал плечами. Взглянув на пропуски, секьюрити позволил войти в раздевалку.

– Вряд ли. На первом месте для Валери был теннис, а парни всегда потом.

– Расскажи про академию Павла. Как там жилось Валери?

– Как жилось? – невесело усмехнулся Эдди. – Мы безостановочно играли в царя горы или войнушку. Главное – разбить других детей под орех и стать первым.

– А среди девчонок царицей горы была Валери?

– Самой настоящей царицей, – кивнул Эдди.

– Они с Павлом ладили?

– Да, особенно поначалу. Он, как никто другой, умел ею настроить. Валери часами тренировалась со спарринг-партнёрами, а когда казалось, она больше и шагу не сделает, на корте появлялся Павел, и – бац! – у неё будто батарейки перезаряжались! Валери была очень талантливой теннисисткой, но только Павел знал, как разжечь в ней жажду к победе. При нём она буквально сметала соперниц с корта. Носилась вдоль задней линии, вперёд – назад, на шпагат садилась, все свечи и укороченные доставала! Чудеса творила!

– А когда отношения испортились?

– Когда Валери начала проигрывать, – пожал плечами Эдди, будто иначе и случиться не могло.

– Что же стряслось?

– Не знаю. – Крейн остановился, о чем-то задумавшись. – Наверное, она просто наелась. Так со всеми происходит. Мы перегораем. Напряжение слишком велико. С самого детства плотный соревновательный график...

– Как отреагировал Павел?

– Пытался использовать все старые приёмы. Видите ли, он сознательно насаждает в академии дух непримиримой конкуренции. «Чтобы выживали сильнейшие», – как он постоянно мне твердит. Но Валери перестала реагировать. Теннисисток среднего уровня она обыгрывала, а с сильнейшими: Штеффи, Габриэлой, Моникой, Мартиной – конкурировать больше не могла.

Эдди опустил в пластиковое кресло напротив своего шкафчика. Болитар устроился рядом.

– Ты говорил, что видел Валери за несколько дней до её гибели?

– Угу, в фойе «Плазы». – Эдди снял тенниску. Боже, какой худой! В этом возрасте грудь у мальчишек впалая, кажется, ребра сердце приминают. – До той встречи мы долго не виделись.

– Что она сказала?

– Ну, мол, собирается вернуться в большой спорт. Валери очень этому радовалась, глаза сияли, как в старые добрые времена. Потом дала ваш номер телефона и велела держаться подальше от Менанси и «Тру-Про».

– А почему – не объяснила?

– Нет.

– Больше ничего не добавила?

Парень помолчал, мысленно возвращаясь в прошлое.

– Пожалуй, нет. Валери немного спешила. Вроде хотела куда-то пойти и что-то уладить...

– Что уладить?

– Не знаю, она не уточнила.

– В какой день вы встретились? – спросил Майрон.

– По-моему, в четверг.

– А время не вспомнишь?

– Наверное, около шести.

В шесть пятнадцать Валери звонила на квартиру Ричвуда. Что-то уладить... Что именно? Хотела уладить отношения с Дуэйном? Или предать их огласке? А если девушка перешла к угрозам? Решился бы Дуэйн на убийство, чтобы её остановить? Нет, вряд ли, особенно если учесть, что в момент выстрела он подавал на матч в присутствии нескольких тысяч зрителей.

Эдди снял кроссовки, потом носки.

– Есть два билета на матч «Нью-йоркских янки» вереду вечером. Хочешь пойти?

– Мне казалось, вы этим не занимаетесь.

– чём «этим»?

– Вылизыванием задниц.

– Занимаюсь, так же как и все другие агенты. Увы, это не ниже моего достоинства. Хотя тут я просто хочу как следует повеселиться.

– Я должен верить в искренность ваших намерений? – вставая, спросил Эдди.

– Только если ты очень умный парень.

Перед матчами Дуэйн любил быть один. Уин научил его медитировать sans[26] грязных видеокассет, так что парня часто видели сидящим в позе лотоса с закрытыми глазами. Лишняя назойливость и беспокойство Ричвуду не нравились, что в данной ситуации играло на руку Майрону. Особого желанья встречаться с подопечным он не испытывал. Что бы ни случилось, его главная обязанность – помогать клиенту выступать наилучшим образом, особенно сегодня – в самый важный день карьеры Дуэйна. Любой разговор о вчерашнем свидании с Дианой Йеллер будет раздражителем, мощнейшим раздражителем. Придётся подождать.

На трибунах не осталось свободных мест. Всем хотелось увидеть матч между американским выскочкой Дуэйном Ричвудом и великолепным Михалом Бришны из Чехии, экс-первой ракеткой мира, ныне занимающим пятую строчку в рейтинге. Майрон с Джессикой устроились в ложе для почётных гостей. В простом жёлтом сарафане Джесс выглядела потрясающе. Зрители мужского пола раскрыли

рты от восхищения. Что же, ничего удивительного! Наверняка камеры сегодня будут то и дело поворачиваться в их сторону. Красота мисс Калвер плюс её известность в литературных кругах – от такого коктейля ни один оператор не откажется!

Может, дать ей в руки визитку с координатами «Эм-Би спортс»? Нет, слишком пошло.

Заинтересованные личности уже заняли свои места. В угловую лужу набились Нед Тануэлл и другие представители «Найк». Нед махал руками, как обколовшаяся ЛСД мельница.

Через две ложи от них сидел круглолицый Рой О'Коннор – страдающий ожирением президент «Тру-Про». Рядом с ним Аарон: лоснящееся лицо обращено к солнцу, будто поглощая его лучи. Гангстер был в обычном наряде – белоснежном костюме без малейшего намёка на рубашку. Среди соседей Болитар заметил и сенатора Кросса в ложе, заполненной седовласыми, похожими на адвокатов старцами. Единственное исключение – Грегори Кофилд. Майрону по-прежнему хотелось побеседовать с Грегори. Кто знает, вдруг после матча такой шанс представится? Пышногрудая блондинка на том же месте. Красавица снова помахала Майрону, но он решил не реагировать.

Повернувшись к любимой, Болитар встретил лучезарную улыбку.

– Ты такая красивая...

– Красивее той блондинки с большими буферами? – поинтересовалась Джесс.

– Кого?

– Силиконовой телки, которая глаз с тебя не сводит.

– Не понимаю, о ком ты! – возмутился Майрон. – Откуда ты знаешь, что грудь силиконовая?

Игроки вышли на корт и начали разминку. Через пару минут на трибуне появился Павел Менанси. Раздались редкие аплодисменты. Выражая свою признательность, Менанси помахал рукой. Ни дать ни взять папа римский перед прихожанами. Улыбка включена на полную мощность. Павел прошёл к ложе «Тру-Про». Аарон поднялся, чтобы его впустить. Сияющий Менанси пожал руку Рою О'Коннору.

Майрону показалось, его ударили в солнечное сплетение.

– О не-ет! – простонал он.

– Что случилось? – спросила Джессика.

– Мне нужно идти, – поднявшись, объявил Болитар.

– Сейчас?

– Я быстро. Извинись за меня перед всеми.

ГЛАВА 28

Радио в машине было настроено на частоту 66 АМ, где шёл репортаж о матче Дуэйна. Судя по всему, игра не задалась: когда Болитар свернул на стоянку за Сентрал-парк-уэст, его подопечный продул первый сет со счётом 6:3.

Квартира доктора Джулии Абрамсон располагалась в полуквартале от её кабинета. Спортивный агент решительно нажал на кнопку звонка. Раздался щелчок.

– Кто?

– Майрон Болитар. Нам нужно срочно поговорить.

Пару секунд динамик молчал, затем послышалось:

– Проходите, второй этаж.

Снова щелчок, и Майрон открыл подъездную дверь. Джулия Абрамсон ждала на лестничной клетке.

– Вы позвонили, а потом бросили трубку? – спросила она.

– Да.

– Зачем?

– Проверить, дома вы или нет.

Болитар поднялся на второй этаж. Хозяйка и гость молча смотрели друг на друга. Разница в росте почти полметра, так что зрелище получилось комическое.

Чтобы заглянуть Майрону в глаза, доктору Абрамсон пришлось поднять голову. Чуть ли не запрокинуть.

– Я по-прежнему не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Валери Симпсон была моей пациенткой.

– Понятно. Но я прошу вас рассмотреть предполагаемую ситуацию.

– Предполагаемую?

Спортивный агент кивнул.

– И нельзя подождать до понедельника?

– Нет.

– Ну заходите... – вздохнула доктор Абрамсон.

В гостиной работал телевизор: по каналу «И-эс-пи-эн» транслировали матч Дуэйна.

– Наверное, следовало догадаться, – покачала головой хозяйка, – в ложе игрока операторы то и дело показывают Джессику Калвер, а вас нет.

– Ну, рядом с такой спутницей меня бы всё равно не заметили.

– По словам комментатора, у вас роман.

Майрон уклончиво пожал плечами.

– Какой счёт?

– Ваш подопечный проиграл первый сет со счётом 6:3 и уступает 0:2 во втором. – Щёлкнув пультом, хозяйка выключила телевизор, показала на кресло, и они с Майроном сели. – Ладно, рассказывайте о своей гипотетической ситуации.

– Представьте себе девушку, пятнадцатилетнюю, симпатичную... Родители весьма состоятельные, но в разводе, отца фактически нет. Девушка встречается с парнем из знаменитой семьи и пробует себя в профессиональном теннисе.

– По-моему, ситуация не похожа на гипотетическую, – заметила доктор Абрамсон.

– Пожалуйста, дайте мне буквально минуту! Наша красавица играет в теннис так успешно, что мать отправляет её в академию к всемирно известному специалисту. Приехав туда, девушка сталкивается с беспощадной конкуренцией. Теннис – самый индивидуальный вид спорта, ему чужды и командный дух, и товарищество. Будущие звезды буквально дерутся за внимание всемирно известного тренера. На корте подруг не бывает. – Майрон лишь слегка переиначивал слова Эдди. – Доктор, по-вашему, можно сказать, что теннис способствует внутреннему обособлению?

– Если всё так, как вы описываете, то да.

– Вырванная из привычной жизни девочка попадает во враждебно настроенное окружение, где её вовсе не ждут. Какое там! Ровесницы видят в ней конкурентку, а поняв, насколько она талантлива, переносят враждебность и соперничество с кортов в реальную жизнь. С каждым днём наша звёздочка становится всё более одинокой.

– Понятно...

– Всемирно известный тренер, к которому она попала, в какой-то степени дарвинист. Считает, что выживать должны сильнейшие и так далее. Таким образом, его тактика играет двойную роль: во-первых, одиночество заставляет девочку искать отдушину, некое место, где ей будет хорошо и уютно.

– То есть на теннисном корте? – уточнила доктор Абрамсон.

– Именно. Девочка начинает тренироваться с двойным усердием. С другой стороны, всемирно известный специалист с ней очень любезен. Все остальные бездушны и жестоки, а всемирно известный тренер хвалит, уделяет юной звёздочке много времени, помогает раскрыться.

– Что, в свою очередь, ещё больше отдаляет её от сверстниц, – перебила доктор.

– Точно. Девочка привязывается к тренеру, думает, что ему небезразлична, и, как и любая талантливая ученица, хочет заслужить – любой ценой! – его одобрение и поддержку. Она понимает: радуя всемирно известного тренера, она автоматически радует маму, поэтому тренируется ещё усерднее. В общем, круг замыкается.

Доктор Абрамсон прекрасно знала, к чему клонит Майрон, но её лицо осталось непроницаемым.

– Продолжайте.

– Теннисная академия – это не настоящий мир, а своего рода замкнутое государство, которым правит знаменитый тренер. Он ведёт себя так, будто девочка ему небезразлична, будто она настоящая звезда. Девочка начинает тренироваться ещё усерднее, работает не покладая рук, – не для себя, а чтобы порадовать тренера. Вдруг после тренировки он похлопает по спине? Вдруг разотрёт онемевшие плечи? Или даже пригласит на ужин, чтобы обсудить её игру? Кто знает, как это всё началось...

– Как что началось? – уточнила хозяйка.

Майрон решил не отвечать. Пока.

– Всемирно известный тренер начинает возить девочку по турнирам. Теперь она соревнуется со взрослыми профессионалками, которые опять-таки воспринимают её как неудобную соперницу. Только сейчас девочка и всемирно известный тренер одни. Они путешествуют, останавливаются в отелях.

– Ещё большее отдаление от сверстниц, – констатировала Джулия Абрамсон.

– Она успешно выступает, красива, молода, настоящая американка... На распустившийся цветок роем слетаются журналисты. Неожиданное внимание пугает юную звёздочку; по счастью, рядом с ней наставник, который готов защитить и помочь.

– Юная спортсменка становится ещё более зависимой.

– А теперь давайте вспомним, что всемирно известный тренер сам в прошлом всемирно известный теннисист. Как большинство профессиональных спортсменов, он привык любоваться собой и делать все, что захочется. Именно так он поступает с девочкой. – Повисла тишина. – Доктор, такое могло случиться? Чисто теоретически?

Миниатюрная хозяйка откашлялась.

– Теоретически – да. Возможность сексуального домогательства существует в любой ситуации, когда мужчина пользуется авторитетом и обладает властью над женщиной. Однако в вашем сценарии подобный риск многократно возрастает. Мужчина уже в возрасте, а женщина – практически ребёнок. Если учитель и шеф контролируют свою жертву лишь несколько часов в сутки, то ваш тренер фактически всемогущ и всемогущ.

Хозяйка и гость снова переглянулись.

– Та девушка из моего сценария... – нерешительно начал Майрон. – Стань она жертвой сексуального домогательства, её игра бы ухудшилась?

– Несомненно.

– Что ещё бы случилось?

– Каждый случай индивидуален, – начала доктор Абрамсон таким тоном, будто делала научный доклад. – И всё же результат неизменно катастрофический. По сценарию вроде вашего, для девушки всё начиналось как обыкновенный роман. Взрослый, искушённый опытом мужчина единственный из всех проявляет к ней интерес, заботится... Скорее всего комплименты и ухаживания даже провоцировать не нужно: всё получается само собой. Возможно, поначалу девушка их поощряет, хотя лично мне так не кажется. Скорее, она сопротивляется, но в то же время чувствует вину и корит себя за строптивость.

Майрон почувствовал, как судорожно сжимается его желудок.

– Что ведёт к дальнейшим проблемам.

– Именно. Вы рассказывали, как всемирно известный тренер изолирует девушку от внешнего мира, – продолжала доктор Абрамсон. – Однако ваш сценарий намного страшнее. Тренер лишает её человеческого облика. Величие профессионального тенниса переворачивает детство вверх тормашками. Жизнь девушки сосредоточена не вокруг школы, семьи и друзей, а вокруг спортивных побед и денег. Она превращается в материал, в биржевой товар и понимает: одна ссора с тренером – и товар потеряет ценность. В такой ипостаси для своего наставника теннисистка становится ещё доступнее.

— Почему? – удивился Майрон.

– Материал использовать проще, чем живого человека.

Напряжённое молчание.

– А что случится потом? – спросил Болитар. – Когда всемирно известный тренер отработает материал, что станет с девушкой?

– Она начнёт искать спасательный круг, что угодно, способное вытащить из трясины.

– Например, старого бойфренда?

– Да, вполне вероятно.

– Может, даже обручиться захочет?

– Тоже вероятно. Старый бойфренд для девушки – залог возвращения к невинности, и она возвышает его до статуса спасителя.

– А если этого бойфренда убьют?

– Вы лишаете её последней надежды и опоры, – чуть слышно заметила доктор Абрамсон. – Девушка и без того нуждалась в серьёзном лечении, а теперь нервный срыв вполне вероятен.

По спине Майрона поползли мурашки. Доктор Абрамсон отвела глаза.

– Нужно заострить внимание и на других аспектах вашего сценария, – с напускной небрежностью посоветовала она.

– Например?

– Например, на побочных результатах сексуального домогательства. Если всемирно известный тренер действительно привык любоваться собой и поступать как вздумается, он не станет беспокоиться о девочке и, например, пользоваться презервативами. А девочка в силу молодости и отсутствия опыта вряд ли знакома с оральной контрацепцией.

Страх ледяными клещами сжал сердце Майрона. Вспомнились грязные сплетни журналистов.

– Она забеременела.

– По вашему сценарию это вполне возможно, – пожалала плечами доктор Абрамсон.

– Что же случится?... – Болитар не договорил: ответ очевиден. – Всемирно известный тренер заставит бедняжку сделать аборт.

– Да, пожалуй.

Защипало глаза. Господи, неужели слезы?

– Она через такое прошла... – покачал головой Майрон. – Все считали Валери слабой, а на самом деле...

– Не Валери, – поправила доктор Абрамсон, – а абстрактная девочка. Гипотетическая девочка в гипотетической ситуации.

– Что, док, до сих пор прикрываете свою задницу? – едко поинтересовался спортивный агент.

– Вам не в чём меня упрекнуть, Майрон. Всё это – пустые гипотезы. Я не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Валери Симпсон была моей пациенткой.

Болитар покачал головой, поднялся, шагнул к двери и... неожиданно обернулся к хозяйке.

– Ещё один гипотетический вопрос. Если наш герой ещё раз захочет пристать к юной девочке, какова вероятность, что он снова так поступит?

Доктор Абрамсон даже не обернулась.

– Думаю, это весьма вероятно.

ГЛАВА 29

Когда Майрон вернулся во «Флашинг-Медоус», Дуэйн успел проиграть первые два сета 1:6, 1:6 и подавал при счёте 2:2 в третьем. Устроившись между Джессикой и Уином, Болитар тут же заметил, что Павла и след простыл. Аарон, сенатор Кросс и Грегори Кофилд по-прежнему сидели в своих ложах, а Нед Тануэлл – с коллегами из «Найк». Тануэлл больше не махал руками, как обколовшаяся ЛСД мельница, он рыдал. Что говорить, у всех представителей «Найк» лица были кислее некуда, а Генри Хобман застыл, как скульптура Родена.

Майрон повернулся к Джессике; она окинула его тревожным взглядом и, не сказав ни слова, легонько пожала руку. Улыбнувшись, Болитар ответил ей тем же и только тогда заметил, что на девушке ярко-розовая бейсболка с логотипом «Рэй-Бан».

– Откуда бейсболка? – поинтересовался Майрон.

– Один парень предложил тысячу, если просижу в ней до конца матча.

Знакомый рекламный трюк! Компании, в данном случае «Рэй-Бан», платят тем, кто сидит в ложе для особо важных гостей, в обмен на обещание во время игры не снимать фирменную бейсболку. Расчёт, естественно, делается на то, что человека, а вместе с ним и бейсболку покажут по телевизору. Относительно дёшево, а как эффективно!

– А ты что не участвуешь? – спросил Майрон у Уина.

– Не люблю бейсболки, – буркнул Локвуд, – только волосы приминают.

– Из-за этого тоже, но в основном из-за того, что ему предложили только пятьсот, – уточнила Джессика.

– Сексуальная дискриминация – явление отвратительное, – пожал плечами Уин.

Скорее дело в разумном бизнесе. Обычная ставка – пять сотен; видимо, кто-то в «Рэй-Бан» догадался, что Джессика не только красавица, но и известная личность, следовательно, привлечёт повышенное внимание.

Отдав гейм на подаче, Дуэйн уступал 2:3. Первые два сета тоже проиграны. Да, ситуация тревожная...

Во время смены сторон оба теннисиста буквально рухнули на стулья по разные стороны от вышки арбитра. Ричвуд протёр ракетку полотенцем и надел чистую футболку. Какие-то девицы засвистели, однако Дуэйн даже не улыбнулся, буквально впившись глазами в свою ложку. В отличие от остальных видов спорта в теннисе после начала игры подсказки тренера запрещены. Но ведь не зря существуют мимика и жесты! О чудо, Генри Хобман пошевелился! Оторвав руку от подбородка, он сжал её в кулак. Ричвуд кивнул.

– Время! – объявил арбитр.

И тут вернулся Павел. С бутылкой «Эвиан» в руках он появился из дверей справа от трибун. Майрон смотрел на него во все глаза, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди. Вокруг плеч Менанси повязан светлый джемпер; спустившись к ложе, он сел рядом с Аароном. Павел Менанси... Улыбается, смеётся, дышит, живёт... Кто-то берет у него автограф. Девушка, совсем юная девушка! Менанси что-то говорит, она хихикает в кулачок...

– Берджесс Мередит, – проговорил Локвуд, глядя на корт, а не на Майрона.

– Что?

– Берджесс Мередит.

Боже, снова игра «Угадай Бэт-злодея»!

– Только не сейчас! – взмолился Майрон.

– Именно сейчас. Берджесс Мередит!

– Ну почему?

– Потому что ты смотришь слишком пристально. Аарон заметит. – Локвуд поправил очки. – Берджесс Мередит.

Что же, он прав...

– Пингвин.

– Виктор Буоно.

– Тутанхамон.

– Брюс Ли.

– Вопрос с подвохом, – повернувшись к Уину, отметила Джессика.

– Никаких подсказок! – заявил Локвуд.

– Он играл Като, закадычного друга Зелёного Шершня.

– Верно, – вздохнул финансовый консультант и после небольшой паузы спросил: – Всё так плохо?

– Не то слово...

– Полиция выдала тело Валери, – объявил Уин. – Завтра похороны.

Болитар кивнул. На корте Дуэйн выполнил эйс. Всего лишь второй за матч.

– Дело принимает угрожающий характер, – проговорил Майрон.

– Почему?

– Я выяснил, чём мы мешаем братьям Эйк.

– Та-ак, – протянул Уин, – можно ли предположить, что братьям не понравится, если ты поделишься этой информацией с общественностью?

– Да, предположение верное.

– А можно ли предположить, что именно ради этой информации Эйки наняли Аарона и остальных звёзд?

– Ещё одно верное предположение.

Откинувшись на спинку сиденья, Уин замер, на губах появилась странная улыбка. Майрон повернулся к Джессике: девушка до сих пор держала его за руку.

– Только я имею право тебя убить, – прошептала она. – У нас же духовное родство!

Повисла тишина.

Выполнив ещё два эйса и смэш, Дуэйн сделал счёт по три и взглянул на свою ложу. Солнечные лучи отражались о стекла «рэй-банов» и заливали Ричвуда ослепительно ярким светом, делая его похожим на одетого в жидкий металл робота. Но что-то... что-то в его лице изменилось... Теннисист потряс сжатым кулаком.

– Он снова в игре-е-е! – впервые с начала матча протянул Генри Хобман.

ГЛАВА 30

Тренер как в воду глядел. Собравшись с силами, Дуэйн взял третий сет: 6:4, и Нэд Тануэлл тут же перестал рыдать. Четвертую партию подопечный Хобмана взял на тай-брейке, одержав верхе маленьким счётом 9:7, и по ходу отыграл три матчбола. Нэд снова замахал руками. Когда за Ричвудом остался и пятый сет, а на табло загорелось 6:2, Тануэллу пришлось менять нижнее белье.

Окончательный счёт марафонского поединка: 3:6, 1:6, 6:4,7:6, (9:7), 6:2. Его участники ещё не покинули корт, ас трибун уже неслось: «Триллер, настоящий триллер!»

Когда закончились пресс-конференции и поздравления, было довольно поздно. Взяв машину Майрона, Джесс укатила проведать маму, а самого Болитара Уин отвёз на работу. Эсперанса оказалась на месте.

– Хорошая победа! – похвалила она.

– Да уж.

– Первые два сета Дуэйн откровенно провалил.

– Ну, у него была бурная ночь, – буркнул Майрон. – чём займёмся?

Компаньонка вручила ему стопку документов:

– Предбрачный договор Джерри Принса в окончательном варианте.

Ох уж эти предбрачные договоры! Необходимое зло... Майрон их терпеть не мог, но подопечным рекомендовал. Главным в браке должна быть любовь и романтика, а подписание предбрачного договора не романтичнее, чём поцелуй городской урны. И тем не менее Болитар считал себя обязанным заботиться о финансовом благополучии клиентов. Слишком часто скоропалительные браки заканчивались скорыми же разводами. «Золотые рыбки» – так называют предприимчивые девушки успешных спортсменов. Кое-кто усматривал в советах Майрона мужской шовинизм, о котором, естественно, не было и речи: многие спортсменки тоже подписывают предбрачные договоры и соглашения.

– Что ещё? – поинтересовался Болитар.

– Эмметт Робертс просил перезвонить. Ему нужен совет относительно покупки машины.

Разве человек, который водит «форд-таурус», может претендовать на звание «Автоэксперт года»?

Эмметт – этакий пограничный баскетболист: то сидит на скамейке запасных в НБА, то блистает в матчах Континентальной баскетбольной ассоциации, которую называют низшей лигой баскетбола. Во время матчей ею игроки только и делают, что стараются понравиться скаутам НБА. Сделать это практически невозможно, хотя из правила есть такие исключения, как Джон Старке и Мейсон Энтони. Тем не менее команды КБА негласно считались клубами неудачников, последними соломинками, за которые цеплялись решившие стать профессиональными баскетболистами, прежде чём окончательно отказаться от своих чаяний.

Майрон пролистал картотеку. Старательная Эсперанса регулярно ею обновляла и содержала в образцовом порядке. Растон, Ратнер, Рекстелл, Риппард... Вот он, Эмметт Робертс.

Тут Болитара ждал сюрприз.

– А где карточка Дуэйна? – спросил он.

– Что?

Спортивный агент быстро проверил остаток буквы «Р».

– Карточки Дуэйна нет на месте. Может, ты ею не туда вложила?

Ответом был гневный взгляд Эсперансы.

– Посмотри как следует. Она, наверное, на твоём столе.

На столе нет... Болитар перебрал «Д»: вдруг карточка лежит по первой букве имени? Увы, тоже нет.

– Я сделаю новую, – пообещала Эсперанса. – Смотри и ею не потеряй.

– Спасибо огромное! – поблагодарил Майрон, но пропавшая карточка не давала покоя. Ещё одно связанное с Дуэйном совпадение?

Слегка растерянный, Болитар набрал номер Эмметта Робертса. Трубку взял сам баскетболист.

– Привет, Майрон, как дела?

– Спасибо, Эмметт, нормально. Что там за разговоры о машине?

– Представляешь, сегодня мне попался «порше». Красный, полностью укомплектованный, стоит семьдесят штук. Как думаешь, стоит потратить на него премиальные за плей-офф?

– Если тебе действительно нужна эта машина, то да, – ответил Майрон.

– Боже, ты говоришь точно так же, как моя мама! Я хотел твоё мнение узнать...

– Выбери что-нибудь подешевле. Значительно дешевле.

– Майрон, эта тачка – настоящая игрушка, видел бы ты ею!

– Тогда покупай! Эмметт, ты взрослый парень и в моем благословении не нуждаешься, – решительно сказал Майрон. Потом смягчился: – Я когда-нибудь рассказывал тебе о Норме Букере?

– О ком?

Эх, молодёжь, память совсем короткая!

– Лет в пятнадцать-шестнадцать я подрабатывал в одном из летних лагерей Массачусетса. Это был лагерь «Бостон келтикс», где они проверяли новичков. В мои обязанности входило готовить инвентарь и подавать полотенца. Зато я встретил множество отобранных в драфте счастливиц: Седрика Максвелла, Ларри Берда. В тот первый год мне больше всех запомнился Норм Букер, его взяли в первом раунде, кажется, из команды айовского университета.

– И что с того?

– Норм был великолепным игроком. Рост под метр восемьдесят восемь, быстрый, ловкий, техничный. А ещё очень славный. Обычно игроки с обслугой не разговаривают, а вот Норм звёздной болезнью не страдал. Помню, как он делал запрещённые правилами броски из положения спиной к кольцу. Р-раз – и перекинет мяч через левое плечо. Техника Букера отличалась такой филигранностью, что процент попадания почти всегда превышал пятьдесят.

– Так что с ним случилось?

– Целый сезон Норм просидел на скамейке запасных, а в следующем «Келтикс» от него избавилась. Помыкавшись туда-сюда, Букер угодил в «Портленд трейлблейзерс». В основном опять-таки числился в запасных и играл проходные матчи. Когда «Трейлблейзерс» вышла в плей-офф, Норм получил обычную премию и так обрадовался, что сразу купил «роллс-ройс». Всё до последнего цента за машину выложил! Хотя особо не волновался: в спорте ведь всегда есть следующий сезон. Однако случилось непредвиденное: его отчислили и из «Портленда». Норм попытал счастья в паре других клубов, но на постоянную основу его никто не брал. Последнее, что я слышал: Букер продал машину, чтобы свести концы с концами.

В трубке напряжённое молчание.

– Вообще-то я к «хонде-аккорд» тоже присматривался. Там лизинг выгодный...

– Вот ею и купи!

Через пару минут Робертс отсоединился. Майрон целую вечность не вспоминал Норма Букера; интересно, что с ним стало?

В кабинет вошла Эсперанса и принесла новую карточку с информацией о Дуэине Ричвуде.

– Ну, доволен?

– Угу. – Болитар протянул ей два листа. – Вот список приглашённых на вечеринку, во время которой погиб Александр Кросс.

– Что искать?

– Черт его знает... Знакомое имя или кого-нибудь, кто бросится в глаза.

Компаньонка кивнула.

– Слышал, что завтра похороны?

– Конечно.

– Идти собираешься?

– Да.

– Я разыскала учительницу из статьи о Кертисе Йеллере.

– Которую?

– Миссис Люсинду Элрайт. Она на пенсии и живёт в Филадельфии. Готова принять тебя завтра во второй половине дня. Можешь пойти сразу после похорон.

– Очевидно, особой необходимости уже нет, – откинувшись на спинку кресла, пробормотал Майрон.

– Отменить встречу?

Спортивный агент задумался. В свете того, что он узнал о Павле Менанси, связь между убийством Валери и участием Кертиса Йеллера казалась ещё более эфемерной. Вовсе не трагическая смерть Александра Кросса погубила душу девушки, она даже последней каплей не стала. Павел

Менанси куда раньше фактически столкнул её со скалы. Тренер смотрел, как Валери летит вниз, по пути ударяясь об острые скалы. Убийство Кросса – не более чем конечная точка её падения, своеобразное дно. Последний удар, превративший молодую талантливую спортсменку в пустую ракушку. По всей видимости, между убийством мисс Симпсон и событиями шестилетней давности связи нет. Равно как и между Валери и Дуэйном, ну, за исключением любовной интрижки, в которой неожиданно признался Ричвуд. Ничего удивительного, подобное случается сплошь и рядом.

Вот только...

Вот только вчерашнее свидание Дуэйна с матерью Кертиса Йеллера в общую схему не вписывается. Если бы не оно – не застань их Майрон в отеле, – можно было бы вообще не волноваться. Однако роман Дуэйна с Дианой Йеллер вряд ли является простым совпадением. Должно быть какое-то объяснение.

– Нет, не отменяй, – попросил Болитар.

ГЛАВА 31

Похороны Валери проходили как по сценарию. Священник – дородный мужчина с красным носом – практически не знал покойную. Монотонно, словно текст резюме, он зачитал список её титулов и достижений, добавив стандартные добродетели: любящая дочь, молодая, полная жизни, так рано покинула наш бренный мир, неисповедимы пути Господни... В звуках органа слышалось праведное негодование. Часовню украсили букетиками, явно не первой свежести и больше подходящими для ярмарочного павильона. С витражных окон строго взирали святые мученики.

Гости подолгу не задерживались и подходили к Хелен и Кеннету ван Слайк не принести соболезнования, а отметить. Впрочем, для этого они в основном и явились. Гордо подняв голову, Хелен ван Слайк пожимала руки. Ни разу не моргнула, не улыбнулась, не заплакала. Лицо будто из камня высекли... Майрон ждал в очереди вместе с Уином. Подойдя ближе, они услышали, как Хелен повторяет одни и те же фразы: «Спасибо, что пришли. Благодарим за участие. Очень признательны. Спасибо, что пришли. Благодарим за участие. Очень признательны» монотонным голосом, каким стюардессы объявляют, что самолёт идёт на посадку.

Когда настал черед Майрона, Хелен так и вцепилась в его руку.

– Выяснили, кто обидел Валери?

– Да. – Слово «обидел» резануло уши. Почему она не сказала «убил»?

Ища подтверждение, Хелен ван Слайк взглянула на Уина, и тот кивнул.

– Приходите в Brentman-холл, – попросила она. – Мы устраиваем небольшой приём. – Повернувшись к следующему гостю, мать Валери включила внутренний магнитофон: «Спасибо, что пришли. Благодарим за участие. Очень признательны...»

Майрон с Уином выполнили просьбу Хелен. Приём в Brentman-холле не напоминал ни весёлые ирландские поминки, ни глубокий траур. Ни одной слезинки, хотя даже смех был бы лучше полного отсутствия эмоций. «Скорбящие» сновали по гостиной с таким видом, словно явились на деловую встречу или светский раут.

– Всем всё равно, – пробормотал Майрон. – Валери больше нет, а людям всё равно.

– По-другому не бывает, – пожал плечами Уин. Неисправимый оптимист.

Первым к друзьям подошёл Кеннет. На нём соответствующий случаю чёрный костюм и начищенные до блеска туфли. Безутешный отчим похлопал Локвуда по спине и крепко стиснул руку. Майрона он якобы не заметил.

– Ну, как вы? Справляетесь?

– Я-то ничего... – тяжело вздохнул ван Слайк. Надо же, какой бесстрашный! – А вот за Хелен беспокоюсь. Пришлось дать ей снотворное.

– Мне очень жаль, – тихо сказал Майрон.

Кеннет повернулся к нему, будто только сейчас заметив. Лицо кислое-прекислое.

– Вы серьёзно?

Прятели переглянулись.

– Да, Кеннет, – ответил Болитар.

– Тогда окажите любезность и держитесь подальше от моей жены. Ваш прошлый визит её сильно расстроил.

– Я не хотел причинять боль.

– А получилось совсем наоборот! Мистер Болитар, вам пора. Соболезнования выразили, спасибо, а теперь оставьте Хелен в покое. Сегодня день скорби: она потеряла дочь, а я – падчерицу.

Уин закатил глаза.

– Кеннет, я даю вам слово, – проговорил Майрон.

Кивнув коротко, как и подобает настоящему мужчине, ван Слайк удалился.

– Падчерицу он потерял! – раздражённо повторил Локвуд. – Фи-и!

Неожиданно Болитар перехватил взгляд миссис ван Слайк, стоявшей в противоположном конце гостиной. Чуть заметно наклонив голову вправо, она распахнула дверь и исчезла. Можно подумать, они о свидании договариваются!

– Карауль Кеннета! – попросил друга Майрон.

– Ты же слово дал! – с притворным изумлением вскинул брови Уин.

– Фи-и! – многозначительно протянул Болитар и скользнул вслед за хозяйкой. Хелен тоже была вся в чёрном: костюм довольно элегантный, а юбка такой длины, что кажется соблазнительной, оставаясь абсолютно пристойной. «Прелестные ножки!» – подумал Майрон и тут же назвал себя свиньёй: только у свиней при подобных обстоятельствах возникают подобные мысли.

В конце со вкусом отделанного коридора находилась небольшая комнатка. Эдакая гостиная в миниатюре: люстра поменьше, и диван поменьше, и камин поменьше, и портрет над каминной полкой тоже поменьше.

– Это салон, – пояснила Хелен ван Слайк.

– А-а, – протянул Майрон, которого давно интересовало, что делают в салонах. Даже сейчас, попав в один из них, он не мог дать определённого ответа.

– Хотите чаю?

– Нет, спасибо.

– А я выпью, если вы, конечно, не против.

– Нет-нет, пейте!

Спокойно опустившись на диван, женщина налила себе чаю в чашечку из серебряного сервиза. Спортивный агент заметил, что сервизов на столе два. Так, может, в них разгадка назначения салонов?

– По словам Кеннета, вам дают успокоительное.

– Кеннет – настоящий ублюдок. Вот так так!

– Вы до сих пор расследуете убийство Валери? – спросила Хелен, в голосе которой слышались ироничные нотки. Язык у миссис ван Слайк немного заплетался. Может, ей действительно дают лекарства, или в серебряной чашке не чай, а что-то покрепче?

– Да.

– По-прежнему чувствуете по отношению к ней благородно-рыцарскую ответственность?

– Ничего подобного у меня в мыслях нет и не было.

– Тогда зачем этим занимаетесь?

– Кто-то же должен, – пожал плечами Майрон.

Женщина подняла глаза, пытаясь отыскать в его лице хоть каплю сарказма.

– Поня-ятно, – протянула она. – Ну, говорите, что удалось узнать?

– Павел Менанси совратил вашу дочь.

– Что значит «совратил»?

– Это значит склонил к интимным отношениям.

– То есть, по сути, изнасиловал?

– Да, можно и так сказать.

Хелен насмешливо фыркнула.

- Ну, мистер Болитар, по-моему, это немного через край.
- А по-моему, нет.
- Слушайте, силу Менанси не применял. У них был заурядный роман, ничего сверхъестественного.
- Так вы об этом знали?
- Конечно, и, конечно, не одобряла. Павел проявил удивительную недалёковидность. Но моей дочери в ту пору уже исполнилось шестнадцать, может, даже семнадцать, точно не помню... В общем, возраст вполне сознательный, так что называть произошедшее сексуальным домогательством немного мелодраматично, не правда ли?
- Наверное, она пьёт и успокоительное, и алкоголь. Возможно, даже различные сочетания пробует.
- Валери была совсем юной девушкой, – напомнил Болитар, – а Павел – почти пятидесятилетним мужчиной и ею тренером по совместительству.
- А окажись он сорокалетним или тридцатилетним, что-нибудь бы изменилось?
- Нет! – отрезал Майрон.
- Тогда зачем вообще говорить о разнице в возрасте? – Миссис ван Слайк опустила чашку на стол. Губы снова тронула улыбка. – Мистер Болитар, позвольте задать вам вопрос. Будь Валери шестнадцатилетним парнем, закрутившим роман с красивой женщиной-тренером лет, скажем, тридцати, вы бы назвали это изнасилованием?
- Майрон промедлил с ответом буквально секунду, но этого оказалось более чем достаточно.
- Я так и думала! – с торжеством воскликнула миссис ван Слайк. – Мистер Болитар, вы шовинист! Валери увлеклась мужчиной в возрасте. Подобное далеко не редкость. Даже со мной случалось... – На губах Хелен заиграла улыбка.
- А когда роман кончился, вы тоже пережили нервный срыв?
- Так вот что для вас сексуальное домогательство? – удивлённо вскинула брови хозяйка. – Причина нервного срыва!
- Вы доверили этому человеку дочь, а он душу ей исковеркал: воспользовался, а затем выбросил за ненадобностью.
- Исковеркал? Воспользовался? Выкинул? Мистер Болитар, а вы краски не сгущаете?
- Похоже, вы в его поступках ничего предосудительного не видите?
- Отставив чашку с чаем, Хелен потянулась за сигаретой. Закурила, глубоко затянулась, медленно выпустила дым изо рта.
- Если вам так проще, можете винить во всем меня. Я была отвратительной матерью, худшей на свете... Ну, довольны?
- Майрон смотрел, как миссис ван Слайк спокойно курит и потягивает чай. Слишком спокойно. Неужели она сама верит в чушь, которую несёт? Или это спектакль? Хелен обманывает себя или...
- Павел откупился! – выпалил спортивный агент.
- Нет.
- «Тру-Про» и Менанси вам платят.
- Всё не так! – перебила мать Валери.
- Ваше финансовое положение нам известно, миссис ван Слайк.
- Вы просто не понимаете! Павел считает себя виноватым и решил исправить ситуацию единственным доступным ему способом.
- Откупившись от вас!
- Предоставляя деньги, которые Валери могла заработать, не оборвись ею карьера. Он ведь мог этого не делать. Неизвестно, стал ли роман...
- Это называется плата за молчание.

– Вовсе нет, – чуть ли не прошипела хозяйка дома. – Валери была моей дочерью.

– А вы её продали.

Хелен покачала головой.

– Я поступила так, как считала лучше для дочери.

– Павел её изнасиловал, а вы взяли деньги и позволили ему остаться безнаказанным.

– Я была бессильна, – проговорила миссис ван Слайк. – Мы боялись огласки. Валери хотела сохранить это в тайне и поскорее оставить в прошлом. Мы все хотели...

– Почему? – удивился Майрон. – Ну, увлеклась мужчиной в возрасте, и что? Подобное далеко не редкость, даже с вами случалось!

Женщина прикусила губу, а когда заговорила снова, голос звучал куда менее решительно:

– Сохранить прошлое втайне казалось самым разумным.

– Чушь! – вскричал Майрон. Он понимал, что перегибает палку, но сердце не позволяло идти на попятную. – Вы продали собственную дочь!

Хелен притихла и несколько секунд молча смотрела, как кончик сигареты превращается в пепел. Будто издали слышался негромкий ропот гостей. Кто-то сдавленно хихикал. Весело звенели бокалы...

– Они угрожали Валери, – призналась женщина.

– Кто?

– Не знаю... Люди, с которыми работал Павел. Они ясно дали понять: стоит дочке открыть рот – ей не жить. – Хелен умоляюще заглянула в глаза гостю. – Разве у нас был выбор? К чему бы привела откровенность? Они бы её убили! Я так боялась за Валери... Кеннет – ну, думаю, его больше интересовали деньги. Задним умом каждый силен, а тогда мне показалось, что лучшего варианта не найти.

– Вы защищали дочь, – подвёл итог Болитар.

– Да.

– Но сейчас её уже нет.

– Не понимаю, о чём вы! – удивилась хозяйка дома.

– Вам больше не нужно бояться за Валери. Она мертва, значит, вы можете поступать, как считаете нужным.

Женщина безвольно открыла рот, однако ответить смогла далеко не сразу.

– У меня есть вторая дочь, – выдавила она. – И муж...

– Так к чему все эти разговоры о спасении Валери?

– Я... Я просто пыталась... – договорить миссис ван Слайк не удалось.

– Вы взяли откупные! – не унимался Майрон. Он постоянно напоминал себе: сидящая перед ним женщина только что похоронила дочь, но почему-то даже эта мысль не сдерживала ярость, а, наоборот, разжигала. – Мужа винить не стоит. Он бесхребетный червяк, а вот вы мать Валери. Вы брали деньги, покрывая человека, который насиловал вашу дочь. А сейчас продолжаете их брать, покрывая человека, который, возможно, убил вашу дочь.

– У вас нет доказательств, что Павел замешан в убийстве.

– В убийстве – действительно нет, зато остальные преступления против Валери – совсем другая история.

– Слишком поздно... – закрыв глаза, прошептала Хелен.

– Ничего подобного! Знаете, он ведь до сих пор творит бесчинства. Такие, как Павел, не в состоянии остановиться. Они находят новых жертв.

- Я бессильна.
- У меня есть подруга по имени Джессика Калвер, довольно известный писатель.
- Я знаю, кто она.

Болитар протянул миссис ван Слайк визитку Джесс.

– Расскажите ей всю историю – Джессика напишет статью, а вы отдадите в крупное издание, например в «Спорте иллюстрийтед». Сенсационный материал опубликуют раньше, чем люди Павла успеют пронюхать! Они совершенно аморальны, зато осторожны и рассудительны. Как только статья выйдет, преследование вашей семьи станет бессмысленным, а Павел получит по заслугам.

– Извините, – понурила голову Хелен, – я не могу так поступить.

От былой решимости не осталось и следа. Сгорбившись, мать Валери дрожала мелкой дрожью. Глядя на неё, Майрон пытался найти в душе хоть немного жалости.

– Вы бросили Валери на растерзание чудовищу. Толком не заботились и не следили. А получив шанс спасти, даже не подумали им воспользоваться. Вы взяли деньги!

Затянутая в изящный костюм, Хелен содрогнулась, похоже, от слез. Боже, до чего дошло: набросился на несчастную мать в день похорон её дочери! На бис осталось утопить новорождённых котят в пруду у соседей...

– Возможно, – тихо начал он, – Валери хотела рассказать правду. Возможно, так ей было бы проще позабыть о прошлом. Возможно, поэтому ею и убили.

Молчание. Потом без всякого предупреждения Хелен ван Слайк подняла голову, встала и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова. Майрон двинулся следом. Лишь вернувшись в гостиную, он снова услышал её голос:

– Спасибо, что пришли. Благодарим за участие. Очень признательны...

ГЛАВА 32

Люсинда Элрайт оказалась дородной, с полными руками и весёлым смехом. Из тех женщин, чьих объятий в детстве боишься: вдруг раздавит, а став взрослым, нередко о них мечтаешь.

– Заходите! – пригласила она, отогнав от двери нескольких малышей.

– Спасибо!

– Перекусить не хотите?

– Нет!

– А печенье? – В квартире миссис Элрайт было как минимум десять детей. Все не старше семи-восьми и темнокожие. Кто-то рисовал красками, кто-то строил замок из кубиков сахара. Какой-то мальчишка, на вид лет шести, показал Майрону язык. – Только не домашнее, печь совсем не умею.

– От печенья не откажусь.

Женщина улыбнулась.

– После выхода на пенсию сижу с детьми. Надеюсь, в этом нет ничего предосудительного?

– Конечно, нет!

Миссис Элрайт ушла на кухню. Мальчишка дождался, пока она скроется из виду, и снова показал язык. Болитар ответил тем же. Вот тебе и взрослый человек!.. Паренёк захихикал.

– Ну, Майрон, садитесь... – Она смахнула с дивана детские рисунки. На тарелке обычный набор печенья: «Орео» и «Чип ахой». – Прошу, угощайтесь!

Майрон потянулся за печеньем. Спрятавшись за спиной миссис Элпрайт так, чтобы она не видела, мальчишка снова высунул язык. Бывшей учительнице даже оборачиваться не пришлось.

– Джеральд, ещё раз покажешь язык, и я отрежу его секатором.

Мальчишка тут же перестал гримасничать.

– Что такое секатор?

– Подрастёшь – узнаешь, а сейчас иди играй. И смотри, чтобы на тебя не жаловались!

– Да, мэм.

Когда мальчишка убежал, миссис Элпрайт сказала:

– В таком возрасте они мне нравятся больше всего. Чуть подрастут, и проблем не оберёшься.

Кивнув, Майрон взял с тарелки «Орео», разломил шоколадные половинки, однако белый крем слизывать не стал. Очень по-взрослому! Миссис Элпрайт выбрала другое печенье.

– Ваша подруга Эсперанса сказала, что вы хотите поговорить о Кертисе Йеллере.

– Да, мэм. – Болитар передал ей газетную вырезку. – В этой статье вас верно процитировали?

На серебряной цепочке старомодные очки в форме полумесяца. Учительница поднесла их к глазам и просмотрела страничку:

– Всё правильно.

– Вы действительно так думали?

– Да, а не пыталась выгородить ученика, если вы на это намекаете. Я проработала в той школе двадцать семь лет. На моих глазах дети попадали в тюрьму и гибли на улице. О них я ни слова журналистам не рассказывала. Видите шрам? – Женщина показала на массивный бицепс.

Майрон кивнул.

– Ученик ножом пырнул. А ещё один из пистолета стрелял. Я конфисковала больше оружия, чем любой чёртов металлоискатель! – Женщина опустила руку. – Поэтому и сказала, что больше люблю маленьких, пока у них нет бредовых идей.

– Но Кертис выделялся из основной массы?

– Безусловно. Он был не просто славным мальчиком, а самым лучшим учеником из тех, что мне попадались. Всегда вежливый, дружелюбный, никаких проблем не создавал. Но, с другой стороны, и в «ботаниках» не ходил, ну, вы меня понимаете. Дружил со всем классом, успешно спортом занимался. Говорю, таких парней один на миллион.

– А его мать? – спросил Майрон. – Что она из себя представляет?

– Диана? – Люсинда расправила плечи. – Хорошая женщина, очень напоминает нынешних молодых мамочек. Одинокая, гордая, из кожи вон лезла, чтобы свести концы с концами. Хотя в житейской мудрости ей не откажешь! У них существовали правила, например, комендантский час. Пару дней назад в двенадцать ночи застрелили десятилетнего мальчика. Скажите на милость, что в двенадцать ночи десятилетний ребёнок делал на улице?!

— Хотел бы я знать...

Бывшая учительница только рукой махнула.

– Вы же пришли не выслушивать старухины жалобы...

– Я никуда не тороплюсь.

– Очень мило, но ведь вы явились сюда по делу. И кажется, по важному.

Болитар молча кивнул.

– Так, – Люсинда хлопнула себя по бокам, – о чём мы говорили?

– О Диане Йеллер.

– Верно, о Диане. Знаете, я и ею нередко вспоминаю. Такая заботливая мать: приходила на все открытые уроки и родительские собрания. Искренне наслаждалась похвалами, которыми мы осыпали ею мальчика.

– А после смерти Кертиса вы общались?

– Нет, – миссис Элрайт покачала головой и тяжело вздохнула, – о Диане я больше не слышала. Никаких похорон, вообще ничего... Я звонила ей пару раз, но трубку никто не брал. Диана будто исчезла с лица земли. Хотя понять можно: жизнь у неё была не сахар. Вы в курсе, что она в молодости проституцией занималась?

– В первый раз слышу.

– Ну, это давняя история. Диана даже не знала, кто отец Кертиса. Но она сумела завязать, полностью порвала с прошлым. Вкалывала как проклятая, для своего мальчика старалась... А потом раз – и исчезла.

– А Эррола Суэйда вы знали?

– Лишь настолько, чтобы понять: от него одни неприятности. Вся жизнь по тюрьмам... Эррол был сыном Дианиной сестры, которая сильно кололась и умерла от передозировки. Ей пришлось взять мальчишку к себе. Племянник все-таки, а Диана – женщина ответственная, бросить не могла.

– Эррол с Кертисом ладили? – поинтересовался спортивный агент.

– Да, и неплохо, учитывая все их различия.

– А может, они не так и отличались?

– О чём это вы?

– Уговорил же его Эррол вломиться в теннисный клуб.

Задумчиво посмотрев на гостя, Люсинда Элрайт откусила печенью. На губах заиграла лукавая улыбка.

– Ну, Майрон, вы же знаете, что это не так! Ума вам не занимать, равно как и Кертису. Что ему там красть? С какой целью пробираться в теннисный клуб среди ночи? Сами подумайте...

Майрон уже думал и очень радовался, что кто-то ещё не доверяет официальной версии.

– По-вашему, как всё было на самом деле?

– Ничего путного в голову не приходит. Единственное, мне кажется, Кертиса с Эрролом подставили. Даже если Кертис решился на кражу и по-идиотски влез в теннисный клуб, не верю, что он стрелял в полицейского! Подростки, конечно, меняются, но в данном случае это всё равно что петух начал бы нести яйца. Слишком уж невероятно! – Хозяйка устроилась поудобнее. – По-моему, в элитном белом клубе произошло какое-то недоразумение, и на роль козлов отпущения понадобились два черных парня. Не бойтесь, я не из тех, кто считает: белые только и ждут, чтобы навредить черным. Ничего подобного! Только в этом случае другого варианта нет.

– Спасибо, миссис Элрайт.

– Просто Люсинда. Майрон, сделайте мне одолжение.

– Какое?

– Если выясните, что на самом деле случилось с Кертисом, дайте знать.

ГЛАВА 33

Майрон с Джессикой отправились в Нью-Джерси поужинать в «У Бамгартена». В этом ресторане они появлялись как минимум дважды в неделю. Любопытное местечко... Добрых полвека «У Бамгартена» был популярной забегаловкой, где делали лучшую в районе газировку. В такие заведения клерки ходят на ленч, а школьники – целоваться вдали от родительского ока. Восемь лет назад его купил иммигрант по имени Питер Ли и превратил в великолепный китайский ресторан, однако от популярной газировки не избавился. Получился ресторанный бар: хочешь – сиди за столиком, хочешь – у стойки, среди миксеров, блендеров и круглых черпаков для мороженого. К дим-саму[27] нередко заказывали молочный коктейль, а к цыплёнку генерала Цо[28] – картофель фри. До ссоры Майрон с Джесс бывали «У Бамгартена» каждые выходные и теперь, помирившись, решили возродить традицию.

– Убийство Александра Кросса мне покоя не даёт, – признался Болитар.

Прежде чем девушка успела ответить, появился Питер Ли. Майрон и Джесс никогда заказов не делали: за них выбирал Питер.

– Коралловые креветки для прекрасной дамы, – объявил китаец, ставя перед Джессикой тарелку, – и цыплёнок по-сычуаньски с гарниром из баклажанов для мужчины, недостойного стирать пыль с её туфель.

– Отлично! – похвалил Майрон. – Так смешно...

Питер поклонился.

– На родине меня ценят за тонкое чувство юмора.

– Наверное, на вашей родине только и делают, что смеются, – предположил Болитар и взглянул на свою тарелку. – Питер, я ненавижу баклажаны.

– Отведав их, будете молить меня о добавке, – пообещал хозяин. – Приятного аппетита! – Он улыбнулся Джессике и исчез.

– Ну, – кивнула мисс Калвер, – что с Александром Кроссом?

– Дело не столько в самом Александре, сколько в Кертисе Йеллере. Все твердят, он был славным парнем. Мать страшно его любила, заботилась и так далее. Зато сейчас ведёт себя, будто ничего не случилось...

– «Эта боль всегда со мною, – проговорила Джессика, – каждый день и каждый час».[29]

– Мюзикл «Отверженные», – задумавшись буквально на секунду, ответил Майрон. У них с Джесс имелась собственная нескончаемая игра под названием «Угадай цитату».

– Верно, а слова чьи?

– Вальжана!

– Увы, не угадал! Мариуса.

Спортивный агент кивнул.

– Разницы нет, цитата отвратительная.

– Знаю, просто сегодня слушала в машине кассету. Зато очень в тему.

– Ты о «боли, которая всегда со мною»?

– Именно.

Болитар глотнул воды.

– Значит, по-твоему, нормально, что мать ведёт себя как ни в чём не бывало.

Джессика пожалала плечами.

– Шесть лет прошло. Ей что, биться и рыдать всякий раз, когда ты приходишь?

– Нет, просто казалось, Диане захочется выяснить, кто убил её сына.

Прежде чем попробовать креветок, девушка потянулась к тарелке Майрона и подцепила вилкой кусочек цыплёнка. Не баклажана, а именно цыплёнка.

– Вдруг ей и так известно? – предположила она.

– По-твоему, ею тоже подкупили?

– Может быть, – пожалала плечами писательница, – но тебя беспокоит не это.

– Да ну?

Джесс даже ела красиво. Майрон мог часами наблюдать, как она пережёвывает пищу.

– Дуэйн в гостиничном номере матери Кертиса Йеллера, – вот из-за чего ты нервничаешь!

– Согласись: совпадение престранное!

– У тебя уже есть идея? – спросила Джессика.

Болитар на минутку задумался.

– Нет.

Джессика подцепила ещё цыплёнка.

– Спроси Дуэйна.

– Да, конечно, подойду и скажу: «Слушай, Дуэйн, я тут слежку устроил и застукал тебя с женщиной в возрасте. Не хочешь рассказать, чем вы занимались в гостиничном номере?»

– Да, задача не из лёгких, – согласилась Джесс. – Но ею можно решить другим способом.

– Через Диану Йеллер?

Джесс кивнула, а Майрон попробовал цыплёнка, пока на по кусочкам не растащила всю порцию.

– Можно попытаться. Давай вместе, а?

– Я ею только напугаю! Лучше отвези меня домой.

С китайскими лакомствами они расправились в мгновение ока. Болитар даже баклажаны съел: оказались очень даже ничего. Питер принёс шоколадный десерт: от одного вида можно лишний вес набрать. Майрон воздержался, зато Джесс активно взялась за дело. Обрато поехали по мосту Джорджа Вашингтона к бухте Гудзона и оттуда на запад. Болитар высадил подругу у её «мансарды», как он называл квартиру на третьем этаже дома на Спринг-стрит в Сохо. Уже попрощавшись, Джессика снова заглянула в салон:

– Потом приедешь?

– Конечно! Надень форму французской горничной и жди.

– У меня нет формы французской горничной.

– Ну вот...

– Купим её утром, – пообещала девушка, – а пока выберу что-нибудь подходящее.

– Отлично! – воскликнул Майрон.

Машина уехала. Джессика поднялась по лестнице на третий этаж, половину которого занимала её мансарда, открыла ключом дверь и вошла. Включив свет, она вздрогнула: на диване развалился Аарон.

Она и пошевелиться не успела, как второй мужчина – в темной сетчатой майке – подошёл сзади и приставил к её виску пистолет. А третий – совсем молодой, чернокожий – закрыл дверь на засов. У него тоже пистолет...

– Привет, Джессика! – улыбнулся Аарон.

ГЛАВА 34

Зазвонил «машинный» телефон.

- Алло!
- Малыш, это тётя Клара! Спасибо за клиента!
- Вообще-то Клара никакой тётей не была. Они с дядей Сиднеем старые друзья родителей Майрона. Клара вместе с будущей миссис Болитар училась на юридическом, поэтому Майрон и попросил её представлять Роджера Куинси.
- Как ваши дела?
- Клиент велел передать тебе важное сообщение, – заявила Клара. – Причём дал понять, что я, его адвокат, должна считать это заданием первостепенной важности.
- Что такое?
- По словам мистера Куинси, ты обещал ему автограф Дуэйна Ричвуда. Так вот, он желает получить фотографию Дуэйна Ричвуда с автографом, а не просто автограф. Причём лучше, если фотография будет цветная и по возможности с дарственной надписью. Кстати, он рассказывал, как сильно любит теннис?
- По-моему, об этом речь заходила. Забавный тип, правда?
- Да он цирк ходячий! Постоянно какие-то фокусы... У меня уже бока болят от смеха. Это всё равно что защищать Джеки Мейсона![30]
- И каков твой вердикт? – поинтересовался Майрон.
- С юридической точки зрения? Парень – полный идиот, но виновен ли в убийстве и, что ещё важнее, сможет ли это доказать окружной прокурор, это совсем другая сипур.[31]
- Что у них есть против Роджера?
- Так, косвенная мелочь. Куинси был во «Флашинг-Медоус»? Ерунда, там много кто был. Тёмное прошлое? Тоже не страшно: насколько мне известно, к открытым угрозам он не переходил. Никто не видел, как мой подопечный стрелял в мисс Симпсон. По результатам анализов его следов на револьвере и пакете обнаружено не было. В общем, говорю: косвенная мелочь.
- Лично я ему верю, – сказал Майрон.
- Угу. – Сама Клара не уточнила: верит она Куинси или нет. Принципиального значения это не имело. – Ладно, красавчик, ещё созвонимся. Береги себя!
- И ты тоже!
- Отсоединившись, Болитар набрал номер Джейка.
- Шериф Кортер! – ответил грубый голос.
- Джейк, это я.
- Какого хрена тебе опять понадобилось?
- Ну, приветствие просто верх изысканности! – отметил Майрон. – Надо запомнить: вдруг пригодится!
- Боже, ты настоящий зануда!
- Знаешь, никогда не понимал, почему тебя почти не приглашают на светские рауты?
- Кортер высморкался. Очень громко...
- Пока твой сарказм не сразил меня наповал, говори: что нужно?
- Копии документов по делу Кросса ещё не забрали?
- Угу.

– Я бы хотел встретиться с патологоанатомом, проводившим вскрытие, и детективом, который застрелил Йеллера, – попросил Майрон. – Можешь это устроить?

– По-моему, вскрытие не проводилось.

– Официально нет, но сенатор сказал, в частном порядке его все-таки делали.

– Да, верно, – признал Кортер. – С тем детективом я знаком. Его зовут Джимми Блейн. Отличный парень, но с тобой разговаривать не будет.

– Доставать его не собираюсь.

– Надо же, какое счастье!

– Просто хочу кое-что выяснить.

– Уверен, Джимми не станет с тобой встречаться. Да и зачем он тебе понадобился?

– Мне кажется, убийства Валери и Александра Кросса взаимосвязаны.

– Неужели?

Выслушав объяснения Майрона, Джейк сказал:

– Никакой связи не вижу, но, если что-то выясню, обязательно позвоню.

Кортер повесил трубку.

Майрону повезло найти место на стоянке всего в двух кварталах от отеля. Уверенно, с видом привилегированного клиента, он вошёл в фойе, поднялся на третий этаж, остановился у номера триста двадцать два и постучал.

– Кто это? – мелодичным голосом пропела Диана Йеллер.

– Посыльный! – отозвался Болитар. – На ваше имя заказали цветы!

Распахнув дверь, Диана Йеллер приветливо улыбнулась. Совсем как при первой встрече... Когда вместо цветов женщина увидела лицо Майрона, улыбка исчезла. Опять-таки как при первой встрече.

– Вам нравится в отеле?

Диана даже не удосужилась скрыть свой гнев.

– Что вы хотите?

– Как же так, вы приехали в Нью-Йорк и даже не позвонили! Подобный поступок и студента бы оскорбил, не то что умудрённого опытом мужчину!

– Мне нечего вам сказать! – Мать Кертиса начала закрывать дверь.

– Отгадайте, с кем я разговаривал?

– Мне всё равно.

– С Люсиндой Элрайт.

Дверь остановилась. Воспользовавшись оцепенением Дианы, Болитар скользнул в номер.

– С кем? – обрела дар речи женщина.

– С Люсиндой Элрайт, одной из учительниц вашего сына.

– Я не помню его учителей.

– Да? А вот она вас прекрасно помнит и называет замечательной матерью.

– И что?

– Она считает Кертиса талантливым учеником, самым способным из тех, кто ей попадался. Мол, с ним не возникало никаких проблем, а с такой головой будущее обещало быть блестящим.

– К чему всё эти разговоры? – гневно спросила Диана.

– Ваш сын не конфликтовал ни с полицией, ни со школьной администрацией, его даже после уроков не оставляли. Кертис считался одним из лучших учеников в классе, если не самым лучшим. Вы явно способствовали его успехам, были прекрасной матерью, растившей прекрасного молодого человека.

Диана отвела глаза. Возможно, хотела посмотреть в окно, вот только жалюзи оказались опущены. В номере негромко работал телевизор: крутили рекламный ролик пикапа, в котором снялся исполнитель главной роли одной из мыльных опер. Пикапы и мыльные оперы – что за гений придумал этот гремучий коктейль?

– Не ваше дело! – прошипела женщина.

– Миссис Йеллер, вы любили сына?

– Убирайтесь немедленно!

– Если испытывали к Кертису хоть какие-нибудь чувства, помогите узнать, что с ним случилось.

Во взгляде Дианы читалась ненависть.

– Хватит прикидываться! Вам плевать на моего мальчика! На деле вас интересует не он, а убийство белой девчонки!

– Может быть, но убийства Валери Симпсон и Кертиса взаимосвязаны. Именно поэтому мне нужна ваша помощь.

Миссис Йеллер покачала головой.

– Похоже, вы плохо слушаете. Я уже говорила: Кертис мёртв, это никаким расследованием не изменишь.

– Ваш сын не похож на грабителя и ещё меньше – на безмозглого гангстера, который стал бы разгуливать с пистолетом и угрожать полицейским. Вы воспитывали Кертиса совершенно иначе.

– Уже не важно, – тихо сказала Диана. – Мой мальчик мёртв, и обратно его не вернуть.

– Что он той ночью делал в теннисном клубе?

– Не знаю.

– Откуда у вас вдруг появились деньги?

Паф! Диана Йеллер испуганно подняла голову. Старый добрый трюк: хочешь привлечь внимание – неожиданно смени тему. Работает безотказно.

– Что?

– Дом в Черри-Хилл куплен четыре месяца назад за наличные, а на счёт в «Ферст Джерси» все взносы были сделаны в течение последнего полугодия, и тоже наличными. Откуда деньги, Диана?

Лицо женщины передёрнулось от гнева, а потом на губах заиграла зловещая улыбка.

– А если украла? Так же, как сын... В полицию меня сдадите?

– По-моему, больше похоже на откупные.

– Откупные? За что?

– Это вы мне скажите.

– Нет, я не обязана ничего вам говорить. Убирайтесь!

– Зачем вы приехали в Нью-Йорк?

– Посмотреть достопримечательности. Убирайтесь!

– Одна из этих достопримечательностей – Дуэйн Ричвуд?

Пиф-паф! На миссис Йеллер лица нет.

– Кто?

– Дуэйн Ричвуд, парень, который вчера вечером был в вашем номере.

– Вы за нами следили? – удивилась Диана.

– Ну, только за Дуэйном.

В глазах Дианы неподдельный ужас.

– Что вы за человек? – медленно спросила женщина. – Вас это возбуждает? Нравится подглядывать в замочные скважины? Проверять чужие счета? Копаться в грязном белье? – Она распахнула дверь. – Неужели стыда вообще нет?

Такого Болитар молча вынести не мог.

– Я пытаюсь найти убийцу, – заявил он, но аргумент прозвучал весьма неубедительно. – Возможно, того самого человека, кто застрелил вашего сына.

– А то, что вы причиняете боль, совсем не важно?

– Это неправда!

– Хотите сделать как лучше – бросьте свои игры.

– Что вы имеете в виду?

Женщина покачала головой.

– Кертис мёртв. И Валери Симпсон... И Эррол... – Она осеклась. – Хватит уже!

– Чего хватит? При чём тут Эррол?

Но Диана лишь снова покачала головой.

– Бросьте расследование, Майрон! Ради всеобщего блага. Откажитесь...

ГЛАВА 35

Джессика чувствовала, как к виску прижимается холодное дуло.

– Что вы хотите? – спросила она.

По сигналу Аарона стоящий сзади мужчина зажал ей рот свободной рукой и с силой притянул к себе. Джессика затылком ощущала, как он брызжет горячей слюной. Стало трудно дышать, девушка в отчаянии мотала головой, а, когда пробовала набрать побольше воздуха, грудь судорожно вздымалась. Страх уступил место панике.

Аарон поднялся с дивана, а молодой неф, держа пистолет наготове, ещё на шаг приблизился к Джессике.

– Думаю, прелюдии не требуется, – спокойно проговорил помощник Эйка, снимая белый пиджак. Естественно, рубашки под ним не оказалось. Гладкая, накачанная не хуже, чем у профессионального культуриста, грудь так и лоснилась. Аарон медленно поднял руки – мышцы взбугрились и заколыхались, совсем как волны, которые устраивают на стадионах восторженные зрители, поочерёдно вставая. – Если, когда закончим, ещё будешь способна говорить, обязательно передай Майрону: это сделал я. – Гангстер щёлкнул пальцами. – Очень не хочу, чтобы мои подвиги остались непризнанными.

– Может, ей челюсть сломать? – предложил мужчина в сетчатой майке. – Ну, чтобы не кричала и всё такое.

– Нет, – после секундной паузы проговорил Аарон. – Когда девушка кричит, мне даже приятнее.

Незванные гости покатались от хохота.

- Чур, я второй! – заявил молодой негр.
- Черта с два! – осадил его парень в сетчатой майке.
- Ну чего ты меня вечно достаёшь?
- Ладно, давай бросим жребий.
- У тебя есть монетка? Я мелочь не ношу.
- Заткнитесь! – негромко скомандовал Аарон.

Мёртвая тишина.

Джессика вырывалась как бешеная, но парень в сетчатой майке оказался слишком силен. Пустив в ход зубы, она задела один из его пальцев. Вскрикнув, Сетка назвал её сучкой, а потом схватил за волосы и резко запрокинул голову. Шея Джесс к столь неестественным движениям не привыкла – позвоночник пронзила резкая боль, глаза едва не вылезли из орбит.

Аарон уже расстёгивал брюки, когда произошло неожиданное.

Выстрел! Джессике казалось, она слышала только один, однако их наверняка было больше. Зажимавшая рот рука ослабла и скользнула вниз, холодивший висок пистолет упал. Обернувшись, девушка не увидела не только лица, но даже головы парня в сетчатой майке. Несколько секунд ноги по привычке держали мёртвое тело, потом отказали, увлекая Сетку на пол.

Буквально в ту же секунду через гостиную пролетела голова молодого негра. Точнее, её задняя часть. Джим с грохотом повалился на пол, превратившись в бесформенную, истекающую кровью массу.

Аарон двигался со сверхъестественной скоростью. Казалось, первая пуля ещё не поразила цель, а он уже сжался в комок у ножек дивана и вытащил пистолет. Все: выстрелы, превращение бандитов в груды мяса, группировка Аарона – заняло менее двух секунд. Поднявшись, гангстер прицелился в Уина, Уин – в Аарона. Джессика, парализованная шоком, молча наблюдала. Похоже, Локвуд вошёл через окно террасы; как он туда попал и долго ли там находился, девушка не знала.

Уин улыбнулся и небрежно кивнул.

– Боже, Аарон, какие мускулы!

– Стараюсь поддерживать форму, – отозвался гангстер. – Спасибо за комплимент!

Мужчины продолжали целиться друг в друга, широко улыбались и даже не мигали! А вот Джессика и пошевелиться не могла. Она дрожала, как при лихорадке, на лице сохло что-то густое и липкое. Боже, это ведь мозг рухнувшего на пол Сетки!

– У меня предложение, – заявил Аарон.

– Какое?

– Ну, относительно того, как выбраться из тупика. Тебе должно понравиться.

– Выкладывай.

– Мы оба одновременно бросим пистолеты на пол.

– Пока особого восторга не чувствую.

– Я ещё не закончил.

– Правда? Надо же, какой я грубиян! Прошу, продолжай.

– Мы оба убивали голыми руками, – начал Аарон, – и нам обоим это нравится. Очень нравится... В этом мире у нас практически нет равных соперников, равно как и недостижимых целей.

– И?

– Предлагаю последнее испытание. – Ухмылка Аарона стала ещё шире. – Устроим настоящий мужской поединок по рукопашному бою. Ну, как тебе?

Локвуд прикусил нижнюю губу.

– Весьма заманчиво.

Джессика пыталась что-то сказать, но язык не слушался. Она стояла словно каменная статуя, а у её ног истекала кровью неподвижная туша, ещё недавно бывшая Сеткой Ли.

– С одним условием, – заявил Локвуд.

– С каким ещё?

– Кто бы ни победил, Джессика будет свободна.

– Ладно, – пожал плечами Аарон. – Фрэнк всё равно до неё доберётся.

– Может быть, только не сегодня.

– Договорились, – кивнул гангстер, – но, пока не выясним отношения, она не уйдёт.

– Встань около двери, – велел девушке Уин. – Когда бой закончится, беги.

– Ни секундой раньше, – добавил Аарон.

– А как я узнаю, что он закончился? – обретя дар речи, спросила Джессика.

– Один из нас погибнет, – пояснил Локвуд.

Не в силах унять дрожь, девушка молча кивнула.

– Процедуру помнишь? – спросил гангстер.

– Конечно.

Мужчины медленно опускали руки с пистолетами, одновременно отворачивая дула от противника. Р-раз – одновременно положили оружие на пол. Два – одновременно поднялись. Три – одновременно пнули стволы в угол.

– Готов! – улыбнулся Аарон.

Локвуд кивнул.

Противники неспешно двинулись навстречу друг другу. Улыбка Аарона казалась почти безумной. Встав в странную, среднюю между драконом и кузнечиком стойку, гангстер левой рукой поманил Локвуда.

Гладкое, лоснящееся тело состояло будто из одних мышц.

– Ты забыл главный постулат боевых искусств, – глядя на Уина сверху вниз, процедил Аарон.

– Что за постулат?

– Хороший большой боец всегда сильнее хорошего бойца-карлика.

– А ты забыл главный постулат Уиндзора Хорна Локвуда-третьего.

– И что за постулат?

– Уиндзор всегда носит с собой две пушки.

Совершенно невозмутимо Уин достал из ножной кобуры пистолет и выстрелил. Аарон пригнулся, но пуля всё равно угодила ему в голову. Также как и вторая, и, насколько разобрала Джессика, третья.

Большой боец упал на ковёр перед диваном. Уин подошёл к нему и, осматривая неподвижное тело, поворачивал голову из стороны в сторону, словно услышавший странный звук пёс.

Онемевшая от шока Джессика следила за ним во все глаза.

– Ты в порядке? – спросил Локвуд.

– Да.

Уин продолжал разглядывать труп, а затем покачал головой и зацокал языком.

– В чём дело? – спросила Джессика.

Когда Локвуд повернулся к хозяйке мансарды, на его губах играла чуть ли не скромная улыбка.

– Похоже, я не большой сторонник честных поединков.

Склонившись над неподвижным Аароном, Уин захохотал.

ГЛАВА 36

Джессика не желала обсуждать случившееся. Она хотела заниматься любовью, и Майрон знал почему. С теми, кто пережил насилие и смотрел в глаза смерти, такое случается. Вот она, зыбкая грань... Выходит, утверждения о «неутолимой жажде жизни» после свидания со старухой-смертью далеко не беспочвенны.

Когда оба насытились, Джесс лежала, прижав голову к груди Майрона, а её прекрасные волосы рассыпались шёлковым веером. Девушка долго молчала, и Болитар ласково погладил её по спине.

– Ему это нравится, правда? – наконец спросила она.

Майрон догадался: речь идёт об Уине.

– Да.

– А тебе?

– Не так, как ему.

Подняв голову, Джессика заглянула Майрону в глаза.

– Немного уклончиво.

– Одна часть моей души ненавидит это лютой ненавистью.

– А другая?

– Искушение колоссальное: чужая кровь пробуждает животные инстинкты, с которыми приходится постоянно бороться. Но Уин – другое дело, ему это нужно, порой даже необходимо.

– А тебе не нужно?

– Предпочитаю думать, что насилие отвратительно.

– Ты действительно питаешь к нему отвращение?

– Не знаю, – честно сказал Майрон.

– Я так испугалась, а больше всего – Уина.

– Он спас тебе жизнь.

– Да.

– Вот этим Уин и занимается, причём весьма успешно, лучше, чем кто-либо. Для него существуют только крайности: чёрное и белое, никаких пограничных категорий. Стоит переступить черту – и ты враг, а врагам приговор один – смерть, без жалости, суда и следствия. Смерть, и точка. Те люди хотели причинить тебе боль, и Уин не пытался направить их на путь истинный. Все трое были обречены с тех пор, как переступили порог твоей квартиры.

– Похоже на теорию массируемого возмездия: за каждого своего погибшего уьём десятерых.

- Уин куда бесстрашнее: для него это не шанс преподать урок, а обычное истребление. Всё равно что блох выводить.
 - И ты согласен с такой позицией?
 - Нет, хотя прекрасно ею понимаю. У нас разные нравственные нормы, что мы оба давным-давно поняли. Тем не менее Уин – мой лучший друг, которому я без страха доверил бы собственную жизнь.
 - Или мою, – подсказала Джессика.
 - Да, пожалуй.
 - А у тебя какие нравственные нормы?
 - Довольно гибкие. Слушай, может, хватит об этом?
- Кивнув, девушка снова прильнула щекой к груди Майрона.
- Головы взрывались, как арбузы, – прошептала она.
 - Уин направляет пули так, чтобы добиться максимального результата.
 - Тела найдут?
 - Только если наш друг этого захочет.
- Через несколько минут девушка закрыла глаза и задышала ровнее. Майрон смотрел, как она погружается в глубокий сон. Джесс льнула к нему и казалась такой маленькой и хрупкой... Он хорошо знал, что случится завтра. Любимая останется во власти шока, лишь на место оцепенения придёт отчуждённость. Джессика будет вести себя как ни в чём не бывало, старательно изображать обычную жизнерадостность, но, увы, без особого успеха. Всё покажется несколько иным, чём накануне, особенно по мелочам: у привычных блюд появится другой вкус, у городского воздуха – другой запах, у красок – чуть заметный новый оттенок.
- В шесть утра Майрон выбрался из постели и пошёл в душ, а когда вернулся, девушка уже сидела, облокотившись на подушки.
- Ты куда?
 - Встретиться с Павлом Менанси.
 - В такую рань?
 - В «Тру-Про» уверены, что вчера Аарон решил все проблемы. Есть неплохой шанс застать их врасплох.
- Джессика закуталась в одеяло.
- Я тут думала о том, что ты сказал за ужином. Ну, о связи двух убийств.
 - Продолжай...
 - Допустим, ты прав. Допустим, в тот вечер шесть лет назад случилось что-то ещё.
 - Например?
- Девушка прижалась к спинке кровати.
- Допустим, Валери видела, что в действительности произошло с Александром Кроссом. И та сцена окончательно надломилась ей истерзанную душу. Яд Павла Менанси уже отравил юную девушку, но именно трагедия в клубе привела её в психиатрическую клинику.
 - Вполне возможно, – кивнул Болитар, – а дальше?
 - Проходят годы, Валери оправляется от потрясения, причём настолько, что хочет вернуться в большой спорт. Но больше всего на свете она желает покончить с самой страшной из своих тайн и рассказать правду о вечеринке в «Олд Оакс».
- Майрон тут же понял, к чему клонит любимая.
- Её пришлось срочно обезвредить.
 - Вот именно.

Майрон натянул чистые брюки. За последние несколько месяцев его вещи начали понемногу мигрировать на мансарду Джессики. Сейчас в её квартире обитала примерно треть его гардероба.

– Если ты права, лишь два человека были заинтересованы в устранении Валери: Павел Менанси и неведомый убийца Александра Кросса.

– Или некто, стремящийся покрыть этих двоих.

Пара минут – и Майрон одет. Увы, Джессика в пух и прах раскритиковала его галстук и велела сменить. Пришлось подчиниться. Снова готовый к выходу, Болитар сказал:

– Сегодня ничего страшного не случится, но мне бы хотелось, чтобы ты ненадолго уехала из города.

– На какое время?

– На несколько дней, может, чуть дольше. Пока я окончательно не разберусь в происходящем.

– Ясно...

– Неужели и спорить не будешь?

Выбравшись из постели, Джесс зашуршала по ковру. Обнажённая... У Майрона даже во рту пересохло. Он смотрел во все глаза и мог стоять так целый день. Девушка двигалась с неспешной грацией пантеры перед прыжком: такая гибкая, чувственная, привлекательная!

– Понятно, в такой момент мне полагается взбрыкнуть и заявить, что ради тебя привычный образ жизни менять не намерена, – скользнув в шёлковую тунику, проговорила Джесс. – Ноя боюсь. А ещё я писательница, которой не грех воспользоваться несколькими днями одиночества. Так что готова ехать. Без лишних споров.

Болитар обнял девушку.

– Не перестаю тебе удивляться, – признался он.

– Чему на этот раз?

– Здравомыслию. Кто бы мог подумать...

– Пытаюсь не раскрывать все секреты сразу, – пояснила Джесс и прильнула к Майрону.

Поцелуй был долгим и страстным. Господи, какая у неё кожа тёплая, гладкая, нежная...

– Может, останешься подольше?

Болитар покачал головой.

– Хочу встретиться с Павлом прежде, чём Эйк разберётся, что к чему.

– Тогда ещё один поцелуй.

Майрон шагнул к двери.

– Нет, иначе меня придётся льдом обкладывать. – Помахав любимой, Болитар вышел в коридор. На кирпичной стене у двери – сгустки крови. Как говорится, любезно предоставлено головой Сетки Ли.

На Спринг-стрит Уина не наблюдалось, но Майрон знал: его друг на месте. Значит, за Джесс пока можно не переживать, а потом они вывезут её из города.

Павел Менанси остановился в «Омни парк сентрал» на Седьмой авеню, напротив Карнеги-холла. Честно говоря, Болитар не отказался бы от подкрепления, но в данном случае Локвуда брат не следовало. Между ним и Валери существовала какая-то связь, причём знакомством родителей дело не ограничивалось. Что это за связь и когда возникла, спортивный агент не знал. Друзей Локвуд почти не заводил, но ради тех немногих был готов на все. Остальные для него не существовали. Каким-то образом в круг избранных попала мисс

Симпсон. Майрон не представлял, как совладеет с собой, но окажись здесь Уин... Присутствуй он во время разговора об «интрижке», ничем хорошим это не закончилось бы.

Менанси занимал номер семьсот девятнадцать. Майрон посмотрел на часы. Полседьмого. В холле тишина. Уборщики вытирали пол, усталая семья оформляла выезд. Трое малышей отчаянно хныкали, а родители явно нуждались в длительном отпуске. Болитар уверенно прошёл к лифту: нужно же изобразить, что он здесь не впервые! Так, кнопка седьмого этажа.

В коридоре пусто. Спортивный агент нашёл номер 719 и постучал. Тишина. Ещё раз постучал. Тишина. Последняя попытка... Снова ничего. Болитар уже хотел спуститься вниз и позвонить с внутреннего телефона, когда его остановил странный звук. Майрон прислушался. Звук еле уловимый. Так, нужно прильнуть ухом к замочной скважине.

– Это кто там? – позвал он.

Плач, сначала тихий, потом чуть громче. Плач ребёнка... Теперь Болитар не стучал, а колотил в дверь. Плач стал ещё жалобнее, перерастая в рыдания.

– Ты в порядке? – спросил Майрон, но вместо слов услышал всхлипывания. Выждав несколько секунд, он стал искать горничную, чтобы воспользоваться ею ключом. Но в полседьмого утра на этаже ни одной не наблюдалось.

Вскрытие замков никогда не являлось сильной стороной Майрона. У Уина это получалось куда лучше. К тому же инструментов нет... Из номера снова послышался всхлип.

– Открой дверь! – закричал Болитар. В ответ одни всхлипы.

Все, к черту условности!

Спортивный агент поддел дверь плечом. Ударился больно, зато замок не выдержал. Всхлипы доносились будто издалека, но на секунду Болитар о них забыл. На кровати лежал Павел Менанси. Незрячие глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, на груди, там, где вышла пуля, запеклась тёмная кровь.

Менанси лежал абсолютно голый.

Несколько секунд Майрон глядел на Павла в немом изумлении, из которого его вывели жалобные крики. Болитар посмотрел направо. Плач доносился из-за двери ванной. Скорее туда! На полу валялся пластиковый пакет с символикой фирмы «Ферон». Точно такой же, какие продавали на Открытом чемпионате. Того же типа, что нашли рядом с телом Валери.

В пакете отверстие от пули...

Дверь в ванную заблокировали стулом. Вышибив его, Болитар увидел девушку, сидевшую около биде, прижав колени к груди. Майрон тут же её узнал – Джанет Коффман, очередное протезе Павла. Четырнадцатилетняя. Обнажённая.

Юная теннисистка посмотрела на Майрона. Глаза огромные, веки припухшие, красные дрожащие губы.

– Мы говорили о теннисе, – чуть слышно пролепетала она. – Павел – мой тренер, и мы просто обсуждали матч.

Болитар кивнул, и Джанет снова заплакала. Так, нужно дать ей полотенце, чтобы прикрылась. Майрон хотел погладить девочку по голове, но она отшатнулась.

– Всё будет хорошо, – не зная, что сказать, прошептал спортивный агент. – Всё будет хорошо.

ГЛАВА 37

Перестав плакать, Джанет Коффман устроилась на диванчике у окна, повернувшись спиной к кровати и, как следствие, к трупу Павла. Насколько разобрал Майрон, она была в ванной, когда кто-то заблокировал дверь стулом и убил Менанси. Девочка ничего не видела и, как заведённая, повторяла свою сказку: они с тренером говорили о теннисе. Болитар решил не заострять внимание на деталях: например, почему беседу они проводили ночью и обнажёнными.

Спортивный агент уже вызвал копов и с минуты на минуту ждал их появления. Оставалось решить, что делать с Джанет. С одной стороны, не хотелось впутывать девочку в эту грязную историю, а, с другой, юной теннисистке следовало извлечь из произошедшего урок, а не притворяться, что ничего не произошло.

Как же поступить? Помешать расследованию или отдать Джанет на растерзание безжалостным копам и, что ещё страшнее, – прессе? Если скрыть правду, как это отразится на нравственном облике теннисистки? Но, если её история станет достоянием общественности, не будет ли ещё хуже?

Майрон не знал, на что решиться.

– Он был хорошим тренером, – пролепетала Джанет.

– Ты не сделала ничего плохого, – заверил её Болитар, в очередной раз чувствуя, как неубедительно звучат его слова. – Что бы ни случилось, помни: ты не сделала ничего плохого.

Девочка кивнула, но Майрон не знал, услышала она его или нет.

Через десять минут прибыли копы с Димонтом во главе. Видок у Ролли ещё тот: небритые щеки, мятая, неправильно застёгнутая рубашка, всклооченные волосы, заспанные глаза, зато ботинки начищены до блеска.

– Что, говнюк, на место преступления вернулся? – бросился он к Майрону.

В коридор просочились журналисты. Ослепительно засверкали фотовспышки.

– А ну уберите отсюда этих козлов! – загремел Ролли, и молодые полицейские в форме оттеснили репортёров на лестницу. – Вниз, я сказал! Чтобы на этаже никого не было!

Детектив повернулся к Майрону, а с другой стороны возник Крински с блокнотом наготове.

– Привет, Крински! – поздоровался спортивный агент.

Парень кивнул.

– Какого черта здесь случилось? – потребовал Димонт.

– Я пришёл встретиться с Менанси и нашёл его в таком состоянии.

– Кончай пургу гнать, козел!

Ну что тут скажешь? Лучше не пачкаться...

Копы буквально заполонили номер. Склонившись над телом Павла, судмедэксперт делал аккуратный надрез. Болитар знал: подобные надрезы делаются в области печени, чтобы измерить её температуру и таким образом определить время смерти.

Увидев на полу «фероновский» пакет, Димонт спросил:

– Ты его трогал?

Спортивный агент покачал головой. Нагнувшись, детектив увидел отверстие от пули.

– Прелесть!

– Роджера Куинси теперь отпустите?

– С какой радости?

– У вас против него и раньше ни черта не было. А теперь меньше, чем ничего.

– Наверное, просто подражатель сработал, – пожал плечами Димонт, а потом щёлкнул пальцами. – Или кто-нибудь, кому нужно отмазать Куинси. – Детектив улыбнулся. – Например, ты, Болитар.

– Да, – согласился Майрон. – Точно.

Шагнув к спортивному агенту, Димонт снова смерил его уничтожающим взглядом, а потом, будто опомнившись, достал из кармана зубочистку и сунул в рот.

– Похоже, я ошибался, – проговорил Майрон.

– Насчёт чего?

– Насчёт того, что зубочистки приелись. Твоя выглядит весьма устрашающе.

– Ладно, клоун, продолжай веселиться!

– Для веселья ещё слишком рано.

– Слушай, говнюк, в последний раз спрашиваю, что ты тут делаешь?

– Говорю же: пришёл встретиться с Павлом.

– Зачем?

– Обсудить возможность его работы с моим подопечным.

– В половине седьмого утра?

– Я рано встаю, поэтому меня и называют Ранней Пташкой.

– Лучше бы Лживым Говнюком звали!

– Ой, а это уже обидно! – воскликнул спортивный агент.

Димонт с утроенной силой принялся жевать зубочистку. Майрону казалось, он слышит, как в голове Ролли шевелятся извилины.

– Итак, Болитар, – на губах детектива снова заиграла улыбка, – ты пришёл в отель поговорить о делах. Поднялся на лифте на седьмой этаж и постучал в дверь. Никто не ответил. Пока правильно?

– Угу.

– А потом вышиб дверь. Майрон молчал.

Димонт повернулся к помощнику:

– Крински, по-твоему, вышибать дверь в такой ситуации логично?

На секунду оторвавшись от блокнота, Крински покачал головой и снова углубился в конспектирование.

– Говнюк, ты всегда так поступаешь, когда никто не открывает? Всегда двери вышибаешь?

– Я не вышиб, а высадил плечом.

– Хорош пургу нести! Ты пришёл говорить вовсе не о делах. А дверь вышиб не потому, что никто не ответил.

Судмедэксперт потрепал Димонта по плечу.

– Пуля попала прямо в сердце. Отличный выстрел: смерть наступила мгновенно.

– В какое время?

– Шесть, максимум семь часов назад.

Детектив взглянул на часы:

– Сейчас почти семь, значит, Менанси убили между двенадцатью и часом.

– Так что Павел даже не заметил, как я воспользовался его пальцами и наставил отпечатки, – повернувшись к Крински, проговорил Майрон.

Парень едва не улыбнулся.

Лицо Димонта в очередной раз перекопилось от гнева.

– Болитар, у тебя есть алиби?

– Я был с подружкой.

– С Джессикой Калвер?

– С ней самой. – Дождавшись, когда Крински поднимет глаза, Майрон продиктовал: – Номер его телефона 5558420.

Парень быстро записал.

– Все, Болитар, хватит мозги пудрить. Зачем ты вышиб дверь? – не унимался Ролли. Майрон нерешительно посмотрел на Димонта, и тот перехватил его взгляд. – Ну?

– Пойдём со мной, – тихо позвал спортивный агент и двинулся к двери.

– Эй, ты куда направился, мать твою?

– Ролли, хоть раз в жизни не будь кретином! Закрой рот и пошли.

К удивлению Майрона, Димонт не стал артачиться и, оставив Крински на месте преступления, двинулся за ним по коридору. Достав ключ, Болитар открыл дверь соседнего номера. На кровати сидела Джанет Коффман в купальном халате с символикой отеля. Если девочка заметила их появление, то виду не показала. Обхватив колени руками, она раскачивалась взад-вперёд и тихонько напевала.

Детектив вопросительно взглянул на Майрона.

– Её зовут Джанет Коффман.

– Она в теннис играет?

Спортивный агент кивнул.

– Прежде чём застрелить Менанси, убийца закрыл её в ванной. Постучав в номер, я услышал плач, поэтому и высадил дверь.

В глазах Димонта читался шок.

– Хочешь сказать, они с Павлом?...

Майрон кивнул.

– Боже, сколько ей лет?

– Четырнадцать, если не ошибаюсь.

Димонт закрыл глаза.

– У нас в участке есть специалист. Психиатр, – чуть слышно начал Ролли, – она знает, что делать в таких ситуациях. Я поговорю с директором манхэттенского отделения полиции, чтобы помог отогнать журналистов и незаметно вывезти её из отеля. И постараюсь, чтобы имя потерпевшего подольше не попало в прессу.

– Спасибо.

– Болитар, я с подобным сталкиваюсь не впервые. Девочке понадобится помощь.

– Да, знаю...

– А вдруг она сама его пришила? Естественно, я в это не верю, но...

Спортивный агент покачал головой.

– Дверь в ванную заблокировали снаружи. Джанет просто не могла убить тренера.

Димонт задумчиво пожевал зубочистку.

– Какой заботливый убийца! – проговорил он.

– В смысле?

– Не хотел, чтобы девочка видела расправу. Заблокировав дверь, обеспечил ей алиби. А самое главное, спас от посягательств этого козла Менанси. – Детектив взглянул на Майрона. – Не убей этот парень Валери Симпсон, я бы орденом его наградил.

– Я тоже, – сказал Майрон и тут же погрузился в размышления.

ГЛАВА 38

Многоэтажка «Лок-Хорн секьюритиз» и офис всего в десяти кварталах от «Омни парк сентрал», так что Майрон решил пойти пешком. Машины на Шестой авеню замерли в гигантской пробке, хотя на светофоре горел зелёный, а ремонтные работы не велись. Все водители сигналили, будто этим можно было чего-то добиться. Из такси выбрался холёный, явно следящий за собой мужчина. Полосатый костюм, золотые часы «Таг Хойер», туфли от Гуччи. А в качестве дополнения – широкая зелёная шляпа и пластиковые уши а-ля мистер Спок из «Звёздного пути». «Я гражданин Нью-Йорка!»

Не обращая внимания на выхлопные газы, Майрон попытался обдумать происходящее. Общепринятая, то есть основная версия сводилась примерно к следующему: в детстве Валери Симпсон регулярно подвергалась домогательствам Павла Менанси. Восстановив душевные силы, повзрослевшая девушка решила предать деяния Павла огласке. Огласка эта оказалась бы губительной для благосостояния «Тру-Про» и братьев Эйк, которые и устранили мисс Симпсон, пока та не наделала вреда. Всё складывалось, всё имело логическое объяснение.

До сегодняшнего утра.

В исправный механизм общепринятой теории бросили разводной ключ: Павла Менанси убили, причём в той же манере, что и Валери Симпсон. По версии Майрона, убийства Валери Симпсон и Павла Менанси преследовали взаимоисключающие цели. Зачем устранять Валери ради защиты Менанси, а потом убивать самого Павла? Что-то не клеится и выгоды для «Тру-Про» или братьев Эйк не просматривается.

Конечно, существовала возможность того, что Фрэнк Эйк счёл Менанси обузой, разоблачение неминуемым, вот и поспешил сократить возможные убытки и потери. Но реши Фрэнк убрать Павла, он наверняка поручил бы это Аарону. Павла застрелили между двенадцатью и часом, Аарона убили до полуночи. Хорошо подумав, Болитар пришёл к выводу, что тренера, по всей вероятности, убрал не Аарон. К тому же если Фрэнк собирался избавиться от Менанси, зачем нападать на Джессику, таким образом терроризируя Майрона?

Прямо посреди улицы стояла бледная женщина, кричавшая в мегафон о недавней встрече с Христом.

– Иисус велел передать людям это послание! – верещала она, вручая Болитару листовку.

Кивнув, спортивный агент глянул на дурно отпечатанный текст: где-то пятна тонера, где-то букв вообще не разобрать.

– Жаль, он вас нормальным принтером не снабдил...

Смерив его недоуменным взглядом, женщина снова закричала в мегафон, а Майрон спрятал листовку в карман и пошёл дальше. Мысли опять вернулись к насущной проблеме.

Не похоже, чтобы Фрэнк Эйк стоял за убийством Павла. Наоборот, он старательно покрывал тренера, приносившего «Тру-Про» огромную прибыль. Ради Менанси Эйк нанял Аарона и ради него же приказал напасть на Джессику. Устранять главного теннисного кормильца «Тру-Про» совершенно бессмысленно.

Так, что же остаётся?

Два варианта. Первый: убийцы и их намерения никак не взаимосвязаны. Застреливший Павла просто воспользовался случаем и подложил «фероновский» пакет, чтобы переложить вину на убийцу Валери. Второй: между Валери и Павлом существует другая, менее очевидная связь. Майрону больше нравился вариант номер два, который возвращал к давно мучившей его загадке – убийству Александра Кросса.

Шесть лет назад июльским вечером и Валери Симпсон, и Павел Менанси гостили в «Олд Оакс». И тренер, и подопечная присутствовали на вечеринке, которую устраивал Александр Кросс. И что? Допустим, сегодня утром Джессика была права. Допустим, в тот вечер Валери Симпсон что-то видела – возможно, даже настоящего убийцу Александра. Допустим, девушка собиралась рассказать правду полиции, за что и была убита. Но при чём тут Павел Менанси? Если он и был невольным свидетелем, то все эти годы молчал как рыба и вряд ли собирался заговорить сейчас. Зачем ему высовываться и помогать бедной Валери Симпсон? Так где же связь? И как насчёт Дуэйна Ричвуда? Как он вписывается в это уравнение, если оно вообще существует? А Диана Йеллер? А где Эррол Суэйд? Он всё ещё жив?

Прошагав три квартала на восток, Болитар свернул на Парк-авеню. Перед ним, прямо посреди улицы, стоял величественный (даже чересчур) отель «Хелмсли», замок «Хелмсли» или дворец «Хелмсли». Над ним, подобно старшему брату, возвышался «Мет-Лайф-билдинг». Долгие годы этот небоскрёб считался визитной карточкой Нью-Йорка и назывался «Пан-Ам-билдинг». Майрон никак не мог привыкнуть к перемене и, сворачивая на Парк-авеню, ожидал увидеть логотип авиакомпании «Панам».

Перед зданием «Лок-Хорн секьюритиз» жизнь так и кипела. Майрон прошёл мимо украшающей вход скульптуры. Скульптура эта казалась просто ужасной и больше всего напоминала гигантский кишечный тракт. Как-то раз Болитару захотелось узнать её название, но табличку по типично нью-йоркской манере содрали. Зачем кому-то понадобилась уродливая табличка – умом не понять. Наверное, её продали. Вероятно, существует подпольный рынок по торговле табличками от предметов искусства для тех, кто сами предметы позволить себе не может. Интересная теория...

Болитар вошёл в холл. За высокой конторкой сидели три администраторши «Лок-Хорн секьюритиз» с профессионально фальшивыми улыбками. Макияжа у любой не меньше, чем у продавщиц косметического отдела в «Блумингдейл». Естественно, форму девушки не носили, чтобы не спутали с продавщицами. И тем не менее все трое были очень привлекательными – наверняка мечтали стать моделями, но сидение за конторкой считали интереснее (и перспективнее в плане замужества), чем работу официанткой. Пробегая мимо, Майрон улыбнулся и кивнул. Администраторши и бровью не повели. Неужели знают, что он влюблён в Джессику? Да, наверное, дело в этом.

Поднявшись на свой этаж, спортивный агент прошёл к Эсперансе. На компаньонке белая блузка, красиво оттеняющая безупречную смуглую кожу. Ей запросто можно сниматься в рекламе бронзаторов: «Естественный летний загар в любое время года».

– Привет! – поздоровался Майрон.

Эсперанса зажала телефонную трубку.

– Джейк на проводе. Будешь разговаривать?

Кивнув, Болитар взял трубку.

– Привет, Джейк!

– Одна девушка проводила частичное вскрытие Кертиса Йеллера, – объявил Кортер. – Она не против с тобой встретиться.

– Девушка? – переспросил Майрон.

– Виноват, политкорректностью не отличаюсь. Себя, например, до сих пор называю черным.

– Просто потому, что лень произнести афроамериканец! – воскликнул спортивный агент.

– Африканский американец или афро?

— Афро.
– Сомневаешься – спроси беляка.
– Беляка, – повторил Болитар. – Сейчас так почти не говорят!
– Очень жаль. Так или иначе, патологоанатома зовут Аманда Уэст. Кажется, она очень хочет поговорить. – Джейк продиктовал адрес.
– А как насчёт того копа? Джимми Блейна?
– Шансы нулевые.
– Он до сих пор в полиции служит?
– Не-а. Вышел на пенсию.
– У тебя есть его адрес?
– Да.
Повисла пауза. Эсперанса с преувеличенным вниманием смотрела на экран монитора.
– Так ты мне дашь адрес? – напомнил Майрон.
– Не-а.
– Джейк, я не буду его доставать.
– Я сказал, нет.
– Ты же знаешь, при желании я сам найду.
– Конечно, но от меня ты его не узнаешь. Майрон, Джимми – отличный парень.
– Я тоже.
– Да, но порой во время твоих крестовых походов страдают невинные.
– Что ты этим хочешь сказать?
– Абсолютно ничего, просто оставь его в покое.
– Что это ты вдруг кинулся защищать Джимми? Я просто хочу задать ему пару вопросов.
Тишина. Эсперанса не решалась оторвать глаза от монитора.
– Ну, если у него, конечно, рыльце не в пушку.
– Не имеет значения! – отрезал Джейк.
– Вдруг он...
– Да, он вдруг. Пока, Майрон.
В трубке послышались короткие гудки, и Болитар в замешательстве на неё посмотрел.
– Ерунда какая-то!
– Угу. – Эсперанса по-прежнему изучала монитор. – Тебя ждут сообщения. Целая куча.
– Уина сегодня видела?
Компаньонка покачала головой.
– Павел Менанси умер, – объявил спортивный агент. – Вернее, его убили вчера ночью.
– Тренер, который приставал к Валери Симпсон?
Угу.

- Боже, у меня сердце кровью обливается. Заснуть, наверное, не смогу, – съязвила девушка, наконец отлепившись от компьютера. – Знаешь, что он фигурировал в списке гостей, который ты мне дал?
- Да, а другие интересные имена есть?
- Только одно, – спрятала улыбку Эсперанса.
- Какое?
- Подсказка первая: этот человек похож на соскучившегося по хозяину щенка. Болитар покачал головой.
- Подсказка вторая: он связан с «Найк» и роликом Дуэйна. По спине Майрона побежал холодок.
- Нед Тануэлл?
- Ответ верен. – В окружении Болитара попадались сплошные ведущие игровых телешоу. – В списке наш друг значится как Э. Тануэлл, потому что его настоящее имя – Эдвард. Я тут навела кое-какие справки... Угадай, кто первым привёл Валери Симпсон в «Найк»?
- Нед Тануэлл.
- А в кого полетели помидоры, когда ею карьера пошла под откос?
- В Неда Тануэлла.
- Вау, да ты, кажется, ясновидящий... – сухо отметила Эсперанса и снова застучала по клавишам. Терпеливо прождав несколько секунд, Майрон спросил:
- Что-нибудь ещё?
- Лишь одна неподтверждённая фактами сплетня.
- Какая?
- В подобной ситуации – самая обычная, – отозвалась девушка, всё внимание которой было приковано к монитору. – Нед Тануэлл и Валери Симпсон якобы были не просто друзьями.
- Позвони Неду! – тотчас распорядился Майрон. – Скажи: мне нужно...
- Встреча уже назначена. Тануэлл будет здесь в семь вечера.

ГЛАВА 39

В настоящее время доктор Аманда Уэст являлась старшим патологоанатомом медицинского центра Святого Джозефа в Дойлстауне, недалеко от Филадельфии. Когда Болитар въехал на стоянку медцентра, по радио крутили хит группы «Дуби бразерс» под названием «Китайский лес». Майрон тут же подхватил припев, по сути состоящий из одной строчки: «Йес, йес, китайский лес». Освоив текст, после второго куплета он запел увереннее и уже в который раз задумался, при чём тут китайский лес.

Когда охранник выдал парковочный талон, ожил «машинный» телефон.

- Джессика надёжно спрятана, – отрапортовал Уин.
- Спасибо.
- Ладно, встретимся на завтрашнем матче.

Пим-пим-пим! Разговор получился коротковат даже для Уина.

Войдя в здание медицинского центра, Майрон спросил администратора, где морг. Девушка взглянула на него как на полоумного.

- В подвале, естественно.

– Да, да, конечно, как в сериале «Доктор Куинси».

Пришлось спуститься на этаж ниже. Вокруг ни души. Отыскав дверь с надписью «Морг», Болитар при помощи дедуктивного метода вычислил, что это и есть искомое помещение. Майрон – мистер Дальновидность и Проницательность! Похвалив себя, он легонько постучал.

– Войдите! – ответил приветливый женский голос.

Комнатка крошечная, а запах, наверное, как в сериале «Клиника». В интерьере явно господствовал металл. Два металлических, глядящих друг на друга стола занимали половину пространства. Металлические стулья. Металлические полки. Повсюду поддоны, лотки и контейнеры из нержавеющей стали. В них ни капли крови, ни единого органа, всё так и сверкало чистотой. На своём веку Майрон не единожды сталкивался с насилием, но при виде крови до сих пор испытывал лёгкую тошноту, особенно когда опасность уже исчезала. Несмотря на все заверения, применять и демонстрировать силу он не любил. Драться, даже убивать умел, но никакого удовольствия при этом не испытывал. Да, насилие и кровопролитие приближали современного мужчину к его истинной сущности, к природному естеству, к идеям Локка, если угодно. Да, насилие – элементарная проверка на мужественность, испытание физической мощи и генетически заложенной сноровки. И все-таки явление отталкивающее. Не зря ведь – хотя бы по теории – мужчины шли дорогой прогресса и эволюции. В конечном итоге насилие действительно означает острые ощущения и адреналин, но примерно то же самое испытываешь, совершая затяжные прыжки с парашютом.

– чём я могу вам помочь? – спросил приветливый женский голос.

– Я ищу доктора Уэст.

– Уже нашли. – Поднявшись, женщина протянула руку. – Вы, наверное, Майрон Болитар.

Обаятельная белозубая улыбка Аманды Уэст освещала даже эту подвальную комнату. Патологоанатом оказалась источающей задор блондинкой с курносым носиком – совершенно не такой, как ожидал Майрон. Стереотипы, естественно, условны, но молодая женщина была слишком жизнерадостной для человека, сутками возящегося с разлагающимися трупами. Майрон попытался представить, как этот Солнечный Зайчик вскрывает тело Y-образным надрезом. Нет, не получается.

– Вы хотели поговорить о Кертисе Йеллере? – спросила доктор Уэст.

– Да.

– Шесть лет ждала, когда кто-нибудь об этом спросит. Пойдёмте, здесь есть другая комната, – проговорила Аманда, открывая неприметную дверь. – Вам плохо?

– Нет, нет!

Майрон – мистер Самообладание и Уравновешенность.

– Ничего страшного здесь нет, – снова улыбнулась женщина. – Просто отсеки с телами иногда пугают.

Болитар вошёл в комнату. Отсеки... Их целая стена, от пола до потолка. Пять в высоту, восемь в ширину, получается сорок. Майрон – Мистер Арифметика Для Начальных классов. В крошечной комнатке сорок тел. Сорок разлагающихся тел, которые когда-то были людьми со своими мечтами и страданиями. Которые заботились о близких, любили и были любимы... Неужели испугался? Чего? Металлических ящиков? Да ни в коем случае!

– По словам Джейка, вы помните Кертиса Йеллера, – взяв себя в руки, выдавил Майрон.

– Конечно, тот случай был самым громким в моей практике.

– Простите за бестактность, но вы кажетесь слишком молодой, чтобы иметь более чем шестилетний стаж.

– Никакой бестактности. – Аманда продолжала обаятельно улыбаться, и Майрон постарался ответить не меньшим обаянием. – В ту пору я только окончила резидентуру и два раза в неделю подрабатывала в больнице. Старший патологоанатом занимался Александром Кроссом, а, поскольку оба тела привезли почти одновременно, предварительное обследование Кертиса Йеллера поручили мне. Проводить даже подобие полноценного вскрытия не требовали, равно как и определять причину смерти.

– От чего умер Кертис?

– От ранения огнестрельным оружием. В него стреляли дважды: сначала в левое подреберье, – Аманда наклонилась, чтобы показать это место на себе, – потом в лицо.

– Какой из выстрелов оказался смертельным?

– Выстрел в подреберье большого вреда не нанёс, – ответила доктор Уэст. «А она ничего», – подумал Майрон. При разговоре молодая женщина то и дело наклоняла голову, совсем как Джесс. – Зато второй смял лицо Йеллера, будто кусок пластилина. Нос снесло, скулы раздробило... Настоящее месиво! Стреляли наверняка с очень близкого расстояния. В полном объёме анализа провести не удалось, но могу сказать: пистолет был либо прижат к лицу Кертиса, либо находился сантиметрах в двадцати – тридцати.

От удивления спортивный агент чуть не отступил к двери.

– Хотите сказать: полицейский разнёс ему лицо, стреляя практически в упор?

Из крана в раковину из блестящей нержавеющей стали капала вода, и звук эхом разносился по крохотной комнатке.

– Моё дело сообщить вам факты, – спокойно ответила Аманда, – а ваше – сделать соответствующие выводы.

– Кто ещё об этом знает?

– Трудно сказать. В ту ночь там был настоящий бедлам. Обычно работаю одна, но Кертиса мы обследовали чуть ли не вшестером, вместе с какими-то ребятами, ни одного из которых в судмедэкспертизе раньше не видели.

– Что ещё за ребята?

– Копы и федералы.

– Федералы?

– Именно так мне сказали, – кивнула Аманда. – Якобы они подчинялись сенатору Кроссу. Представители секретных служб или что-то в этом роде. Они конфисковали все: образцы тканей, пули, которые я извлекла... Заявили: это дело государственной важности! Ночка была сумасшедшая... Помню, в лабораторию прорвалась мать Йеллера и начала на меня орать.

– По какому поводу?

– Настаивала, чтобы вскрытие не проводилось. Хотела немедленно забрать сына, мол, он несовершеннолетний и так далее. В кои веки полиция подчинилась. Подробного обследования им самим не хотелось, так что в конечном итоге все остались довольны. Забавно, правда? – снова улыбнулась Аманда.

– Что мать возражала против вскрытия?

– Угу.

– Я и раньше слышал, что некоторые родители не дают согласие на вскрытие, – пожал плечами Майрон.

– Да, потому что хотят сохранить тело ребёнка для похорон. Но того парня не хоронили, а кремировали. – На этот раз улыбка доктора Уэст показалась слащавой.

– Поня-ятно, – протянул Болитар. – Значит, все возможные грешки копов сгорели вместе с Кертисом Йеллером.

– Точно.

– По-вашему, на мать кто-то надавил?

Аманда Уэст бессильно подняла руки.

– Эй, я просто сказала, что это забавно. Не в смысле смешно, а в смысле странно. Выводы делать вам, я же только патологоанатом!

Майрон снова кивнул.

– Что-нибудь ещё нашли?

– Угу, и та находка тоже кажется забавной.

– Забавной-смешной или забавной-странной?

– Это уж сами решайте. – Доктор поправила форменную куртку. – Я не эксперт по баллистике, но в пулях кое-что смыслю. Итак, из тела Йеллера извлекли две пули: одну из головы, другую из грудной клетки.

– И что?

– Пули были разных калибров. – Аманда Уэст подняла указательный палец, и приторной улыбки как не бывало: лицо стало серьёзным и решительным. – Мистер Болитар, вы понимаете, о чём речь? Не о двух разных пистолетах, а о двух разных калибрах пуль! И вот самое забавное: у всех детективов Филадельфии табельное оружие одного и того же калибра.

У Майрона потемнело перед глазами.

– Значит, одну из пуль выпустил не полицейский.

– У всех парней из секретной службы было оружие. – Пауза. – Ну так как, забавно-смешно или забавно-странно?

Спортивный агент поднял глаза.

– А вы мой смех не слышите?

ГЛАВА 40

Совет Джейка Майрон решил проигнорировать. Тем более после разговора с Амандой Уэст.

Отыскать нынешний адрес детектива Блейна оказалось непросто: два года назад он вышел на пенсию. И все-таки Эсперанса выяснила: Джимми живёт один у маленького озера в горах Поконос. Болитар чуть ли не до обеда колесил по дикой местности, пока не остановился на искомой (во что очень хотелось верить) подъездной аллее. Майрон взглянул на часы: времени предостаточно, можно спокойно поговорить с Джимми Блейном, а потом вернуться в офис на встречу с Недом Тануэллом.

Дом казался старомодным и изящным – именно такой ожидаешь найти в Богом забытой глуши у гор Поконос. Гравийная дорожка. Крыльцо сторожили деревянные фигурки животных. Напоенный ароматом гор воздух казался неподвижным. Все: флюгер, американский флаг, кресло-качалка, листья и трава – застыло в испуганном оцепенении, будто неодушевлённые предметы обладают способностью задерживать дыхание. Поднявшись по ступенькам, Болитар заметил вполне современный пандус для инвалидных колясок. Пандус вписывался в общую картину не больше, чем пончик в ассортимент магазина здоровой пищи. Звонка не было, так что пришлось стучать.

Никто не ответил. Интересно... Десять минут назад Майрон позвонил и, услышав мужской голос, как обычно повесил трубку. Может, Джимми на улице? Нужно обойти вокруг дома. Прямо за задним двором озеро. Зрелище величественное, впечатляющее. Солнце, отражавшееся о спокойную, опять-таки пугающе неподвижную гладь воды, заставило Болитара прищуриться. Очень тихо, спокойно... Майрон почувствовал, как расслабляются затёкшие плечи.

На берегу в инвалидной коляске сидел мужчина, у его ног устроился огромный сенбернар. Пёс тоже казался пугающе неподвижным. Приблизившись, Майрон увидел: мужчина строгает чурку.

– Здравствуйте! – окликнул его Болитар.

Инвалид едва поднял глаза. На нём красная майка и бейсболка с логотипом сельхозтехники «Джон Дир», опущенная низко на обветренное лицо. Несмотря на жару, ноги закутаны в одеяло. В траве на расстоянии вытянутой руки – сотовый.

– Привет! – не переставая строгать, буркнул мужчина. Если он удивился незваному гостю, то отреагировал с поразительным спокойствием.

– Прекрасная погода, – начал Майрон, вживаясь в роль дружелюбного соседа.

– Угу.

– Вы Джимми Блейн?

– Угу.

Даже без коляски трудно было представить, что этот человек восемнадцать лет проработал в самом неблагополучном районе Филадельфии. Хотя у недвижимой глади озера филадельфийская клоака вообще с огромным трудом представлялась.

Тишина почти полная: не слышно ни птиц, ни сверчков, лишь шорох строгающего дерево ножа.

– Дождей в этом году много? – спустя некоторое время поинтересовался Майрон – Мистер Почтенный Провинциал, прилежный читатель «Календаря фермера».

– Как обычно.

– Это ваш пёс?

– Угу, его зовут Фред.

– Привет, Фред! – Болитар почесал сенбернара за ушами. Пёс завилял хвостом (все остальные части тела остались неподвижными) и громко выпустил газы. – Красиво тут у вас, – снова начал спортивный агент. Ага, совсем как два старых приятеля, болтающих о жизни. Ещё немного – и брюки в замасленные джинсы превратятся.

– Угу, – чиркая ножиком, промычал хозяин.

– Мистер Блейн, послушайте, меня зовут...

– Майрон Болитар, – договорил Джимми. – Я слышал ваше имя и ждал в гости.

Что же, можно не удивляться...

– Джейк звонил?

Блейн кивнул, не отрывая глаз от ножика.

– Сказал, вы упрямы и не желаете слушать его увещевания.

– Просто хочу задать несколько вопросов.

– Думаете, я скажу хоть слово?

– Мистер Блейн, я не собираюсь вас травить.

Инвалид снова кивнул.

– Про это Джейк тоже упомянул. Мол, вы мировой парень, обожаете восстанавливать справедливость.

– А ещё что?

– Вы умник, любитель совать нос в чужие дела и ужасный зануда.

– А то, что я шикарно танцую, Кортер упустил! – посетовал Майрон.

Впервые с момента появления гостя Джимми Блейн перестал строгать.

– Хотите восстановить справедливость в деле Кертиса Йеллера?

– Пытаюсь выяснить, кто его убил.

- Тут и выяснять нечего, – отозвался Блейн. – Я.
- Мне так не кажется.

Услышав такое, Джимми на какое-то время даже про нож забыл. Но потом, смерив Майрона оценивающим взглядом, снова начал строгать.

- Расскажите, что случилось в тот вечер?
- Парнишка выхватил пушку – я его застрелил, вот и все.
- Как далеко вы при этом находились?
- Метрах в девяти-десяти.
- А сколько выстрелов сделали?
- Два.
- И Йеллер упал замертво?
- Не-а, он и его дружок, Суэйд, кажется, – шмыгнули за угол и исчезли.
- Вы прострелили парню голову и подреберье, а он смог убежать?
- Я не говорил, что Йеллер сбежал. Они стояли на углу, потом шмыгнули за него и исчезли. Тогда я не знал, что Йеллеры живут неподалёку. Наверное, черти в окно влезли.
- С пуль в голове?
- Ну, по всей вероятности, Суэйд помог Йеллеру, – пожал плечами Блейн.
- Случилось всё не так. Вы его не убивали.

Пронзительно взглянув на гостя, Джимми снова взялся за нож.

- Вы уже второй раз об этом говорите. Могу я узнать, на каком основании?
- В Йеллера попали две пули.
- Я же говорил, что стрелял дважды.
- Из тела извлекли две пули разных калибров. Один из выстрелов – тот, что попал в голову, – был произведён с очень близкого расстояния. Сантиметров с двадцати – тридцати.

Джимми Блейн молчал, сосредоточившись на строгании. Похоже, он мастерила какого-то зверя, вроде тех, что сторожили его крыльцо.

- Значит, пули разных калибров... – Инвалид старательно изображал безразличие, но получалось не очень.
- Угу.
- У парнишки, которого я застрелил, не было ни одного привода. Представляете, какая это редкость в том районе Филадельфии? Майрон кивнул.

– Я навёл о нём справки, – продолжал Блейн. – Тайком от коллег, лично. Мальчишку звали Кертис Йеллер. В ту пору ему было шестнадцать. Хорошо учился, прилично себя вёл и до той ночи имел все шансы на нормальное будущее.

- Вы его не убивали, – повторил Майрон.
- Блейн принялся строгать с ещё большим рвением и часто-часто заморгал.
- Кто вам сказал про пули?
- Помощница патологоанатома. Неужели вы не в курсе?

Джимми покачал головой.

– По-моему, вышло как нельзя лучше. Вините меня... Почему бы и нет? Использование табельного оружия признали правомочным. Лишних вопросов не задавали. Министерство внутренних дел особо не усердствовало. Характеристика моя не пострадала, послужной список тоже... Поэтому и выбрали такой вариант. Беспроегрешный...

Болитар надеялся на продолжение, но инвалид с головой ушёл в строгание. На чурке проступили длинные уши. Похоже, Джимми мастерила кролика.

– Вам известно, кто в действительности убил Кертиса Йеллера?

Повисла очередная, прерываемая лишь чирканьем ножа пауза. Фред снова выпустил газы и завилял хвостом.

Глаза Майрона произвольно возвращались к озёрной глади. Серебристая вода притягивала как магнитом, завораживала.

– Беспроегрешный вариант, – повторил Блейн. – Похоже, именно так они рассуждали. Старика Джимми прикроем: наказание не понесёт, даже записи в личное дело не получит! Коллеги ничего не узнают... Нет, кто-то даже расценит его пальбу как подвиг! Начнут говорить: Джимми – герой, жизнь товарищу спас... Всё гладко, если бы не одно «но».

Майрону хотелось уточнить, но интуиция подсказывала: ответ придёт сам.

– Я видел мальчишку мёртвым. Видел Кертиса Йеллера в луже крови. Видел, как мать держит его на руках и рыдает. Всего шестнадцать лет... Окажись он торчком или уличным хулиганом... – Блейн недоговорил. – Ничего подобного, парень был из порядочных. Потом выяснилось, он даже не трогал сенаторского сына. Кросса-младшего другой – придурак Суэйд зарезал.

Несколько секунд две прилетевшие на озеро утки бешено хлопали крыльями, но быстро успокоились. Блейн отложил было нож, однако потом, передумав, снова начал строгать.

– Сколько раз проигрывал в голове события той ночи... Было так темно, ни луны, ни звёзд. Возможно, молодой Йеллер и не собирался стрелять. Возможно, в руках у него была вовсе не пушка. Хотя, возможно, всё это совсем не важно. Возможно, применение оружия было правомочным, но в голове моей что-то не сходилось. Я по-прежнему слышал крики матери, видел, как она прижимает к груди голову мальчишки, постоянно думал о его гибели, а много думать копам не полагается. Четыре года спустя другой мальчишка пригрозил мне пистолетом, а я всё думал о матери Йеллера. И вот до чего додумался. – Блейн показал на парализованные ноги. – Нет, тот вариант действительно беспроегрешный. – Взяв нож потоньше, Джимми вернулся к любимому занятию. Воцарилась тишина.

Теперь Майрон понимал воинственный тон Джейка Кортера. Джимми через столько прошёл, столько выстрадал! Если и поступил неправильно по отношению к Кертису Йеллеру, то заплатил за ошибку страшной ценой. Проблема лишь в том, что Джимми Блейн ошибок не совершал. Правомочным был его выстрел или нет, но Кертиса он не убивал. Пожалуй, Блейна можно считать ещё одной жертвой той ночи.

Выдержав паузу, Болитар попробовал снова:

– Вам известно, кто убил Кертиса Йеллера?

– Нет, по сути, нет.

– А как насчёт догадок и предположений?

– Предположения – другое дело.

– Может, поделитесь?

Блейн посмотрел на Фреда, будто ожидая подсказки, но пёс лежал неподвижно, словно шкура диковинного бело-рыжего медведя.

– Вскоре после полуночи мы с напарником Генри получили вызов, – нехотя начал Джимми. – Двое подозреваемых угнали машину со стоянки в трёх кварталах от теннисного клуба «Олд Оакс». Темно-синий «кадиллак-севилль»... Минут через двадцать мы заметили, как похожий по описанию автомобиль выезжает с автострады Рузвельта. Когда пристроились сзади, подозреваемые бросились наутёк. Завязалась погоня. – Голос Джимми изменился. Немощный инвалид превратился в копа, по привычке зачитывающего из блокнота отчёт о дежурстве. – Мы с Генри преследовали их по проулку между Хантинг-парк-авеню и Броуд-стрит сначала на машине, потом пешком. На тот момент у нас не было ни словесных портретов подозреваемых, ни адреса, только описание автомобиля. Мы бежали за ними через несколько кварталов, а когда свернули за угол, сидевший за рулём парень вытащил пистолет. Мой напарник приказал остановиться и бросить оружие, но Йеллер навёл на него прицел. Я дважды выстрелил из табельного оружия. Парень упал, но все-таки смог подняться и скрыться. Когда подоспели мы с Генри, обоих подозреваемых и след простыл. Решив, что угонщики скрылись где-то неподалёку, мы стали ждать подкрепления. Однако первыми туда приехали не копы, а так называемые представители секретных служб.

– Люди сенатора Кросса?

Блейн кивнул.

– Они назвались службой безопасности, но, по-моему, обычные шестёрки мафии.

– Сенатор Кросс сказал, что с мафией не связан.

– Вы серьёзно? – вскинул брови Джимми Блейн.

– Да.

– Сенатор Кросс – марионетка мафии, а конкретнее – семьи Перретти. Он же в казино играет и, по моим данным, дважды задерживался с проститутками. А во время предвыборной кампании, когда Кросс впервые сражался за кресло конгрессмена, его оппонента нашли в реке.

– И следы привели к Кроссу?

– Никаких доказательств не было, сомнений – тоже.

Болитар задумался. Похоже, почтенный сенатор солгал. Вот так сюрприз! Брэдли Скотт выставил его дураком. Уин тысячу раз прав: безоговорочная вера в людей нередко служит плохую службу.

– И что случилось дальше?

– Бандиты Кросса прибыли на место чуть ли не моментально. Явно нашу рацию прослушивали. По той же рации мыс Генри получили приказ сотрудничать с ними в полном объёме. Так что мальчишек искали объединёнными усилиями. Удивительно, что мы первыми их заметили: наёмные следопыты, как правило, оказываются расторопнее.

Спортивный агент кивнул. Превосходство мафии над полицией давно является прописной истиной. Гангстеры ближе к городскому дну, в средствах не ограничены, не переживают о законах, правилах и конституционных правах. А ещё способны внушать животный страх.

– А потом?

– Мы начали прочёсывать район с фонариками, проверять мусорные контейнеры и так далее. Представляете: копы и гангстеры рука об руку. Сначала ничего не нашли, а потом услышали выстрелы. Генри потащил меня в грязную квартирку недалеко от места, где я стрелял в Йеллера. Увы, люди Кросса оказались там раньше... – Сделав паузу, Блейн потрепал Фреда по голове. Пёс снова изобразил виляющий хвостом коврик. – Ну, вы знаете, что мы нашли, – продолжая гладить сенбернара, сказал Джимми. Голос не низкий, а какой-то замогильный. – Йеллер уже умер, и мать прижимала его к груди. У бедняжки был самый настоящий шок. Сначала она звала его по имени, ласково так, будто будила утром в школу, потом гладила по спине, качала, просила снова заснуть. Мы все стояли разинув рты. Даже бандиты, и те не решились ею тревожить.

– Как насчёт других выстрелов? – спросил Майрон.

– А что с ними?
– Выяснили, кто их произвёл?
– Казалось, что да... Я почему-то решил: в Суэйда выстрелил кто-то из службы безопасности. На то, что по глупости признаются, не рассчитывал, просто подумал: это люди Кросса.
– А то, что мафиози убили Йеллера, в голову не приходило?
– Нет.
– Почему?
– Я говорил, что у матери был шок?
– Да, конечно.
– Как только она поняла, что мальчишка не проснётся, начала тыкать пальцем и кричать. Хотела узнать, кто убил Кертиса, и взглянуть в глаза извергу, хладнокровно застрелившему его сыночка. Утверждала, что Суэйд приволок его в таком виде: мёртвого и истекающего кровью.
– Так и сказала? Что Суэйд притащил его мёртвым?
– Угу.
Тишина... Ни журчания воды, ни пения птиц. Прошло несколько минут, а потом Блейн поднял голову и прищурился.
– Такая холодная...
– Что?
– Та женщина, мать Йеллера. Особенно если врала относительно того, кто убил её мальчика. Всегда недоумевал, почему не последовало ответных действий. Почему она шум не поднимала, почему к журналистам не пошла, никаких обвинений не предъявляла и объяснений не требовала. – Джимми покачал головой. – Что заставило миссис Йеллер повести себя так по отношению к единственному ребёнку? Как они смогли так быстро до неё добраться? Деньгами? Угрозами? Чем-то ещё?
– Не знаю, – признался Болитар.
Джимми Блейн закончил строгать: получился кролик, и довольно симпатичный. Наконец запели птицы, если хриплое карканье можно назвать пением. Бывший коп ловко развернул инвалидное кресло.
– Хотите перекусить? – предложил он. – Собираюсь готовить обед.
Майрон взглянул на часы: уже поздно, нужно ехать в офис на встречу с Недом Тануэллом.
– Спасибо, но мне пора в город.
– Тогда в другой раз, когда со всем этим разберётесь.
– Договорились.
Блейн сдул с кролика стружку.
– До сих пор не понимаю.
– Чего?
Джимми вертел в руках свою поделку, оглядывая её со всех сторон.
– Как мать могла быть до равнодушия бесстрашной? Сколько они ей предложили? чём напугали? Черт, разве существуют деньги или угрозы, которые заставили бы мать поступить так по отношению к сыну? – Покачав головой, он бросил кролика на колени. – Не понимаю... Майрон тоже не понимал.

ГЛАВА 41

Сев в «форд-таурус», Болитар поехал на восток. За несколько километров не попалось ни одной машины. Вокруг деревья, сплошные деревья... Природа, бесспорно, красивая, только Майрон не был большим любителем природы. Ни охотой, ни рыбалкой не увлекался. Всё это очень здорово, но, увы, не для него. Оставаясь один на один с лесом, Майрон всякий раз вспоминал страдания Неда Битти из фильма «Избавление». Ему нужны люди, движение, шум, причём городской, а, скажем, не мычание коров или визг свиней.

Итак, сейчас у него куда больше информации об убийствах Александра Кросса и Кертиса Йеллера, чем двадцать четыре часа назад, но уверенности в том, что они имеют отношение к Валери Симпсон, не прибавилось. А ведь основной целью была именно Валери. Копаться в обстоятельствах преступления, гремевшего шесть лет назад, безусловно, интересно, но совсем не то, что нужно Майрону. Он разыскивает убийцу Валери Симпсон, пытается найти человека, оборвавшего её юную, полную страданий жизнь. Можно называть это хоть восстановлением справедливости, хоть борьбой за правду, рыцарством, комплексом спасателя или героя, только для Майрона всё проще: Валери заслуживала лучшего.

На трассе по-прежнему никого; лес, обступивший его с обеих сторон, превратился в зелёный коридор. Спортивный агент попытался систематизировать известные ему факты. Получается: заметив Эррола Суэйда и Кертиса Йеллера, Джимми Блейн с напарником пустились в погоню. Правомочно или нет, но Джимми выстрелил в Йеллера, и одна из его пуль, по всей видимости, попала Кертису в подреберье. Но ведь суть в том, что кто-то ещё стрелял в парня с близкого расстояния. Тот, у кого имелся пистолет другого калибра. Тот, кто не служил в полиции.

Так кто же стрелял в Кертиса Йеллера?

Ответ напрашивался сам собой. Джимми Блейн и Аманда Уэст в один голос утверждали: люди сенатора Кросса – представители мафии или секретных спецслужб – были вооружены. У них, безусловно, имелись и возможности, и мотив. Лгал сенатор Брэдли Кросс Майрону или нет, совершенно не важно. В любом случае гибель Кертиса Йеллера и Эррола Суэйда отвечала его интересам. Живые подозреваемые могут стать чрезмерно болтливыми. Живые подозреваемые могут рассказать о наркотиках. Живые подозреваемые могут заявить: Александр Кросс погиб совсем не как герой. А вот мёртвые не болтают, а главное, не спорят с пиарщиками.

Что касается Эррола Суэйда, этого таинственного беглеца, то его, по всей видимости, убили в перестрелке, которую слышал Джимми. Люди сенатора могли спрятать тело и избавиться от него уже позднее. Естественно, это только гипотеза, зато наиболее правдоподобная. Чуть ли не все факты работают против Эррола Суэйда: умом парень не отличался, зато отличался ростом под метр девяносто, а Майрон по собственному опыту знал, как трудно с такими габаритами укрыться от выстрела. В общем, шансы на то, что Суэйд столько лет успешно скрывается от полиции – не говоря уже о всемогущей мафии, – можно признать, как говорят специалисты, статистически незначительными.

Закат... Солнце ещё достаточно высоко, чтобы слепить Майрона, и уже достаточно низко, чтобы светить из-под козырьков. Прищурившись, Болитар поехал медленнее. В голове шестерёнки тоже переключились с третьей скорости на первую, возвращая мысли к пулям в теле Кертиса Йеллера. Каким-то образом умирающий паренёк оказался в объятиях матери; и впоследствии на эту мать кто-то каким-то образом надавил. Из-за денег или страха перед расправой Диана Йеллер решила молчать об убийстве сына.

Разумеется, в этом сценарии имелись неувязки. Например, деньги. Сына Дианы Йеллер убили шесть лет назад, а с первого крупного поступления на её счёт прошло всего пять месяцев. Зачем делать такой перерыв? Конечно, миссис Йеллер могла выжидать и прятать доллары под матрасом, но Майрону почему-то не верилось. С другой стороны, если пополнения счета действительно свежие, вопросы становятся ещё актуальнее: почему вдруг у Дианы появились деньги? Почему убили Валери? И при чём тут Павел?

Вопросы, конечно, интересные, очень интересные, хотя ответов пока нет. Может, Нед Тануэлл прольёт свет хоть на один из них?

Внезапно в глаза бросилось что-то необычное, и Майрон присмотрелся повнимательнее. В зеркале заднего обзора неожиданно появилась машина. Большая, чёрная, с тонировкой ветрового стекла, чтобы никто не увидел салон. Номера нью-йоркские.

Свернув вправо, чёрная машина исчезла из зеркала заднего обзора и появилась в боковом. Майрон не сводил с неё глаз и вдруг вспомнил, что в реальности предметы могут быть ближе, чем кажется, глядя на отражение. Да, мысль ценная! Чёрная машина прибавила скорость, и, когда поравнялась с «фордом», стало ясно: это лимузин, точнее, «линкольн-континентал». Боковые окна тоже тонированы, пассажиров не разглядишь, совсем как глаза за огромными авиаторскими очками. Вместо салона Болитар любовался своим отражением. Он улыбнулся, помахал рукой, и зеркальный Майрон ответил тем же. Чертовски симпатичный малый!

Почему-то «линкольн» не спешил обгонять скромный «форд». Заднее окно со стороны водителя стало медленно опускаться. Болитар ожидал увидеть дедушку, который спросит, как проехать в библиотеку, и до глубины души удивился, когда показалось дуло пистолета.

Без всякого предупреждения грянули два выстрела, поразившие шины с пассажирской стороны «форда». Бешено крутя руль, Майрон старался не потерять управление, но, увы, машина съехала с дороги. Каким-то чудом удалось не врезаться в дерево, а потом послышалось глухое «бум!», и «форд» остановился.

Из лимузина выбрались двое и со всех ног бросились к Болитару. Ребята в строгих синих костюмах, а у одного бейсболка с символикой «Нью-Йорк янкиз». Хм, какое интересное сочетание стилей! У обоих пистолеты, а лица мрачные, безжалостные. У Майрона душа ушла в пятки: он-то безоружен! Ему вообще не нравилось разгуливать с пушкой в кармане, причём не по каким-то моральным принципам, а потому, что все виды оружия громоздкие, тяжёлые и нужны раз в сто лет. Уин предупреждал, но кто в подобных вопросах слушает Уина? Тем не менее стоило быть предусмотрительнее. Расследование затрагивает интересы больших шишек, которые могут выкинуть что угодно. Разве трудно хотя бы в бардачке пистолет возить?

Увы, для самобичевания уже поздно, хотя другой шанс может уже не представиться.

«Шкафы» в синих костюмах приблизились к машине. В отсутствие других вариантов Майрон пригнулся, схватил телефон с приборной панели и застучал по кнопкам.

– Выметайся из машины, живо! – рявкнул один из Шкафов.

– Ещё шаг, и уложу на месте! – предупредил Болитар, мистер Отчаянный Блеф.

Угрюмое молчание.

Майрон снова набрал номер, нажал кнопку вызова, и в тот самый момент в трубке будто хрустнула ветка и что-то зашипело. Шкаф в бейсболке антенну отломил! Да, ничего хорошего это не сулит! Боясь поднять голову, Болитар открыл бардачок: квитанции, карты, ПТС. Взгляд лихорадочно метался по салону в поисках хоть какого-то подобия оружия. Увы, попался только прикуриватель, и отчего-то не верилось, что он поможет справиться с двумя вооружёнными головорезами. Если сию секунду не превратиться в секретного агента Макгайвера,[32] грядут серьёзные неприятности.

За окном зашуршали шаги. Что же делать? Что делать? Вариантов никаких. Открылась дверца лимузина, кто-то негромко выругался: прозвучало, как «черт!» или нечто подобное, а затем тяжело вздохнул.

– Болитар, я приехал не в грёбаные игры играть!

От этого голоса по спине побежали мурашки: акцент нью-йоркский. Так и есть: Фрэнк Эйк собственной персоной.

Вот это вообще ничего хорошего не сулит.

– Ты, ханурик, вылезай из тачки. Я не собираюсь тебя убивать!

– Твои ребята шины мне прострелили! – пожаловался Майрон.

– Угу, а вздумай я тебя убить, прострелили бы не шины, а голову.

– Да, – кивнул Майрон. – Пожалуй, ты прав.

– А ещё, слышь, на заднем сиденье у меня катаются два «Калашникова». Вздумай я тебя убить, парни в решето бы дерьмовый «форд» превратили!

– Тоже верно, – кивнул Майрон.

– Так что выметай свою задницу из тачки! – рявкнул Фрэнк. – Мне что, целый день ждать, ханурик несчастный?! Выбора нет. Болитар открыл дверцу и вышел из машины. Эйк юркнул обратно в лимузин, а Тони с Билли хмуро уставились на Майрона.

– А ну залезай! – прикрикнул Фрэнк.

Спортивный агент побрёл к «линкольну», но Билли и Тони загородили ему дорогу.

– Давай пушку! – потребовал Шкаф в бейсболке.

– Ты Билли или Тони?

– Пушку! Быстро!

Прищурившись, Майрон показал на бейсболку.

– Ура, кажется, понял, у тебя пересадка!

– Что?

– Бейсболка с деловым костюмом! Ты же не просто так ею надел, а чтобы следы пересадки спрятать, ну, места, где кожу с волосяными фолликулами подсаживали.

Шкафы переглянулись. «Дошло!» – радостно подумал Майрон.

– Ты, ханурик, пушку давай! Ханурик, новое слово на букву «х».

– А где «пожалуйста»?

– Господи, Билли, – закричал из лимузина Эйк, – нету него никакой пушки! Ханурик лапшу тебе на уши вешает!

Во взгляде бандита мелькнула ярость, а Майрон с улыбкой развёл руками и улыбнулся.

Тони распахнул дверцу, Болитар скользнул на заднее сиденье, а сами Шкафы устроились спереди. Эйк нажал на кнопку – поднялась перегородка, разделяющая салон пополам. В лимузине имелись бар и телевизор с магнитофоном. Обивка цвета благородного кармина, кроваво-красная, что, учитывая род занятий Фрэнка, наверняка позволяло экономить на химчистке.

– Классная тачка, Фрэнк! – похвалил спортивный агент.

Одет Эйк в своём излюбленном стиле: велюровый костюм на пару размеров меньше нужного.

Сегодня куртка зелёная с жёлтой отделкой. Молния расстёгнута до середины: именно так в семидесятые было принято носить на дискотеках. Живот огромный, как при многоплодной беременности, зато волос на голове почти не осталось. Владелец «Тру-Про» пристально смотрел на Майрона.

– Что, Болитар, нравится в моей заднице зудеть?

– М-м-м, Фрэнк, ты меня возбуждаешь! – захлопал ресницами Майрон.

– Почему достаёшь меня, а, извращенец мерзкий?

– Я по крайней мере не посылал головорезов насиловать твою подружку!

Эйк ткнул пальцем в грудь Болитара:

– А ты сам не нарывался? Не напрашивался?

Майрон не ответил. Зачем он только заговорил с этим типом о Джессике? Условие практически невыполнимое, но на личности переходить нельзя. Нужно абстрагироваться от недавних событий и воспринимать Эйка иначе, чем типа, который хотел обидеть твою

любимую женщину. Любые разговоры на эту тему приведут в лучшем случае к крайне нежелательному результату, а в худшем – к самоубийству.

– Я ведь предупреждал, – напомнил Фрэнк, – даже Аарона посылал, чтобы объяснить, насколько серьёзны мои намерения. Знаешь, сколько Аарон дерёт за час?

– Ну, в последнее время – нисколько.

– Ха-ха-ха, умираю от смеха! – отозвался Эйк, в голосе которого не было ни тени веселья. – Я старался вести себя разумно, юного Крейна отдал, и чём отблагодарил ты? Палки в колеса мне совать начал!

– Я пытаюсь найти убийцу, – отозвался спортивный агент.

– А мне какое дело? Нравится играть в Бэтмена – на здоровье, но только чтобы на деньгах «Тру-Про» не отражалось. Хоть раз лишив нас прибыли, ты автоматически пересекаешь черту. Павел ведь чистую прибыль приносил!

– Павел спал с несовершеннолетними девочками, – напомнил Майрон.

Эйк развёл руками.

– чём он занимался в спальне, меня не касается.

– Какие прогрессивные взгляды, Фрэнк! Ты теперь за демократов голосуешь?

– Ну, ханурик, хочешь выяснить, слышал ли я про постельные похождения Павла? Да, слышал и знал, что он трахает сопливых девчонок. И что с того? Я работаю с парнями, по сравнению с которыми Павел Менанси – настоящая мать Тереза. В бизнесе вроде нашего выбирать не приходится. Я задаю себе один-единственный вопрос: человек приносит мне деньги? Если ответ положительный, больше ничем не интересуюсь – вот такое правило. Павел деньги приносил, остальное не важно.

Майрон молчал, ожидая, когда гангстер перейдёт к делу, которое, он искренне надеялся, заключалось не в том, чтобы прострелить ему голову.

Достав из кармана пачку жевательной резинки «Дентин», Эйк положил пластинку в рот.

– Я здесь не для того, чтобы философию разводить! Павел мёртв, денег не приносит, значит, моё правило уже не действует. Понимаешь, о чём речь?

– Понимаю.

– Я простой бизнесмен, – гнул своё Эйк. – Павел больше меня не кормит, выходит, нам с тобой грызться не за что, и ты останешься в живых. Если нет никакой выгоды, пачкаться не желаю, усёк?

Майрон кивнул.

– Получается, теперь мы лучшие друзья?

Фрэнк подался вперёд, глаза стали похожи на маленькие черные щёлки.

– Нет, ханурик, не получается. В следующий раз сопли разводить не буду. Думаешь, спрятал подружку – и все? Я её найду! Или пришью кого-нибудь другого: папашу, мамашу, друзей, черт побери, может, даже парикмахера!

– Его зовут Пьер, и он предпочитает, чтобы его называли «специалист по красоте».

Фрэнк смерил его негодующим взглядом:

– Ты что, шутишь, черт побери?!

– Я только что услышал угрозу в адрес родителей. Как же мне реагировать?

Медленно кивнув, Фрэнк откинулся на спинку сиденья.

– Объявляю перемирие. Временное... – Эйк снова нажал на кнопку, и перегородка опустилась.

- Да, мистер Эйк! – отозвался Билли.
- Вызовите Болитару эвакуатор.
- Да, мистер Эйк!
- Фрэнк повернулся к спортивному агенту:
- Выметайся из моей машины!
- Что, даже не обнимемся?
- Выметайся!
- Можно хотя бы вопрос задать?
- Какой?
- Ты приказал убить Валери, чтобы покрыть Павла?
- Гангстер улыбнулся, обнажив торчащие, как у бобра, зубы.
- Выметайся, иначе оторву яйца и продам в китайский ресторан!
- Отличная идея! Ладно, Фрэнк, приятно было поболтать, не забывай! – Майрон распахнул дверцу и выбрался на свободу.
- Расскажешь Локвуду о нашем разговоре, ладно? – высунувшись в открытую дверцу, крикнул Эйк.
- Зачем?
- Зачем – тебя не касается, просто расскажи – и все. Понял?
- Понял, – отозвался Майрон.
- Фрэнк захлопнул дверцу, и лимузин уехал.

ГЛАВА 42

Эвакуаторы приехали довольно быстро, и к половине седьмого Майрон попал в офис. Неда ещё не было, и Эсперанса вручила ему сообщения. Закрывшись в кабинете, Болитар стал отвечать на звонки.

В селекторе внутренней связи послышался голос компаньонки:

- Сучка на третьей линии.
- Прекрати её так называть! – взмолился Майрон и поднял трубку. – Привет, ты уже дома?
- Да, поездка оказалась кратковременной.
- Ну, я быстро работаю.
- А я ни на что не жалуюсь.
- Угу...
- Так что стряслось?
- Кто-то убил Павла Менанси, и Эйку больше некого покрывать.
- Всё так просто?
- Это бизнес, а бизнес у этих ребят очень простой.
- Не убивай без выгоды?
- Именно. Это – основополагающее правило!
- Приедешь ко мне сегодня? – поинтересовалась Джессика.
- Угу.

– Тогда мы тоже установим правило.

– Какое?

– Никаких разговоров о Павле Менанси, Валери Симпсон и так далее. Забудем о них – и все!

– чём займёмся?

– Будем трахаться, как кролики.

– А что, мысль дельная!

– Он пришё-ё-ёл! – заглянув в кабинет, протянула Эсперанса.

Кивнув, Майрон попрощался с Джессикой.

– Ладно, перезвоню.

Болитар положил трубку на базу, поднялся и стал ждать. Вечер наедине с Джессикой... Звучит здорово, но немного устрашающе. События развиваются слишком быстро. Джесс вернулась, между ними полное понимание... Майрону было о чём задуматься: например, переживёт ли он, если Джессика снова уйдёт к другому. Справится ли с ужасной болью? Можно ли как-то отгородиться от неё, защитить себя от страданий? Судя по всему, нет.

Нед Тануэлл чуть ли не запрыгнул в офис с вытянутой рукой: ни дать ни взять гость популярного ток-шоу. Ещё бы зрителям помахал!

Тануэлл энергично сжал ладонь Майрона.

– Привет, дружище!

– Привет! Давай садись...

Серьёзный тон Болитара мгновенно стер улыбку с лица Тануэлла.

– Слушай, с Дуэйном всё в порядке?

– Да.

От страха Нед даже предложенный стул не заметил.

– Травму не получил?

– Нет, Дуэйн в форме.

– Слава Богу! – Уголки рта снова поползли к ушам. Природный оптимизм не спрячешь! – Вчерашний матч – это фантастика, самая настоящая фантастика. Все только и говорят о том, как он сумел отыгаться. Наш ролик прошёл на ура, лучше и быть не может! Я чуть не описался!

– Угу, ясно, присаживайся, Нед.

– Да, конечно. – Тануэлл сел. Только бы пятен на стуле не оставил! – До субботнего полуфинала всего ничего! Историческое событие: на трибунах соберётся столько народу, про телезрителей уже не говорю... По-твоему, Дуэйн сможет одолеть Крейга? Газетчики так не думают.

После мощнейшей подачи Томас Крейг предпочитает выходить к сетке. Второй посеянный на турнире, он сумел набрать прекрасную форму.

– Мне кажется, шансы есть, – уверенно проговорил Майрон.

В глазах Тануэлла загорелся огонёк.

– Если бы Дуэйн смог вытянуть этот матч... – Менеджер «Найк» покачал головой и ухмыльнулся.

– Нед!

– Что? – Во взгляде Тануэлла ни капли притворства.

– Ты хорошо знал Валери Симпсон?

– Кто, я? – неуверенно переспросил Нед, и глаза потускнели.

Майрон кивнул.

– Ну, немного.

– Немного?

– Угу, – нервно улыбнулся Тануэлл, стараясь не терять самообладания. – А в чём дело?

– Я слышал другое.

– Правда?

– Говорят, именно ты привёл Валери в «Найк» и курировал на протяжении нескольких лет.

– Да, правильно, – кивнул Нед, заёрзав в кресле.

– Получается, вы были близко знакомы.

– Пожалуй, можно и так сказать. Майрон, почему ты меня об этом спрашиваешь? В чём дело?

– Нед, ты мне доверяешь?

– Сам знаешь, целиком и полностью. Просто пойми: я не люблю об этом говорить.

– Из-за ею гибели и так далее?

Выражение лица Неда стало кислым-прекислым.

– Нет, из-за ею фиаско. Валери была первой, кого я привёл в «Найк». Думал, вознесёт меня к карьерным высотам, а она лет на пять назад отбросила. Обидно – словами не передать.

Надо же, какой чувствительный!

– Когда наступил полный провал, отгадай, в кого помидоры полетели?

По сути, вопрос чисто риторический, но Тануэлл явно ждал ответа.

– Наверное, в тебя, Нед?

– Да, черт побери! Я на самое дно упал! Даже не упал, швырнули. Пришлось снова ползти вверх по карьерной лестнице... А всё из-за Валери и ею срыва! Нет, нет, сейчас жаловаться не на что. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! – Он постучал по столу.

Майрон тоже постучал, но Нед сарказма явно не уловил.

– А с Александром Кроссом ты знаком? – поинтересовался спортивный агент.

Нед изумлённо вскинул брови.

– Эй, в чём тут дело?

– Ты мне доверяешь?

– Конечно, Майрон, но ради Бога...

– Слушай, вопрос элементарный: ты знал Александра Кросса?

– Возможно, мы разок и встречались, точно не помню... Через Валери, конечно. У них же был роман.

– А у вас с Валери?

– Что у нас с Валери?

– У вас роман был?

Нед предостерегающе поднял руку: стоп, мол.

– Майрон, Майрон, подожди! Ты мне нравишься, даже очень. Ты прямой парень, честный, совсем как я.

– Ну, Нед, тебя честным не назовёшь: врёшь, голову мне морочишь. Ты не только знал Александра Кросса, а был на вечеринке в «Олд Оакс», когда там произошло убийство.

Тануэлл открыл было рот, но не смог вымолвить ни слова, поэтому молча покачал головой.

– Вот, – Майрон встал и протянул список приглашённых, – жёлтым маркером подчёркнуто: Э. Тануэлл. Эдвард, ныне известный как Нед. Менеджер «Найк» смотрел то на список, то на Майрона.

– Это было очень давно, – пробормотал он. – При чём тут вечеринка?

– А зачем лгал?

– Я не лгал.

– Нед, ты что-то скрываешь.

– Нет, неправда.

Майрон пристально взглянул на гостя. Глаза Тануэлла лихорадочно бегали.

– Слушай, всё не так, как ты думаешь...

– Я ещё ничего не думаю, – осадил Болитар, но тут же уточнил: – Ты с ней спал?

– Нет! – Тануэлл наконец отважился встретиться взглядом Майрона. – Чёртова сплетня едва карьеры мне не стоила. Её козел Менанси пустил! Это ложь, клянусь!

– Павел пустил такую сплетню?

– Да, – кивнул Нед, – он мерзкий извращенец!

– Уже нет.

– Что?

– Павел Менанси мёртв. Прошлой ночью его убили. Кто-то прямо в грудь выстрелил. Обстоятельства очень напоминают гибель Валери.

– Выдержав паузу, Болитар ткнул в Неда пальцем: – Где прошлой ночью был ты?

Глаза Неда стали круглыми как блюдца.

– Ты же не считаешь...

Спортивный агент пожал плечами.

– Если тебе нечего скрывать...

– Так и есть!

– Тогда расскажи, что случилось.

– Ничего!

– Нед, что ты недоговариваешь?

– Майрон, всё было несерьёзно, клянусь!

Болитар горестно вздохнул.

– Ты признал, что Валери Симпсон чуть не разрушила твою карьеру. Признал, что до сих пор ею не простил. А ещё заявил, что Павел Менанси распространял о тебе грязные сплетни. Ты только что назвал потерпевшего – цитирую дословно – «мерзким извращенцем».

– Майрон, у меня просто язык развязался! – попытался отшутиться Нед, но лицо Болитара осталось непроницаемым. – Это всё пустая болтовня!

– Возможно, да – возможно, нет. Интересно, как воспримет эту новость руководство «Найк»?

Застывшая улыбка совершенно не отражала настроения Тануэлла.

– Слушай, ты же несерьёзно! Не станешь ведь распространять эти гнусные сплетни!

– Почему не стану? Потому что в противном случае ты и меня убьёшь?

– Никого я не убивал! – заголосил Нед.

– Не знаю, не знаю, – с притворным испугом покачал головой спортивный агент.

– Так, Валери вытащила меня на улицу. Мы целовались, но дальше дело не пошло, клянусь!

– Стоп, не так быстро! – попросил Майрон. – Давай начнём сначала. Значит, ты был на вечеринке.

Тануэлл соскользнул на самый краешек стула, и слова полились бешеным потоком:

– Да, я там был, и Валери тоже. Мы вместе пришли. Она страшно волновалась, потому что Александр должен был объявить о помолвке.

Но потом он передумал, и Вал разозлилась.

– Почему передумал?

– Из-за отца. Это он настоял, чтобы Александр отменил помолвку.

– Сенатор Кросс?

– Угу.

– Но по какой причине?

– Откуда мне знать? Валери всегда говорила, он первостатейный ублюдок, и терпеть его не могла. Но тут, увидев, как сенатор помыкает Александром, просто взбесилась. Захотела отомстить, проучить их обоих.

– И под руку подвернулся ты?

– Да, именно, – щёлкнул пальцами Нед, – подвернулся под руку, только и всего. Майрон, я ни в чём не виноват, просто оказался в ненужное время в ненужном месте. Ну, ты ведь понимаешь...

– И она вытащила тебя на улицу, – подсказал Майрон.

– Ну да, мы нашли укромное местечко под навесом. Клянусь, только целовались – и все. Только целовались... А потом услышали шум, и пришлось прерваться.

– Какой шум? – От волнения Болитар даже спину выпрямил.

– Сперва просто стук теннисных мячей, потом громкие голоса, один из которых принадлежал Александру. И наконец ужасный крик.

– Что ты сделал?

– Я? Сначала ничего. Валери сама закричала и бросилась к кортам, я – следом. На несколько секунд потерял из виду, но, свернув за угол, увидел и её, и тот кошмар. Кровь Александра обагрила траву. Его друзья со всех ног понеслись в клуб, а чёрный бугай стоял, склонившись над телом: в одной руке ракетка, в другой – нож.

– Ты видел убийцу? – подавшись вперёд, спросил Майрон.

– Да, и очень близко, – кивнул Нед.

– Александра зарезал чёрный бугай?

– Да.

– А сколько всего было грабителей?

– Двое, оба черные.

Так, значит, Брэдли Кросс театр не устраивал, парни действительно там были. Если Нед, конечно, не лжёт, но почему-то так не кажется.

– Что случилось дальше?

– Ты когда-нибудь видел Валери в её лучшую пору? – после небольшой паузы спросил Тануэлл. – Я имею в виду на корте?

– Да.

– Не замечал, какой у неё был взгляд?

– Взгляд?

– Ну, некоторые спортсмены смотрят по-особому. Например, Майкл Джордан, Ларри Берд, Джо Монтана, наверное, и ты, когда играл за «Келтикс». Говорят, у вас взгляд чемпионов. У Валери я видел его и в лучшую пору, и в ту ночь. Грабитель помладше и пониже накинудся на бугая, мол, посмотри, что ты наделал, сумасшедший, и так далее. Оба пустились наутёк. В нашу сторону. Я-то сбежал, конечно, лишние неприятности ни к чему. А вот Валери не такая... Притаилась, подпустила черных парней поближе, а потом с диким криком налетела на младшего. С ног сбила, как полузащитник в американском футболе! Они катались по траве и дрались до тех пор, пока парень, треснув её ракеткой, не вырвался.

– Значит, ты хорошо их рассмотрел?

– Да, неплохо.

– А фотографии Эррола Суэйда видел?

– Да, после убийства его снимки по всем каналам крутили!

– Это тот самый бугай из клуба?

– Вне всякого сомнения, – уверенно ответил Тануэлл.

Болитар обдумал услышанное. Парни действительно были в клубе «Олд Оакс»... Значит, они с Люсиндой Элрайт ошибались: Суэйда с Йеллером не делали козлами отпущения.

– И как поступили вы с Валери?

– Ну, теннисная карьера у неё стремительно шла под уклон. Дополнительных проблем, естественно, не хотелось. Вот мы и вернулись к гостям и никому ничего не сказали. А потом Валери вообще стало не до того: началась депрессия, жуткая, хотя ничего удивительного, наверное, нет. Сам подумай: решила изменить бойфренду, а его в тот самый момент убили. Жуть, по-другому и не скажешь.

– Да уж, – кивнул Майрон.

Жуть, а ещё импульс, толкнувший истерзанную душу к последней черте.

ГЛАВА 43

Майрон и Джессика выполнили нововведённое правило и об убийствах не сказали ни слова. Прижавшись друг к другу, они смотрели по кабельному телевидению «Посторонних в поезде» и лакомились тайской едой, которую заказали в ближайшем ресторане. Потом занимались любовью, смотрели «Окно во двор», кормили друг друга мороженым и снова занимались любовью.

На душе Майрона стало так легко и свободно. На одну ночь он позабыл о Валери Симпсон, Александре Кроссе, Кертисе Йеллере, Эрроле Суэйде и Фрэнке Эйке. Как хорошо! Слишком хорошо... Болитар стал думать о предместьях Нью-Йорка, петле на автостраде, а потом заставил себя отрешиться и от этих мыслей.

Через несколько часов утреннее солнце вернуло его обратно к реальности. Минувший вечер был кусочком рая, и, лёжа в постели рядом с Джессикой, Майрон подумывал о том, чтобы обнять её и никуда не ходить. Зачем шевелиться? Разве на свете есть что-то уютнее этой спальни?

Ответ отрицательный. Будто прочитав его мысли, Джессика покрепче к нему прижалась... Увы, блаженство длилось недолго. Молча одевшись, они поехали во «Флашинг-Медоус». Предстоящий матч обещал стать захватывающим. Второй четверг соревнований: в

программе женский финал и мужские полуфиналы. Первым на арене Артура Эша был запланирован матч между вторым посеянным, Томасом Крейгом, и открытием нынешнего турнира – Дуэйном Ричвудом.

Когда вошли на территорию комплекса, Майрон вручил Джессике корешок билета.

– Встретимся в ложе. Мне нужно поговорить с Дуэйном.

– Сейчас? Перед важнейшим матчем в его карьере?

– Буквально секунду.

Девушка пожалала плечами и, с сомнением взглянув на любимого, взяла билет.

Болитар поспешил в раздевалку, показал секьюрити пропуск и вошёл. Комната совершенно непримечательная, особенно если учесть, что в ней ждут начала матча участники турнира «Большого шлема». Дуэйн сидел в углу, заткнув уши наушниками. Голова запрокинута, и из-за темных очков не разберёшь, открыты глаза или нет.

Заметив агента, Ричвуд отключил музыку, и Майрон увидел в зеркальных очках своё отражение. Надо же, совсем как в окнах эйковского лимузина!

Лицо Дуэйна было похоже на маску. Стянув наушники, парень оставил их висеть на шее наподобие галстука «боло».

– Она ушла, – медленно проговорил Дуэйн. – Ванда меня бросила.

– Когда? – опешил Болитар. Вопрос глупый и совершенно неуместный.

– Сегодня утром. Что ты ей сказал?

– Ничего.

– Она ведь была у тебя. Спортивный агент молчал.

– Говорил, что видел меня в отеле?

– Нет.

Ричвуд вставил в плеер новую кассету.

– Убирайся! – процедил он.

– Дуэйн, она тебя любит.

– И доказывает это весьма оригинальным способом.

– Просто хочет узнать, в чём дело.

– Ни в чем.

Зеркальные «рэй-баны» сбивали с толку. Ричвуд смотрел прямо на Майрона, возможно, даже в глаза, из-за темных стёкол точно не скажешь.

– Полуфинальный матч очень важен, – проговорил Болитар, – но Ванда в сто крат важнее!

– Думаешь, я не в курсе? – взорвался парень.

– Тогда скажи ей правду.

На лице Дуэйна медленно прорезалась улыбка.

– Ты ничего не понимаешь.

– Так объясни.

Теннисист вертел в руках плеер: достал кассету, потом снова вложил.

– Ты утверждаешь: правда всё исправит, а сам даже не представляешь, что это за правда. Говоришь: «Правда тебя освободит», а сам понятия об этой правде не имеешь. Майрон, правда не всегда даёт свободу, а порой даже губит.

- Скрытность ни к чему хорошему не приведёт.
 - Приведёт, если оставить всё как есть.
 - Дуэйн, человека застрелили, это нельзя оставить как есть.
- Ричвуд снова заткнул уши наушниками.
- Может, так было бы лучше.

Звонящая тишина.

Агент и подопечный буравили друг друга вызывающими взглядами. До Майрона доносились слабые отзвуки какой-то песни. Все, хватит молчать.

- Ты был там в ночь, когда убили Александра Кросса. В теннисном клубе с Суэйдом и Йеллером.

Очередной обмен испепеляющими взглядами. Томас Крейг прошёл мимо Дуэйна с Майроном и встал у двери. Ракетки у него лежали в чем-то напоминающем походный мешок. Из коридора заглянул секьюрити с рацией.

- Пора, мистер Ричвуд, – кивнул он.

Дуэйн поднялся.

- Прости, – кивнул он Болитару. – Мне нужно на корт.

Он подошёл к Крейгу. Томас вежливо улыбнулся, и Дуэйн ответил тем же. Какая учтивость! Глядя им вслед, Майрон несколько минут посидел в опустевшей раздевалке. Со стадиона слышались крики: игроков вывели из подтрибунных помещений.

Шоу начинается!

Болитар занял своё место в ложе. Во время матча – а именно в четвёртом сете – он догадался, кто убил Валери Симпсон.

ГЛАВА 44

К приходу Майрона на трибунах арены имени Артура Эша не осталось свободных мест. Дуэйн и Томас Крейг продолжали разминку, по очереди бросали лёгкие свечи, чтобы соперник проработал удар над головой. Фанаты шумно общались, то и дело растягивая губы в улыбке на случай, если попадут в объектив камеры.

В ложах для особо почётных гостей стандартный набор знаменитостей: Джонни Карсон, Дэвид Динкинс, Рене Ричардс, Барбара Стрейзанд, Ивана Трамп.

Пользуясь случаем, к ложе Майрона спустился Джейк Кортер с сыном Джерардом.

- Ну как, с билетами проблем не возникло? – поинтересовался Болитар.

- Да, места отличные, – кивнул Кортер.

- Для моих друзей только самое лучшее!

- Да нет, я имел в виду твою ложу! Умник он и в Африке умник!

Поболтав с Джессикой, Кортеры ушли на свои места, которые иначе как замечательными и назвать было неловко. Болитар оглядел собравшихся. Знакомые все лица: сенатор Кросс со свитой, в которую затесался старый приятель его сына Грегори Кофилд. Фрэнк Эйк во вчерашнем велюровом костюме. Гангстер кивнул Майрону, но тот не ответил. Кеннет и Хелен ван Слайк тоже здесь – вот так сюрприз, чуть ли не в соседней ложе сидят! Спортивный агент постарался перехватить взгляд Хелен, но та старательно его отводила. Нед Тануэлл и команда (не путать с командой Гуффи, хотя подобная ассоциация очевидна) в обычной ложе «Найк». Сегодня по примеру миссис ван Слайк он всеми силами не замечал Майрона и вёл себя куда менее активно.

- Сейчас приду, – поднимаясь, бросила Джессика.

Болитар сел. Генри Хобман уже погрузился в обычный для матчей Дуэйна транс.

– Прекрати морочить парню голову! – процедил тренер. – Твоя работа – облегчать ему жизнь.

Майрон даже отвечать не стал.

Наконец появился Уин. Сегодня на нём розовая рубашка-поло с символикой какого-то гольф-клуба, ярко-зелёные брюки, белые ботинки, а на плечи накинут жёлтый свитер.

– Что за кутюрье тебя одевает? – в ужасе спросил Майрон.

– Это последний писк моды.

– По-моему, скорее вызов окружающему миру.

– Pardon moi, мсье Сен-Лоран! – покачал головой Локвуд, устраиваясь рядом. – Говорил сегодня с Дуэйном?

– Только приободрил, на победу настроил.

Вернувшись, Джессика расцеловала Уина в обе щеки.

– Спасибо! – прошептала она.

Финансовый консультант промолчал.

Зрители стоя прослушали гимн, а потом красивый с лёгким британским акцентом голос попросил почтить память великого Павла Менанси. Собравшиеся преклонили головы, стало тихо, лишь кто-то из женщин всхлипывал. Локвуд закатил глаза. Через две минуты началась игра.

Матч получился невероятный. Оба полуфиналиста предпочитали мощный теннис, но такой силищи не ожидал никто. Скорость была и вовсе космическая: нашей планете такая незнакома. Цифры на спидометре в углу площадки то и дело вызывали у зрителей восхищённое «О-о-о!». Долгие комбинации игроки не выстраивали, порой делали невынужденные ошибки, но куда чаще радовали фантастическими по красоте ударами.

Старое доброе сочетание «подача + выход к сетке» по скорости и мощи возвели как минимум в десятую степень. Дуэйн играл как одержимый: колотил ракеткой, будто мяч был его кровным врагом. Майрону казалось: оба спортсмена показывают всё своё мастерство.

– Здорово же ты парня настроил! – подавшись вперёд, прошептал Локвуд.

– От него Ванда ушла.

– А-а, тогда понятно... – кивнул Уин. – Наш друг сбросил оковы.

– Думаю, дело не в этом.

– Ну, тебе виднее.

Майрон промолчал: что толку говорить о цветах и оттенках с дальтонином.

Первый сет Дуэйн взял со счётом 6:2. Во втором дело дошло до тай-брейка, в котором сильнее оказался Томас Крейг.

– Ну, что ты узнал? – спросил Локвуд, когда начался третий сет.

Стараясь говорить как можно тише, Болитар вкратце изложил факты. В какой-то момент Ивана Трамп шикнула на него: тише, мол, мешаешь! Уин помахал ей рукой.

– Боже, как она мне нравится!

– Вернись с небес на землю...

Когда теннисисты менялись сторонами, Уин снова зашептал:

– Сначала нам казалось: Валери погибла, потому что знала нечто компрометирующее Павла Менанси, а сейчас выходит: она поплатилась за то, что стала свидетельницей гибели Александра Кросса.

– Ну, это только предположение.

Во время следующего перехода кто-то похлопал Майрона по плечу. Посмотрев назад и вниз, далеко вниз, он сильно удивился:

– Доктор Абрамсон!

– Здравствуйте, Майрон.

– Рад встрече!

– Я тоже. Ваш клиент великолепно играет. Наверное, вы довольны.

– Не стану ни подтверждать, ни отрицать тот факт, что Дуэйн Ричвуд является моим клиентом. – Доктор Абрамсон не улыбнулась. – Мне должно быть смешно?

– Пожалуй, нет, – ответил Болитар. – Не знал, что вам нравится теннис.

– Каждый год на соревнования прихожу, – объяснила доктор и заметила Уина: – Здравствуйте, мистер Локвуд.

– Доктор Абрамсон, – кивнул финансовый консультант.

– А это моя подруга Джессика Калвер, – представил Майрон.

Женщины обменялись рукопожатиями и вежливыми улыбками.

– Очень приятно! – проговорила доктор Абрамсон. – Что же, не буду отнимать время! Просто захотелось поздороваться.

– Может, встретимся после матча? – предложил Болитар.

– Нет, думаю, не стоит. Всего хорошего!

– А вы Кеннета и Хелен ван Слайк видели?

– Конечно, а ещё видела, что они ненадолго покинули свою ложу.

Майрон обернулся: так и есть, ушли.

– Вы не психотерапевт, а лиса! – улыбнулся он. – Пришли поздороваться, когда они не видят.

– Поздороваться и попрощаться, – улыбнулась в ответ Джулия Абрамсон, а затем развернулась и вышла.

Во время очередного перерыва ван Слайки вернулись.

– Откуда ты знаешь доктора Абрамсон? – спросил приятеля Майрон.

– Валери в больнице навещал.

— Часто?

Уин промолчал. Возможно, пожал плечами, возможно – нет, безмолвный ответ был ясен: занимайся своими делами! Майрон повернулся к Джессике, но она лишь тоже плечами пожала.

Тем временем на корте Дуэйн заиграл намного рискованнее. К счастью, удачных комбинаций было больше, чем ошибок, и он взял третью партию со счётом 7:5. Таким образом, Ричвуд вышел вперёд по сетам и теперь находился в одном шаге от финала Открытого чемпионата США. Ложа «Найк» заметно повеселела. Даже Нед Тануэлл и тот воспрянул духом. Воистину природный оптимизм не спрячешь!

Из своей ложи за игрой молча следил сенатор Кросс. Никто не разговаривал с ним, и он не общался ни с кем, даже во время переходов. Л ишь раз отец Александра поймал взгляд Майрона, долго смотрел ему в глаза, однако подходить не стал. Кеннет и Хелен ван Слайк общались с теми, кто сидел по соседству, но, похоже, оба чувствовали себя неловко. Положив ногу на ногу (наверное, так меньше всего жали брюки), Фрэнк Эйк болтал с президентом «Тру-Про» Роем О'Коннором. Фрэнк выглядел вполне уверенно, а Рой так, будто его сейчас вырвет. Ивана Трамп с любопытством оглядывала трибуны. Стоило ею взгляду ненароком коснуться Уина – тот посылал воздушные поцелуи.

Дуэйн вышел подавать на третий сет, и Майрона наконец осенило. Началось всё с рассказа Джимми Блейна о погоне в Филадельфии. Одна деталь выпадала из картинки, в которую сложились остальные факты. Когда и она встала на своё место, Болитар резко выпрямился.

Уин с Джессикой переглянулись, а Майрон намеренно спрятал глаза.

– В чём дело? – потребовала ответа девушка.

Спортивный агент повернулся к приятелю.

– Мне нужно поговорить с Грегори Кофилдом.

– Когда?

– Прямо сейчас, например, во время следующего перерыва. Сможешь вызвать его на тет-а-тет?

– Без проблем, – кивнул Уин.

ГЛАВА 45

На начальной стадии турнира порой одновременно проводится по пятнадцать матчей и более. Звезды играют на арене Артура Эша и Луиса Армстронга, остальные – на кортах поскромнее, где посадочных мест раз-два и обчёлся. Сегодня эти корты пустовали. Майрон ждал у корта номер шестнадцать, так сказать, средней значимости, который по количеству мест для зрителей шёл сразу за аренами и демонстрационным кортом, но значительно уступал большинству школьных спортзалов.

Майрон опустил на алюминиевую скамью в первом ряду. Достигшее зенита солнце припекало на полную мощность. С арены Артура Эша, находящейся метрах в ста от шестнадцатого корта, то и дело слышались крики и овации. Иногда казалось, особо удачные розыгрыши вызывают у зрителей оргазм. Начиналось всё медленным о-о-о, затем учащалось до о-о, о-о и наконец взрывалось оглушительным 0-0-0-0 с протяжным вздохом и аплодисментами.

Какая странная мысль!

Странная и сбивающая с толку.

Сначала Майрон услышал Грегори Кофилда и только потом увидел.

Произношение такое же, как у Уина: высокомерно-снисходительное, шуршащее огромными деньгами.

– Ради всего святого, Уиндзор, куда мы идём?

– Грегори, тут совсем недалеко.

– Старик, а это не могло подождать?

Старик... Ни одному из них ещё тридцати пяти не исполнилось, а Кофилд говорит «старик»!

– Нет, Грегори, не может.

Приятели свернули за угол. При виде Болитара глаза у Грегори стали совсем круглыми, но парень быстро справился с собой, протянул руку и улыбнулся.

– Привет, Майрон!

– Здравствуй, Грег.

Холоное лицо передёрнулось от гнева: он не Грег, а Грегори.

– В чём дело, Уиндзор? Я думал, у тебя ко мне дело.

– Ну, я солгал, – пожал плечами финансовый консультант. – Майрон хочет поговорить. Ему нужна твоя помощь.

Кофилд повернулся к Майрону: выкладывай, мол.

– Пожалуйста, расскажите о ночи, когда убили Александра Кросса.
– Я ничего не знаю, – отрезал Грегори.
– Уверен, вам известно многое, но у меня всего один вопрос.
– Извините, – покачал головой парень, – мне нужно вернуться в ложу. – Он повернулся, чтобы уйти, но Локвуд загородил дорогу. В глазах Грегори мелькнуло изумление.
– Всего один вопрос, – повторил Болитар, но друг Александра его не слушал.
– Уиндзор, пожалуйста, уйди с дороги.
– Нет, – покачал головой Уин.
Кофилд ушам своим не верил. Криво улыбнувшись, он запустил пальцы в непослушную шевелюру.
– Ты что, станешь силой меня удерживать?
– Да.
– Ради Бога, Уиндзор, это уже не смешно!
– Майрону нужна твоя помощь.
– Я не готов её оказать, а теперь, пожалуйста, дай пройти!
Локвуд не шелохнулся.
– Грегори, значит, ты утверждаешь, что не намерен помогать?
– Да, именно это я утверждаю.
Кулак Уина метнулся к солнечному сплетению Грегори, и тот, задыхаясь, упал на одно колено. От шока лицо стало мертвенно-бледным. Майрон покачал головой, хотя прекрасно понимал замысел приятеля. Для людей вроде Грегори Кофилда, да и вообще для большинства, насилие довольно абстрактно. Оно существует в книгах и кино, но непосредственно в их мир не проникает. Вот Уин и показал бывшему однокласснику, как быстро всё может измениться. В тот момент Грегори испытывал физическую боль, причинённую человеческим существом. Отныне для Кофилда-младшего всё изменится. Он станет вести себя иначе, и не только здесь и сейчас.
Несчастный схватился за грудь. Казалось, ещё немного-и разрыдается.
– Не заставляй бить снова! – предупредил Локвуд.
Майрон шагнул к другу Александра, но протягивать руку не спешил.
– Грегори, нам всем известно, что случилось в ту ночь, – начал спортивный агент. – Хочу задать один-единственный вопрос, а чём занимались лично вы, меня не волнует. Например, совершенно не волнует, что вы вводили себе запрещённые препараты. Сказанное не будет поставлено вам в вину, если, конечно, не соврёте.
Грегори молча смотрел на Болитара. На холемом лице ни кровинки.
– Эррол Суэйд и Кертис Йеллер проникли в клуб не с целью воровства, – начал Майрон, – и не для того, чтобы продавать наркотики. Я прав? Если да, кивните.
Кофилд взглянул на Уина, потом на Майрона и наконец кивнул.
– Скажите, чём они занимались?
Грегори молчал.
– Ну, скажите, – не унимался Болитар. – Ответ мне и так известен, хочу лишь услышать его от вас. чём занимались в ту ночь Суэйд и Йеллер?
Дыхание у Кофилда почти восстановилось. Он протянул руку, и, взяв её, Майрон помог парню встать.

– чѐм они занимались? Скажите, пожалуйста!

И тогда с уст Грегори Кофилда сорвалось именно то, что ожидал услышать Болитар:

– Они играли в теннис.

ГЛАВА 46

Майрон побежал к машине.

4:2 – Дуэйн вѐл в четвѐртом сете с брейком и находился всего в двух геймах от финала Открытого чемпионата США. Однако это обстоятельство отошло на второй план: Болитар разгадал загадку и понял, что случилось с Александром Кроссом, Кертисом Йеллером, Эрролом Суэйдом, Валери Симпсон, а возможно, и Павлом Менанси.

Схватив «машинный» телефон, спортивный агент начал обзванивать нужных ему людей. Вторым он набрал домашний номер Эсперансы. Компаньонка взяла трубку.

– Я с Люси, – ответила она. Вот уже пару месяцев Эсперанса встречалась с молодой женщиной по имени Люси. Казалось, у них всё серьёзно, хотя несколькими месяцами раньше Майрону казалось, у Эсперансы серьёзно с парнем по имени Макс. Сначала Макс, потом Люси – в общем, не заскучаешь!

– У тебя журнал посетителей под рукой? – поинтересовался Майрон.

– Да, храню электронный вариант в компьютере.

– Найди последний визит Валери Симпсон. Кто приходил непосредственно перед ней?

– Секунду... – Болитар услышал стук клавиш. – Дуэйн. Так он и думал.

– Спасибо...

– Ты не на матче?

– Нет.

– Тогда где?

– В машине.

– Уин с тобой?

– Нет.

– А гримза?

– Я один.

– Тогда заезжай за мной, Люси уже уходит.

– Нет.

Отсоединившись, Болитар включил радио. Дуэйн вѐл 5:2, остался один гейм! Спортивный агент позвонил на домашний номер Аманды Уэст, затем Джимми Блейну. всё сошлось... Майрон почувствовал, как по спине ползут ледяные мурашки.

Дрожащими пальцами он набрал номер Люсинды Йеллер. Старая учительница сняла трубку после первого же гудка.

– Мы можем сегодня встретиться? – спросил Болитар.

– Да, конечно.

– Заеду к вам через пару часов.

– Буду ждать, – ответила учительница. Ни вопросов, ни просьб объяснить, в чѐм дело. – До свидания, – только и сказала Люсинда.

Дуэйн выиграл четвёртый сет со счётом 6:2 и вышел в финал Открытого чемпионата США. Увы, послематчевый репортаж получился скомканным по ряду причин: во-первых, сразу за мужским полуфиналом начинался женский финал. Во-вторых, эксцентричный Дуэйн Ричвуд спешно покинул территорию комплекса, не задержавшись даже на интервью. Спортивные радиокomentаторы сильно удивились.

А Майрон не удивился.

До Люсинды Элрайт он добрался менее чем через два часа, пробыл менее пяти минут, зато развеял последние сомнения. Забрав одну книгу, он вышел к машине и через некоторое время притормозил на подъездной аллее. Ставшая знакомой дверь... Майрон позвонил и, когда ему открыли, радушной улыбки не увидел.

На этот раз он не удивился и этому.

– Я знаю, что случилось с Эрролом Суэйдом, – заявил Болитар. – Он мёртв.

– По-моему, я вам с самого начала об этом говорила, – щурясь на ярком солнце, отозвалась Диана Йеллер.

– Да, только забыли уточнить, что вы его застрелили.

ГЛАВА 47

Не дожидаясь приглашения, Майрон протиснулся мимо хозяйки и снова поразился полному отсутствию индивидуальности в обстановке гостиной. Ни единой фотографии, ни малейшего напоминания о прошлом. Теперь он знал причину. Очевидно, до его появления Диана Йеллер смотрела теннисный матч: женский финал, первый сет в полном разгаре. А вот и сама Диана!

– Наверное, это настоящая мука, – проговорил Болитар.

– О чём вы?

– Смотреть на Дуэйна по телевизору, а не с трибун.

– То было сиюминутное увлечение, – без всякого выражения проговорила миссис Йеллер. – Ничего серьёзного.

– Значит, Дуэйн – любовник на одну ночь?

– Да, примерно так.

– А по-моему, нет, – покачал головой Майрон. – Дуэйн Ричвуд – ваш сын.

– О чём вы говорите? У меня был всего один сын.

– Так и есть.

– Мой мальчик погиб, его застрелили, помните?

– А вот это неправда. Застрелили Эррола Суэйда, а не Кертиса.

– Не понимаю, о чём вы, – покачала головой Диана, но прежней решимости в голосе не было. Скорее усталость, будто ею оставили силы или просто стало ясно: Майрон на ложь не клюнет.

– Мне удалось во всем разобраться. – Болитар показал ей книгу: – Знаете, что это? – Миссис Йеллер апатично покачала головой. – Ежегодник из школы Кертиса. Люсинда Элрайт дала.

Диана казалась до невесомости хрупкой: дунет ветер посильнее – и унесёт.

Майрон раскрыл ежегодник.

– Дуэйну изменили форму носа, может, ещё какую-то пластику сделали, точно не уверен. Стрижка другая... Естественно, он уже не худенький шестнадцатилетний мальчишка: мышечную массу набрал. К тому же в общественных местах никогда не снимает очки... Да и кому придёт в голову, что Дуэйн Ричвуд – подозреваемый в убийстве, состоявшемся шесть лет назад?

Пошатываясь, Диана опустилась на стул и слабым жестом предложила Болитару сесть напротив.

– Кертис был отличным спортсменом, – устроившись поудобнее, Майрон листал страницы ежегодника. – Девятиклассником играл в футбол и баскетбол за университетскую команду. В его школе теннисного клуба не было, однако, по словам Люсинды, парня это не смущало: он мог тренироваться где угодно. Он просто обожал теннис.

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

– Видите ли, я с самого начала не поверил в сказку про ограбление. Диана, вы без колебаний назвали сына вором, но факты однозначно это опровергали. Кертис правонарушений не совершал, был положительным парнем и умницей. Что тащить из теннисного клуба ночью? Сначала я подумал: не договорились из-за наркотиков. Такая версия выглядела наиболее правдоподобной. Эррол Суэйд торговал, Александр Кросс нюхал и кололся. Но разве Кертис имел отношение к наркотикам? Затем какое-то время мне казалось, что ваши сын и племянник вообще не были в клубе и их просто подставили. Однако имеется более-менее надёжный свидетель, утверждающий, что видел их обоих. А ещё видел у каждого в руках по ракетке и слышал, как стучат теннисные мячи. Зачем они им? Если воруешь, то стараешься унести как можно больше ракеток, а если торгуешь наркотиками, спортивный инвентарь вообще не нужен. Ответ очевиден. Они проникли в клуб не с целью грабежа, а потому что Кертису захотелось поиграть в теннис.

Диана подняла голову. Глаза пустые, движения замедленные.

– Там был травяной корт, – проговорила она. – Кертис всю неделю смотрел по телевизору Уимблдон и мечтал попробовать свои силы на траве.

– К сожалению, в то самое время Александр Кросс вместе с друзьями вышел на улицу принять очередную дозу, – продолжал Майрон. – Ребята услышали, как играют Кертис с Эрролом. Что случилось дальше, не совсем ясно; думаю, тут можно поверить рассказу Брэдли Кросса. Обкурившийся Александр полез в драку. Вероятно, ему не понравилось, что на его корте играют чернокожие, или он действительно заподозрил грабёж – сейчас это не важно. Важно то, что Эррол Суэйд вытащил нож и заколол Кросса. Самооборона? Не исключено, хотя что-то мне не верится.

– Дикая реакция, – отозвалась Диана. – Эррол увидел белых парней и схватился за нож. По-другому просто не умел.

Майрон кивнул.

– Незваные гости бросились наутёк, но из-за кустов на Кертиса налетела Валери Симпсон и сбила с ног. Они стали бороться, и девушка успела как следует рассмотреть вашего сына. Когда дерёшься с человеком, которого считаешь убийцей своего жениха, волей-неволей запоминаешь его лицо. Тем не менее Кертису удалось отбиться, они с Эрролом перемахнули через забор, добежали до ближайшей стоянки и выбрали машину. На Суэйде уже висело несколько арестов за угоны, так что влезть в автомобиль и завести его без ключа не составило ни малейшего труда. Это и было моей первой зацепкой. Я говорил с детективом, якобы застрелившим вашего сына. Его зовут Джимми Блейн. Так вот, Джимми утверждает, что стрелял в водителя, а не в пассажира. Но Кертис ни за что не сел бы за руль. Зачем? Машину вёл опытный угонщик, а не примерный мальчик. Тогда я и догадался: Джимми Блейн стрелял не в Кертиса Йеллера, а в Эррола Суэйда.

Диана Йеллер сидела неподвижно, как статуя.

– Пуля застряла в рёбрах Эррола, тем не менее с помощью Кертиса он смог свернуть за угол и проникнуть в дом по пожарной лестнице. Так они оба попали в вашу квартиру. Представляю: воеет сирена, приближается полиция, мальчишки в панике. Ад, самый настоящий ад! Они рассказали, что случилось, и у вас земля ушла из-под ног. А как иначе: белый богатик убит в элитном клубе! Даже возьми Эррол вину на себя, Кертис был бы обречён.

– Я знала больше, чём они рассказали! – вмешалась Диана. – С момента убийства прошло больше часа, и по радио сообщили, кто убит. Не просто белый богатик, а сын сенатора Соединённых Штатов.

– А ещё вы знали о многочисленных арестах Эррола, знали, что виноват он, знали: на этот раз племяннику на свободу не выйти. Жизнь Суэйда фактически кончилась, и винить ему следовало только себя. А вот Кертис абсолютно ничем не провинился. Он хороший мальчик, блестящее будущее которого из-за глупости двоюродного брата могло полететь в тартарары.

– Но ведь это правда! – с вызовом проговорила Диана, на мгновение стряхнув с себя апатию. – И отрицать вы не можете!

– Нет, – покачал головой Майрон, – не могу. Наверное, план сложился сам собой. По радио сказали, полицейский выстрелил дважды, а рана у Эррола была всего одна. Кертис с полицией не конфликтовал, на него даже досье не заводили, так что ни фотографии, ни словесного портрета в базе данных не имелось... – Майрон сделал паузу. – Диана, чьим пистолетом вы воспользовались?

— Эррола.

– Суэйд держал его при себе?

Женщина кивнула.

– Значит, вы взяли пистолет, прижали дуло к щеке племянника и выстрелили.

Миссис Йеллер снова кивнула.

– Вы, по сути, снесли ему лицо, – продолжал спортивный агент. – Это меня тоже смутило: зачем стрелять в лицо? Почему не в сердце и не в затылок? Чтобы лица никто не увидел, вот почему. Чтобы превратить Суэйда в неузнаваемый кусок мяса! Потом устроили спектакль: когда в квартиру ворвались копы и головорезы сенатора, вы рыдали и прижимали Эррола к груди. Я спросил патологоанатома, кто опознавал труп, а она рассмеялась: какой идиотский вопрос! Ближайшие родственники, то есть мать, то есть вы, Диана. Что ещё выяснять? Зачем копаться в деталях? Никто особо не усердствовал. А чтобы обезопасить себя окончательно, вы распорядились немедленно кремировать племянника. Реши кто-нибудь провести дополнительное расследование – все улики превратились в пепел.

Спрятать Кертиса особых сложностей не составило: в общенациональный розыск объявили Эррола Суэйда, молодого человека ростом под метр девяносто пять, совершенно непохожего на вашего сына. Кертиса Йеллера никто не вспоминал. Он погиб – и точка.

– Ну, всё оказалось не так просто, – покачала головой Диана. – Мы с сыном были очень осторожны: конечно, приходилось играть против сильных мира сего. Я боялась полиции, а ещё больше людей, работавших на сенатора. Газеты изобразили Кросса-младшего героем. Кертис знал правду, так что доберись сенатор до моего мальчика... – Женщина пожала плечами, явно не желая думать об очевидном.

Майрон кивнул: он рассуждал также – мёртвые не болтают.

– Значит, следующие несколько лет Кертис провёл в подполье?

– Да, можно и так сказать. Сынок переезжал с места на место, едва сводил концы с концами. При любой возможности я посылала ему деньги, но в Филадельфию велела не возвращаться. Так что вырос Кертис самостоятельно. Жил на улице, однако благодаря хорошим манерам порой находил приличную работу, например, на целых три года устроился в теннисный клуб под Бостоном. Кертис постоянно тренировался, иногда ему даже позволяли играть с клиентами. Мне удалось скопить денег, и сыну сделали пластику, небольшую – вдруг встретит старого знакомого. Как вы сами заметили, Кертис сильно окреп: вырос на три сантиметра и набрал почти пятнадцать килограммов. А ещё постоянно носил солнцезащитные очки, хотя я считала, что это уже слишком. Думала, его никто не узнает. Ведь столько воды утекло! В худшем случае кому-нибудь показалось бы, что он напоминает погибшего приятеля... Пять лет прошло, и мы оба вздохнули с облегчением: опасность миновала.

– Поэтому на ваш счёт и закапали деньги, – проговорил Майрон. – Не откупные, а призовые, которые получал Дуэйн, став профессионалом. Это он подарил вам дом.

Миссис Йеллер кивнула.

– Несколько дней назад, увидев вас в отеле, я решил, что вы любовники. Но получается, то была встреча сына с матерью. И у двери вы обнимали его не как возлюбленного, а по-матерински... На самом деле Дуэйн вообще не изменял Ванде, «связи на стороне» использовались для прикрытия. Так что девушка не ошиблась: всё это время любимый хранил ей верность и не обманывал ни с вами, ни с Валери Симпсон.

Диана снова кивнула:

– Сын по-настоящему любит Ванду, они отличная пара.

– всё шло гладко, пока Валери и Дуэйн не пересеклись в моем офисе, – рассказывал Болитар. – Расслабившись, парень снял очки, и она увидела его с близкого расстояния. Как я уже говорил, невозможно забыть лицо человека, которого считаешь убийцей своего жениха. Мисс Симпсон узнала Кертиса, стащила карточку с его данными и позвонила. Диана, что случилось потом? Валери угрожала разоблачением?

– Мы с вами кое-что пропустили, – заявила миссис Йеллер. – Я лишь хочу, чтобы не осталось никаких неясностей.

– Хорошо.

– В ту ночь Кертис не подозревал, что я решила убить Эррола. Я велела сыну спрятаться в подвале, который сообщался с заброшенным туннелем. Там он мог отсидеться, пока страсти не улягутся. Эрролу пришлось остаться: я пообещала осмотреть ребра, но, едва Кертис вышел из комнаты, взяла пистолет и застрелила племянника.

– Ваш сын узнал о случившемся?

– Впоследствии догадался, хотя, повторяю, с самого начала ни о чём не подозревал. Сын тут совершенно ни при чем.

– А как насчёт Валери? Она собиралась раскрыть вашу тайну?

– Да.

Майрон перехватил взгляд Дианы.

– И вы ею убили...

Несколько секунд миссис Йеллер молча разглядывала ладони, будто пытаюсь найти какое-то объяснение.

– Она не пожелала прислушаться к здравому смыслу, – тихо начала женщина. – Дуэйн сказал, что Валери ему звонила. Он пытался объяснить: убийца – Эррол и нечего нападать на невиновных, однако ей было всё равно. Тогда в отель «Плаза» пришла я. Начала убеждать: Дуэйн не сделал ничего плохого, но в ответ Валери всё повторяла какую-то ерунду о том, что устала прятаться от прошлого: мол, и так слишком долго молчала и теперь должна выговориться... – Зажмурившись, Диана покачала головой. – Эта девушка не оставила мне выбора. Начав следить за отелем, я увидела, как она понеслась во «Флашинг-Медоус». Было ясно: Валери страшно, она хочет с кем-то поделиться, значит, нужно действовать, нужно помешать ей, причём немедленно, иначе... – Миссис Йеллер затихла и, убрав руки со стола, спрятала их на коленях. – Выбора действительно не оставалось.

Майрон слушал затаив дыхание.

– По-другому я поступить не могла: на одной чаше весов была она, на другой – жизнь моего сына.

– И вы во второй раз выбрали сына.

– Да, и если вы сдадите меня копам, получится, что жертвы были напрасными. Всплывёт правда, и моего мальчика убьют. Непременно убьют...

– Я его защищу! – пообещал Болитар.

– Нет, это моя обязанность.

На подъездной аллее заскрипели шины. Поднявшись, Майрон выглянул в окно. Дуэйн! Заглушив двигатель, он выскочил из салона.

– Задержите его, – неожиданно сорвавшись с места, попросила Диана, – пожалуйста!

– Что?

Подбежав к двери, женщина задвинула засов.

– Не хочу, чтобы он видел.

– Что видел? – спросил Болитар, но тут же всё понял: миссис Йеллер держала в руках пистолет.

– Я уже дважды убивала ради его спасения, думаете, на третий не решусь?

Майрон оглядел гостиную – куда бы спрятаться? – и уже в который раз отругал себя за непредусмотрительность. Он стоит прямо посреди комнаты, Диана не промахнётся.

– Убив меня, вы проблему не решите!

– Знаю...

Дуэйн колотил в дверь.

– Открой! Ничего ему не говори! – кричал он, не переставая колотить.

Глаза Дианы наполнились слезами.

– Майрон, никому не рассказывайте! Тем более рассказывать больше нечего: всем виновным воздастся по заслугам.

Миссис Йеллер прижала дуло к виску.

– Не надо! – прошептал Болитар.

– Мама, открой, мама! – кричал с улицы Дуэйн.

Женщина повернулась на отчаянный голос, и Майрон попытался ею остановить. Не успел... Нажав на курок, Диана принесла последнюю жертву ради своего сына.

ГЛАВА 48

Через некоторое время Майрон не без труда уговорил Дуэйна уйти из материнского дома. Ведь именно так хотелось бы Диане. Когда оба отъехали на порядочное расстояние, Болитар позвонил в полицию Черри-Хилл и, не представившись, сообщил, что «только что слышал выстрел», назвал адрес и отсоединился.

Спортивный агент и подопечный встретились на стоянке для отдыха посреди скоростной магистрали Нью-Джерси. Дуэйн уже взял себя в руки и перестал всхлипывать.

– Ты кому-нибудь расскажешь? – спросил теннисист.

– Нет.

– Даже матери Валери?

– Я ничего ей не должен.

Тишина. По щекам Дуэйна снова покатались слезы.

– Так что, Майрон, правда тебя освободила?

Болитар пропустил вопрос мимо ушей.

– Поговори с Вандой, – посоветовал он. – Если действительно ею любишь, признайся ей во всем. Это твой единственный шанс.

– Ты больше не можешь быть моим агентом, – покачал головой Ричвуд.

– Знаю...

– У мамы не было выбора, она должна была спасти меня.

– Нет, выбор был.

– Неужели? Как бы поступил ты, если бы дело касалось твоего ребёнка?

Ну что тут скажешь? Одно Болитар знал чётко: Валери Симпсон он убивать бы не стал.

– Выйдешь завтра на матч?

– Обязательно, – Дуэйн сел в машину, – и выиграю.

Майрон не сомневался.

Припарковавшись на стоянке Кинни, Болитар прошёл мимо уродливой скульптуры в здании «Лок-Хорн секьюритиз». За стойкой дежурил охранник. Субботним вечером во всем небоскрёбе ни души. Тем не менее в одном из окон горел свет, Майрон заметил его ещё с улицы.

Скорее в лифт – и на четырнадцатый этаж! Темнота, обычный для «Лок-Хорн секьюритиз» шум затих до понедельника... Большинство компьютеров отключены и покрыты пластиковыми чехлами, лишь на экранах некоторых горят причудливые заставки, отбрасывая на столы танцующие отблески. Болитар поспешил на свет, горевший в угловом кабинете. Уин сидел в кресле и читал книгу на корейском. Заметив Майрона, он поднял глаза.

– Ну, рассказывай!

И Майрон рассказал всё от начала до конца.

– Вот так парадокс! – выслушав приятеля, воскликнул Уин.

– В смысле?

– Мы все удивлялись, почему мать совершенно не заботится о своём сыне, а получилось наоборот: она слишком о нём заботилась.

Болитар кивнул.

– Тебе всё известно? – спросил Уин.

– Да.

– Откуда?

– После встречи с доктором Абрамсон догадался. Ты так часто навещал Валери, что в клинике знают твоё имя. У меня тут же появились подозрения.

– Я сам собирался тебе объяснить, – кивнул Уин.

– Не нужно было его убивать!

– Иногда ты как ребёнок! Я сделал то, что следовало.

– Но не убивать же...

– Тогда Фрэнк Эйк убил бы нас! От этой мысли он отказался только потому, что не стало Павла Менанси, а следовательно, и выгоды. Устранив Павла, я, по сути, лишил его мотива. Выхода существовало всего два: бросить вызов мафии и бесславно погибнуть или уничтожить паразита. Получается, гибель подонка спасла нам жизнь.

– Что ещё ты сделал с Эйком?

– Не понял...

– В тот день в лесу Фрэнк появился не только объявить, что охота закончена. Он был чем-то напуган и просил рассказать о нашей встрече тебе.

– Ах, это... – вставая, протянул Уин, взял клюшку и высыпал на ковёр несколько мячей для гольфа. – Я послал ему бандероль.

– Какую ещё бандероль?

– В ней было правое яичко Аарона. Моей бандероли вкупе с гибелью Павла оказалось достаточно, чтобы убедить: перемирие выгодно и нам, и ему.

– чём ты отличаешься от Дианы Йеллер?

– Одной-единственной деталью, – ответил Уин. Замах – удар – и мяч вкатился в воображаемую лунку. – Я не виню её за то, что она сделала в ночь убийства Александра Кросса. всё очень разумно и с практической точки зрения верно. Миссис Йеллер не доверяла ни системе правосудия, ни сенатору США, и в обоих случаях она, бесспорно, права. чём пожертвовала Диана? Жизнь никчемного племянника, остаток которой он наверняка провёл бы за решёткой... Нет, здесь я с ней полностью солидарен. – Локвуд приготовился к следующему удару, тщательно выверяя его направление. – Отличает нас то, что во втором случае она убила невинного. Я подобного не совершал.

– Грань, которую ты возводишь, очень зыбкая.

– Дружище, весь наш мир состоит из зыбких граней. Я каждую неделю навещал Валери в психиатрической клинике, об этом тебе известно?

Майрон покачал головой. Надо же, он самый близкий друг Уина и не знал, что тот был знаком с Валери Симпсон.

Локвуд загнал в лунку ещё один мяч.

– Увидев её в том Богом забытом месте, я тут же захотел выяснить, что случилось. Какое зверство погубило душу, которая умела парить, словно на крыльях? Тебе удалось найти ответ: это сделал Павел Менанси. Если бы не моё вмешательство, мерзавец и Джанет Коффман бы довёл. – Уин внимательно посмотрел на приятеля. – Наверное, ты и так в курсе, но я все-таки скажу: то, что гибель Менанси спасла нас от Фрэнка Эйка, – лишь дополнительный плюс. Я бы всё равно его убил, а найдут мне оправдание или нет, значения не имеет.

– Существовали и другие способы призвать Павла к ответу! – возразил Майрон.

– Какие? – насмешливо поинтересовался Уин. – Арестовать его? Никто ведь обвинение не предъявит! Допустим даже, ты прав и всё бы раскрылось, ну и что бы случилось с Менанси? Он бы написал книгу или пошёл к Опре Уинфри со слезливым рассказом о том, как в детстве сам стал жертвой домогательства. В результате Павел превратился бы в мега-звезду, – уверенно закончил Локвуд. Ещё один удар, ещё одно попадание. – Просто мыс тобой очень разные, и оба это понимаем. Так что всё нормально...

– Нет, ненормально!

– Ещё как нормально! Будь мы одинаковыми, давно погибли бы или с ума сошли. Атак мы друг друга уравниваем. Поэтому ты мне как брат и я очень тебя люблю.

Пауза.

– Не делай так больше, – попросил Майрон.

Вместо ответа Уин ударил по очередному мячу.

– Ты меня слышал?

– Хватит об этом. Инцидент исчерпан, а над будущим мы не властны.

Снова пауза, заполненная точным ударом Локвуда.

– Тебя ждёт Джессика, – заметил Уин. – Она просила напомнить про экзотические масла Средиземноморья.

Болитар развернулся и ушёл, чувствуя, что сильно устал. Однако Уин прав: инцидент исчерпан. Со временем жизнь вернётся на круги своя... всё наладится.

По дороге к лифту у Майрона появилась заманчивая идея: почему бы не восстановить силы при помощи экзотических масел Джессики?

ОТ АВТОРА

Выражаю благодарность друзьям и соседям по университетскому общежитию: Джеймсу Брандбиру и Лоренсу Виталу; Дэвиду Пепе из корпорации «Про Эйджентс», Питеру Ройсману из «Эдвантидж интернешнл», моему другу и редактору Джейкобу Хойе, доктору медицинских наук Натали Айарс, И.У. Каунту, литературному клубу «Америка онлайн» и, конечно, Дэйву Болту.

Примечания

- 1** – Академия Филиппа Эксетера (штат Нью-Гемпшир) – одна из самых престижных частных школ-интернатов США.
- 2** – «Фор Топс» – поп-группа, исполнявшая музыку в стиле «мотаун-саунд» (соул).
- 3** – Беатрис (Беа) Артур – американская комедийная актриса и певица с низким «мужским» голосом.
- 4** – Симпсон, Орентал Джеймс (О. Джей) – звезда американского футбола. Подозревался в убийстве жены и её любовника, после полуторагодичного судебного процесса, широко освещавшегося СМИ, оправдан судом присяжных.
- 5** – Энтони Ньюли – актёр, режиссёр, продюсер, сценарист, композитор.
- 6** – Я?(фр.).
- 7** – Уильям Пенн-мл. – основатель квакерской общины в Америке, отец – основатель штата Пенсильвания.
- 8** – Пренебрегающего (фр.).
- 9** – Свенгали – герой романа Дж. Дюморье, музыкант, обладающий магическим воздействием на людей. В переносном смысле – могущественный покровитель, человек, обладающий силой непреодолимого внушения.
- 10** – Основное блюдо, жаркое (фр.).
- 11** – Объект славы, предмет гордости (фр.).
- 12** – Мальчишки Харди – юные детективы, герои одноименного романа Эдуарда Стрэтмейера.
- 13** – Алан Альда (настоящее имя Альфонсо Джозеф д'Абруццо) – американский актёр, писатель и режиссёр.
- 14** – Ролик «Уилли Хортон» был использован Дж. Бушем-старшим во время президентской предвыборной кампании 1988 года. В нём рассказывалась история убийцы, сбежавшего из тюрьмы в Массачусетсе – штате, губернатором которого был оппонент Буша Майкл Дукакис. Беглец тогда совершил преступление против двух молодых людей. Эта реклама убеждала зрителей, что демократы «слишком снисходительны к преступникам», и многие полагают, что реклама стала главным фактором проигрыша Дукакиса.
- 15** – «Найнекс» – телефонная компания системы «Белл», обслуживающая местные телефонные линии на северо-востоке США.
- 16** – «Вандерама» – детское телешоу, популярное в США с середины пятидесятых до конца семидесятых.
- 17** – Очень (фр.).
- 18** – Приапизм – длительная патологическая эрекция.
- 19** – Брайан Макнайт – американский композитор, певец, продюсер.
- 20** – Старски и Хуч – сладкая полицейская парочка из фильма «Старски и Хуч»: полицейская легенда». Старски – грубый брюнет, Хуч – вежливый блондин.
- 21** – Рики Нельсон – американский рок-музыкант.
- 22** – Индеец Тонто – вместе с Одиноким Ковбоем – персонаж популярного сериала в жанре вестерна, шедшего сначала на радио, позже на телевидении.
- 23** – Норман Рокуэлл – художник, иллюстратор, автор множества реалистических картин из жизни маленького американского городка.

24 – Имеется в виду бродвейский мюзикл Дейла Вассермана по мотивам романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

25 – Даффи Дак – утёнок, старейший персонаж многочисленных мультфильмов студии «Уорнер бразерс».

26 – Без (фр.).

27 – Дим-сам – блюдо китайской кухни; похоже на пельмени.

28 – Цыплёнок генерала Цо – жареный цыплёнок под обжигающим медовым соусом.

29 – Пер. Н.Карповой.

30 – Джеки Мейсон – американский актёр, комик.

31 – История (иврит).

32 – Секретный агент Макгайвер – герой одноименного телесериала, талантливый учёный, тонкий психолог, пацифист. Ненавидит огнестрельное оружие, использует подручные средства, чтобы выбираться из экстремальных ситуаций: может обезвредить скрепкой ракету «земля-воздух», приготовить взрывчатку из удобрений, сделать скафандр из расплавленного садового шланга и т. д.